

В. Ткавчин

У СИНЕЙ
РЕКИ

В.А. Головин

У синей реки

Красноярск 2008

ББК 84
Г 61

Г61 **Головин, В.А.** У синей реки: повесть /В.А. Головин
// сост. Г.Н.Антоник; Краснояр. гос.аграр. ун-т. – Красноярск,
2008. – 180 с.: ил.

В повести в занимательной форме, на примере жизни двух первобытнообщинных племен, дается яркое представление о способах одомашнивания диких животных.

В исторической справке показаны этапы одомашнивания и воздействующие на него факторы.

ББК 84

Рисунки выполнены автором

Составитель Г.Н.Антоник

Вдова автора К.А. Головина выражает благодарность тем, кто оказал помощь в издании повести, – Н.В. Цугленку, В.В. Матюшеву, Л.М. Жибинову, Н.А. Сурину, Г.Н. Антоник, В.В. Калинихину, В.Г. Филиппову.

© Красноярский государственный
аграрный университет, 2008

*Посвящаю учителю и другу
А.П. Никольскому*

ОТ АВТОРА

Люди новокаменного века совершили величайший подвиг, который со студенческих лет поразил мое воображение. Речь идет об одомашнивании животных. Первобытному человеку обязано нынешнее население планеты тем, что имеет мясо, молоко и другие продукты животноводства, а также сырье для промышленной переработки. Дикие предки многих домашних видов в естественной природе теперь отсутствуют. Можно полагать, что в то далекое время были выдающиеся лидеры, вероятно, вожди, которые понимали необходимость выполнения многолетних работ и умели объединить усилия всего племени.

Насколько известно автору, художественная литература пока не коснулась этого важного периода человеческой истории, периода одомашнивания животных. А мимолетные прикосновения грешат упрощенчеством и ничего общего не имеют с научным пониманием проблемы.

Настоящая повесть – скромная попытка хотя бы в малой мере восполнить этот пробел.

ГЛАВА I. ПРИШЕЛЬЦЫ С ЮГА

1

над рекой — плотный туман, сквозь который угадывались контур леса и розовое пятно солнца с размытыми краями. На левый берег реки выходили низинные луга, окаймленные синеющими лесами. Кое-где на лугах виднелись колки кустарников. Высокие травы и прибрежные кусты обвисли под грузом росы и неподвижно застыли в полном покое. Со стороны лугов едва уловимо тянуло утренней свежестью и ароматами цветущих трав. Постепенно туман редел, а его остатки уползали в лесную чашу правобережья. Воды реки спокойно скользили, омывая берега и вершины склоненных тальников. От береговой кромки, поросшей осокой, вклинивались в реку заросли камышей и глянцевого блины кувшинок. Среди них выделялись луковичные бутоны. Некоторые бутоны уже приоткрыли зеленые створки навстречу наступающему дню, обнажили ярко-желтую середину, свечами отражаясь в темном зеркале омутов.

Тишину утра нарушали ежеминутные всплески рыб, сухой шелест стрекоз, возня и разноголосица птиц. Из зеленой путаницы камышей неожиданно с громким криком поднялась чем-то напуганная утка. Она описала большой круг над лугами, опустилась на прежнее место, успокоенно крякнула. Вскоре на гладь реки она вывела утят и направилась к другому берегу. Выстроившись цепочкой и проворно работая лапками, утята старались не отстать от матери. Семейство благополучно достигло залива, как вдруг крутанулась воронкой и брызнула осколками зеркальная

гладь, на миг показалась щучья пасть, и утенок исчез под водой. Выводок с писком кинулся в разные стороны. Мать строго прикрикнула, и пушистые комочки нырнули за ней в спасительную осоку.

У самой воды, среди лопухов борщевика, затаился человек. Его светлые волосы, свисавшие на плечи, и бородатое лицо прикрывали космы осоки, султаном увязанные на голове. Человек словно закаменел, только зрачки серых глаз двигались и широкие ноздри слегка вздрагивали. Он внимательно проследил за полетом утки и переправой ее выводка. Что-то заставило ее пуститься в опасное плавание днем по открытому пространству. Человек сначала повел зрачками влево, откуда пришла тревога, обеспокоившая утку, затем в ту же сторону медленно повернул голову и через ноздри втянул в себя воздух. Удовлетворение мелькнуло в его глазах, и губы тронула улыбка. Не зря от рыскал у реки, таился, выслеживал и ждал столько дней и ночей, не смея развести огонь – в родное племя придет с добычей. Он, не разнимая губ, вскрикнул чибисом. Мало погодя, не качнув листочка, к нему скользнуло гибкое тело женщины.

- Туры, - коротко сообщил мужчина. - Жди здесь.

- Гирр пойдет один? - спросила женщина.

- Да.

- Лань бьет из лука не хуже мужчины, - ее угольно-черные глаза сузились.

- Жди здесь, - повторил мужчина.

- Лань будет ждать.

Гирр снял с плеча лук, вынул из кожаного чехла стрелу, поправил костяной нож у пояса, тяжелую палицу, каменный топор и, низко пригибаясь, двинулся вдоль берега, по-звериному легко и быстро. Он еще раз втянул воздух, приподняв бороду, и, убедившись, что запах идет на него и присутствия человека звери не учуют, пробежал вперед и чуть в сторону, уступая дорогу стаду. У прогалинки с низкорослой травой спрятался за ветвистым кустом ивняка.

Во главе стада, раздвигая грудью траву и кустарник и пригнув лобастую, косматую голову, шел напролом огромный бык-вожак. Его метровые рога торчали отточенными ножами, из ноздрей со свистом вырывался воздух, под темной лоснящейся ко-

жей перекачивались литые мускулы. Вслед за ним шли старые турицы с телятами и без них. Гирр пропустил передних зверей и выбрал молодую самку с первым теленком, что была к нему всех ближе. Лук послушно согнулся в могучих руках охотника, сухожильная тетива заныла от напряжения. Стрела отодвинулась на всю длину и коснулась наконечником пальцев. Миг... и тетива облегченно вздохнула, стрела глубоко вошла под левый локоть турицы. У нее подогнулись ноги, она сунулась мордой в траву, но сразу вскочила, со страшным ревом закрутила головой, брызгая слюной и кровью. Вторая стрела пронзила ей горло.

Гирр успел отпрыгнуть прежде, чем тайная громада вожака тараном пронеслась и перековеркала куст, за которым таился человек. Выиграно несколько мгновений. Охотник бросился к реке. Почуя кровь, ревело и бесновалось все стадо. Вожак наконец увидел врага и огромными прыжками полетел за ним. Бык пригнул голову, намереваясь расплющить двуногое существо, но в последний момент человек резко метнулся в сторону, тур полоснул рогами пустоту, промчался мимо и встал, как вкопанный, стегая бока хвостом. Кровавая пелена злобы на миг застлала глаза вожака. Он снова увидел убегающего врага и, коротко рявкнув, легко поднял массу тела в прыжок. Гирр бросился в реку и скрылся под водой. Почти в тот же момент и тур бултыхнулся за ним, выплеснув волну на противоположный берег. Долго разъяренный вожак будоражил воду и илистое дно рогами и копытами, пахал и раскидывал береговую дернину и кустарники, оглашал окрестности трубным ревом. Но человека больше не увидел. Постепенно успокоился, вышел из реки, огляделся и, решив, что достойно наказал врага, пошел к турицам, а вскоре увел стадо.

Гирр бесшумно вынырнул у места, где ждала его Лань, снял с бедер шкуру, отжал из нее воду и снова повязал у пояса. Женщина не проронила ни слова. Гирр сильный и ловкий охотник, Лань слышала голос умирающей турицы и рев взбешенного вожака. Зачем слова? Она положила руку на плечо своего мужчины и уложила его голову себе на колени. Гирр прикрыл глаза. Женщина убережет его покой. Молча подождали, пока ушло стадо, и нескоро подались к месту охоты. Турица завалилась на бок, высунув окровавленный язык, а возле нее, вздрагивая кожей, стоял теленок. При появлении людей он кинулся прочь, но Гирр легко

догнал его, свалил и скрутил ноги сыромятным ремнем. Охотник разрубил топором грудь турицы, вынул еще теплое, пробитое стрелой сердце. Съели его сырым, разделив поровну. Теперь сила зверя перешла в их тела.

2

Солнце давно перевалило зенит, его косые лучи меньше проникали через плотно сомкнутые кроны деревьев, когда Гирр уловил запах дыма и остановился. Он огляделся, узнавая знакомые места, и опустил тяжелую ношу на землю. Половину туши они завернули в шкуру и зарыли в песок и камни на дне ручья, а заднюю часть Гирр нес в становище. Только медведь смог бы достать оставленное мясо, но они держались в лесах и на открытые луга, где бежал ручей, выходили редко. Лань вела теленка, который то упирался, то брыкался, то рвался в сторону, выматывая силы женщины. После короткого привала Гирр встал на колени лицом в сторону солнца и сложил руки на груди. Лань встала рядом. Затем он отрезал кусок мяса и повесил на сук, чтобы злые духи леса остановились полакомиться, потеряли нюх и не нашли след людей. Гирр вскинул на плечо подсохшую сверху глыбу мяса и двинулся дальше не оглядываясь. Лес вскоре поредел, открылась просторная поляна, а у дальней опушки возле речной излучины – крытые травой хижины. Из-за куста поднялись два человека, преградив путь. На вскинутых луках лежали стрелы, направленные на Гирра и Лань. Гирр ждал их появления. Он знал, что и позади них сейчас стоят с оружием наизготовку мужчины из лесного племени, в которое шли они с Ланью.

- Агу, - сказал Гирр, приложив свободную руку к груди и склонив голову.

Встретившие пришельцев переглянулись, но отвели оружие и расступились, давая дорогу. Гирр опустил мясо на землю, снял с себя нож, топор, лук, стрелы и другое оружие и сложил возле ног. Затем снова поднял мясо и пошел к становищу безоружным. Лань последовала его примеру. Люди из племени Агу, подобрав оружие пришельцев, не смогли сдержать возгласов восхищения: как тщательно оно отделано! Следуя позади, глядели с уважением и некоторым страхом на гиганта-охотника и его спутницу.

Пришелец легко и с достоинством нес такую ношу, какую любой из них с трудом приподнял бы с земли. А женщина с угольно-черными глазами и волосами цвета воронова крыла с темно-коричневой кожей поразила их стройностью и гибкостью тела, каким-то особенным величием. Она, казалось, без усилия волокла на ремне упирающегося туренка.

Круглые островерхие хижины стояли полукольцом, входом к родовому кострищу. Возле кострища в ряд уложены камни и обгорелые чурки, на них обычно сидели старейшины рода и отличившиеся на охоте. Гирр остановился неподалеку от кострища и стал ждать. Сюда скоро сбежалось все племя. Мужчины, женщины, дети с нескрываемым любопытством разглядывали пришельцев. Их оружие переходило из рук в руки. Мужчины качали головами и цокали языками: такого оружия им видеть не приходилось. Наконец из средней хижины, которая отличалась большими размерами, появилась старейшая мать рода в сопровождении двух женщин, а за ними – седой могучий мужчина, вождь племени на охоте и в бою. В поселении правила Агу – мать матерей. Особым уважением и властью пользовалась старейшая мать. Она назначала и смещала вождя, нерадивого охотника могла лишить доли добычи и даже изгнать из рода. Агу – сухая, но крепкая старуха. Ее глаза светились умом и нестарческой зоркостью. Родичи расступились, пропуская ее к кострищу. Мужчины в полном вооружении стояли отдельно, окружив пришельцев. Вождь Кри встал возле них. Агу прошла к кострищу, села на плоский камень, долго и пристально разглядывала лицо Гирра. Все стихло. Родичи ее племени, в том числе вождь, летом носили только набедренные повязки. Старейшая мать до подбородка укутана в одежду из легких козьих шкур, сшитых сухожилиями, даже на ногах у нее мягкая обувь мехом наружу. На шее Агу поверх одежды в два ряда висели сухожильные нити с нанизанными на них клыками кабанов, когтями и клыками медведей и тигров: многих мужчин ласкала она и многих детей подарила роду. Заговорила Агу твердо и неторопливо:

- Вижу, сильный охотник. С чем пришел? Говори.

- Сердце привело в родное племя, - ответил Гирр. - Пришел с миром и поклоном мудрой Агу от сына Барса – вождя южного

племени. Прими мясо молодой турицы. Пусть оно укрепит твои силы, - Гирр опустил ношу на траву и склонил голову.

Уважительная речь пришельца на языке лесного племени понравилась старухе. Польстил поклон от южного вождя, но усилил и сомнения.

- Откуда сын Барса знает мое имя? - спросила она. – Говори.

- Я много рассказывал ему о тебе и твоём племени, - сразу ответил Гирр.

Агу сузила глаза и, казалось, насквозь прожигала взглядом великана, стоящего перед ней.

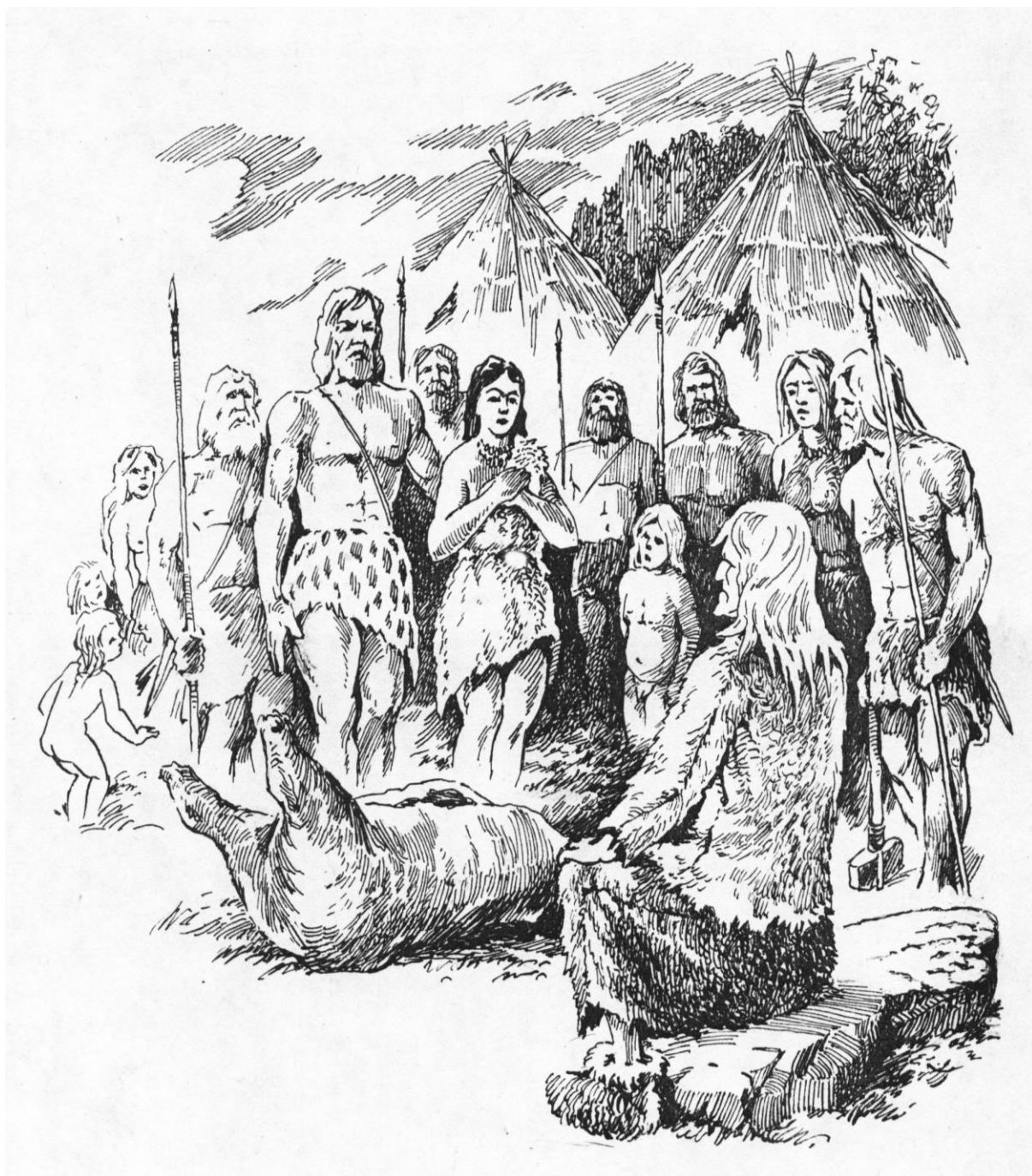
- Кто ты? - резко спросила она. - Говори.

- Я выкормлен твоей грудью, Агу, грелся у твоего очага. Десять раз деревья теряли зеленые шкуры и одевались снова, когда случилась беда. Мужчины были на охоте, а на поселенье напало северное жестокое племя. Злые люди побили детей и увели многих женщин. Роду грозила гибель. Ты отправила молодых и сильных охотников отбить женщин у южных племен. С ними ушел и я. Но чем-то разгневил злых духов, и вражье копье пробило мне плечо. Врага я оглушил палицей, но и сам еле ушел от погони. Много ночей и дней мужчины чужого племени не теряли мой след, отрезав путь к родному очагу. Плечо вздулось, рука ослабела, и я не мог вступить в бой, только ноги без усталости несли меня туда, где стоит солнце в полдень.

Однажды ночью пошел сильный дождь, я укрылся в прибрежных зарослях. К утру вода в реке поднялась выше берегов. По ней плыли коряги и целые деревья. На одно из них я взобрался, теряя последние силы. Дождь лил и лил днем и ночью

Сколько плыл, знают только духи воды. Меня подобрала люди из племени Барса, не убили, а вылечили травами, вернули силы отваром и мясом молодых поросят.

Многому научился я от людей из племени Барса, стал лучшим охотником. На юге много сладких плодов, много зверей, рыб и птиц, но сердце звало в родное племя. И я пришел.

Агу почти сразу узнала пришельца, но считала его мертвым, отдавшим себя во власть духов. Она внимательно выслушала его рассказ, но не спешила принимать решение, проверяя, не злой ли дух явился в образе сына. Молча слушали Гирра и родичи, и вождь Кри.

- Говори свое имя, - велела Агу.

- Имя мое Гирр.

Мать матерей не смогла скрыть волнения. Ее руки, лежавшие на коленях, вздрогнули. Гирр, ее последний и любимый сын,

через много зим вернулся к ней сильным и умелым охотником. Убил турицу и принес в подарок полтуши. Волнение прошло по толпе родичей, некоторые из них узнали Гирра. Агу что-то сказала сопровождавшей ее женщине. Та проворно ушла в хижину и вывела за ременный ошейник огромную собаку.

- Ты кормил ее из своих рук, когда она была щенком, - сказала Агу. - Погладь ее.

- Пи, - ласково позвал Гирр.

Собака вздрогнула и наострила уши. Пришелец смело шагнул к ней и почесал за ухом, как делал давно. Собака взвизгнула и завиляла хвостом. Возглас радости огласил становище. Сомнений не было, родичи уверились, что перед ними Гирр, сын Агу.

- Кто эта черноволосая женщина? - спросила мать матерей. - Говори.

- Это моя женщина, младшая дочь сына Барса. Лань сама захотела уйти со мной, и ей позволил отец. В южном племени у мужчины только одна женщина, у женщины только один мужчина. Сам вождь им связывает руки и обводит вокруг родового огня, после чего женщина принадлежит только своему мужчине.

- Подойдите ко мне, дети мои, - старуха протянула вперед руки.

Гирр и Лань опустились перед ней на колени. Агу положила им на головы сухие ладони, сказала торжественно:

- Гирр – сын нашего рода, равный всем у родового костра, в хижине и в доле от охоты и добычи. Лань – женщина Гирра. Так будет!

- Гирр – сын рода! Лань – его женщина! Так будет! - прокричали люди племени Агу.

Мудрая Агу приняла обычай южного племени и скрепила союз сына с дочерью Барса. Родичи бессознательно одобрили решение старейшей матери.

- Разожжем большой огонь в честь добрых духов, - распорядилась Агу. Лицо ее сияло радостью.

Несколько юношей бросились в лес собирать дрова, женщины занялись мясом – разрубали его на куски и надевали на шесты-вертела. Гирру и Лани вернули оружие. Четверо охотников помчались за второй полутушей турицы, куда указал им

Гирр. К восходу солнца, как раз к началу восхваления добрых духов леса, лугов и воды, они должны вернуться. Мужчины не отходили от Гирра и все любовались его оружием. Больше всего удивлял каменный топор, в нем даже проделано отверстие для топорщица. Только Кри сторонился, он видел в пришельце соперника.

Лань окружили женщины. Никто из них не имел таких черных волос и глаз и бронзово-коричневой кожи. Не скрывая зависти, разглядывали они ее ожерелья из клыков неизвестных зверей и набедренную шкуру невиданного животного. Дело в том, что в племени Агу постоянных супружеских пар не было и дети не знали своих отцов. Мужчины дарили женщинам за ласки ожерелья из костей особо опасных зверей, убитых в единоборстве. Поэтому ожерелья составляли особую гордость женщин. Чем больше костяшек в ожерелье, тем выше заслуга женщины перед племенем. Она ласкала многих сильных охотников и дала роду таких же сильных детей. Можно ли не дивиться, что у черноволосой Лани, не имевшей детей и знавшей одного мужчину, такое богатство украшений? И каким должен быть отважным охотником Гирр? Жадные глаза женщин обратились на него.

3

В становище лесного племени царило оживление. Предстояли праздничные танцы молодых женщин вокруг большого огня и состязания в ловкости охотников, затем обильный пир. Часть мужчин уплыли на долбленых лодках бить копьями рыбу по тихим заливам, часть остались охранять становище. Остальные охотники во главе с вождем ушли на Кабанье болото за жирной добычей, с ними ушел и Гирр. Ягоды еще не созрели, и женщины отправились за кореньями в лес у Круглого озера. В становище остались только старухи и кормящие грудью детей женщины. Они носили к кострищу и ломали сучья и хворост, им помогали подростки. Голотелые чумазые дети бегали, визжали, дрались. На них никто не обращал внимания.

Первыми вернулись охотники, они принесли большого кабана. Его убил Гирр – ударил топором по черепу. Но в ожерелье Лани не добавится кабаньего клыка: секач был до того ранен

стрелой и копьем других охотников. Однако мужчины оценили отвагу и силу пришельца. Не подоспей он, Манг, ударивший кабана копьем, был бы растерзан зверем.

Женщины набрали две вязанки трав и кореньев. Приплыли и рыбаки, их добыча оказалась небогатой – несколько рыббин.

Когда небо посветлело и холодная богиня ночи, не дающая тепла, собралась спрятаться за лесок, условный крик ночной птицы известил родичей племени Агу, что возвращаются охотники, посланные за второй полутушей турицы. Их тотчас помчались встречать.

Агу довольно улыбалась: добрые духи узнали про большой огонь в их честь и послали удачу. Пир будет богатым, а племя сытым. «Скоро проснется Солнце – главный бог духов, - подумала она. - Пора зажигать костер». Агу вошла в хижину, опустилась на колени перед родовым очагом. Это большая корзина, промазанная изнутри глиной, в ней постоянно тлел огонь, а рядом лежал ворох мелко наломанного сухого хвороста. Возле родового очага неотлучно дежурила сама Агу или ее помощница, одна из старых женщин. Мать матерей взяла другую корзину, поменьше, переложила в нее несколько углей из родового очага и сверху кинула тонкие хворостинки. Появилось синеватое пламя. Боясь дохнуть на него, Агу подкладывала новые и новые хворостинки. Лицо ее было сосредоточенно строгим. Она прожила долгую жизнь и каждый раз испытывала волнение от чуда рождения огня, дающего тепло и жизнь людям, делающего мясо мягким и вкусным. Из поколения в поколение берегли его, не давая умереть.

Люди сразу притихли, когда Агу вынесла к кострищу малый родовой очаг и принялась разжигать костер. Даже дети перестали бегать и визжать. Все с благоговением глядели, как на их глазах ширился и смелел огонь, с треском пожирая хворост. Однако люди знали, что огонь нужно держать в смирении, от обильной пищи он становился ненасытным и злым. Костер разгорелся, над ним разложили длинные шесты с нанизанными кусками мяса. Родичи неотрывно глядели на мясо, глотая слюну. Нечасто в племени было столько сытной пищи, чаще оно довольствовалось кореньями и травами. Но никто не смел проглотить и кусочка, пока не позволит Агу. От мяса между тем пошел до одури вкус-

ный запах. Две матери рода поддерживали нужной силы огонь, то подкладывая хворост, то отодвигая его, если пламя сильно усиливалось. Агу безмолвно сидела на своем плоском камне. Гирр отметил, что в племени достаточно старух, но мало стариков: мужчины погибали на охоте и редко доживали до седин. Они сами должны были заслуживать право на долю у родового костра, а о матерях заботились дети – все племя. «Но нужны не только сила и ловкость, которых не имели старики, - думал Гирр, - нужны опыт и мудрость. Потому южное племя так искусно и в изготовлении оружия, и в охоте, что бережет не только матерей, но и отцов».

Агу резко встала и велела убрать вертела от огня. Женщины быстро выполнили приказание, а самый жирный кусок, поддев отточенной палкой, подали ей. Мать матерей опустилась на колени, обратившись к востоку. И люди рода тоже встали на колени, сложив руки на груди.

- Бог неба и духов, - громко заговорила Агу, - прими это мясо и усьми желающих нам зла в лугах, лесах, реках и озерах, вели дарить нам удачу.

Багровый край солнца показался из-за горы, будто светило услышало голос старой женщины и приоткрыло глаз.

- Бог неба, - продолжала старуха, - добрые духи вернули мне сына, у нас много мяса, духи помогают нам, мы чтим их, похвали и ты. - Агу положила мясо на разостланную шкуру. - Иди к нашему костру, ешь с нами мясо, полюбуйся гибкостью наших женщин и искусством наших охотников.

При этих словах десяток молодых женщин и девушек встали в хоровод вокруг костра и пустились в дикий пляс, притопывая пятками, размахивая руками, изгибаясь и приседая, то бросаясь бегом, то переходя на осторожный шаг. И хотя каждая танцовщица по-своему исполняла танец, в нем были и единый стремительный ритм, и своеобразная привлекательность. Мужчины широко улыбались, их глаза перебегали с одной танцовщицы на другую. Особенно выделялась гибкостью движений и их выразительностью молодая девушка с пышными льняными волосами до бедер. Женщины в танце изображали то поиск и сбор кореньев в траве или плодов и ягод на деревьях, то разжигание костра (складывали ладони у лица и раздували щеки), то поклонение добрым

духам, то стремительный бег лани, то осторожную поступь лисички. Они танцевали долго и азартно: первобытный человек ценил прежде всего неутомимость и выносливость. Солнце поднялось над горой в рост дерева, когда Агу подала знак и танцовщицы разом упали на колени, обратив лица и протянув руки к солнцу.

Наступила очередь Кри показать искусство мужчин-охотников. Он издал гортанный крик тревоги, и мужчины, знавшие женщин, прыгнули в круг с поднятыми копьями. Сначала они изображали набег вражеского племени, затем торжество победы над ним и погоню. Они прыгали и вертелись около костра, однообразно взмахивая топорами и копьями, делали страшные лица и вскрикивали. Покончив с врагом, встали в широкий круг затылок друг другу и низко согнувшись, будто крались к добыче. Дойдя до условного места, метали копье в шкуру, висевшую на дереве. Если копье попадало в цель, зрители награждали охотника криками одобрения. Он получит лучший кусок мяса из рук самой Агу. Если копье летело мимо или слегка касалось шкуры, зрители громко смеялись. Охотники между тем продолжали танец по кругу и, снова дойдя до отметки, стреляли в шкуру из лука.

Лань не знала танцев лесного племени и осталась среди зрителей. Гирр участвовал в танце мужчин. Его копье и три стрелы попали в самый центр шкуры. Он превзошел даже Кри и был признан лучшим охотником. Гирр подошел к Агу, которая уже поднялась с камня, собираясь начать пир, и сказал:

- Мудрая мать матерей, позволь показать искусство в охоте южного племени, племени сына Барса.

Агу подумала и сказала, снова опускаясь на камень:

- Быть так.

Гирр склонил голову, затем сорвался с места и умчался в лес. Родичи недоуменно переглядывались. Лань подбежала к дереву, сорвала шкуру и держала ее в вытянутой руке. В тот же миг из леса стремительно вылетел Гирр с поднятым копьем. Лань бросилась бежать, шкура-мишень развевалась позади нее. Пришелец метнул копье, и оно прошило шкуру. Зрители онемели, затем завyli от восторга. Гирр снова умчался в лес, а Лань подбежала к дереву и приложила к стволу ладонь, растопыбив пальцы. Сын Агу огромными прыжками приблизился к отметке и, припав

на колено, одну за другой вонзил в ствол дерева четыре стрелы между пальцев Лани, выхватил тяжелый нож из лосиного рога, метнул его. Нож воткнулся чуть ниже ладони. Зрители вскочили со своих мест и стояли, разинув рты. Гирр и Лань подошли к Агу, склонили головы.

Кто-то опомнился первым и в полной тишине закричал:

- Гирр – вождь племени!

- Гирр – вождь племени! Гирр – вождь племени! - дружно подхватили родичи.

Мудрая Агу увидела, что сын хочет говорить. Она подняла руку, и родичи утихли.

- Говори, - сказала она.

- Мать матерей и люди племени, - заговорил Гирр в наступившей тишине, - сила вождя не в руках и ногах, не в умении убить зверя. Сила вождя в мудрости и опыте. Кри лучше всех знает окрестные луга, леса, реки и тайные тропы. Кри лучше всех знает повадки зверей, птиц и рыб. Его разум и опыт нужны лесному племени. Когда в небе была луна, мы убили кабана. Но Кри указал, где затаился зверь, куда он пойдет, где его ждать. Пусть вождем будет Кри, а я научу охотников делать оружие и владеть им. Я все сказал.

Кри не пропустил ни слова и дивился разуму пришельца. Он сам думал почти так же, но говорить не смел. Неожидаемое заявление Гирра смутило родичей, они молчали. Агу встревожили слова сына, она поняла, что Гирр принес от южного племени много нового. Не нарушит ли это обычай и покой предков? Не принесет ли беду ее племени, не уменьшит ли почет и власть матерей рода? Но не стала портить праздника в честь добрых духов и неохотно сказала:

- Вождь племени – Кри, быть так!

- Вождь – Кри! Быть так! - откликнулись родичи.

4

Лесное племя расселось вокруг шкур, разостланных вниз шерстью, на них были разложены истекающие соком куски жареного мяса. По обычаю племени, Агу бросила кусочек в огонь, затем раздала мясо сначала старейшим, а потом остальным жен-

щинам. Детным выбирала долю побольше, чтобы они накормили и своих детей. И тут Агу заколебалась. Из числа мужчин лучший кусок полагался победителю охотников Гирру. Но он сам поставил вождя племени выше себя и вынудил ее, мать матерей, оставить Кри вождем, и родичи охотно согласились с этим решением, Гирр обратил свои слова не только к ней, но и ко всему племени.

Авторитет Кри вырос в глазах родичей. Как быть? Она уже два раза отступала от обычаев, утвердив Лань женщиной только Гирра и оставив вождем Кри. Как поступить теперь? Можно ли ей ставить вождя ниже лучшего охотника? Эти мысли быстро пролетели в ее голове. И недаром Агу считалась мудрейшей, она выбрала два равноценных куса и одновременно протянула их Кри и Гирру, как бы воздавая должное мудрости одного и сноровке другого. Это вызвало открытое одобрение родичей. Проницательный Кри разгадал мысли Агу.

В этот день все получили по доброму куску мяса и усердно чавкали и грызли свою долю. Себе Агу оставила печень и мозги кабана. Ели молча и жадно, пережевывали хрящи, дробили кости. Что не поддавалось зубам людей, летело за спины. Эти остатки подхватывали собаки, разгрызали, клацая зубами, или глотали целиком. У племени было шесть собак: четыре суки и два кобеля. Их ценили и берегли, часто брали на охоту. Собаки отвлекали внимание зверя, задерживали его, пока подкрадывались охотники, а зимой по глубокому снегу загоняли под выстрел из лука и удар копыя.

Многие родичи успели расправиться со своими кусками, и Агу разрешила есть вволю. Насытившись мясом, люди вяло жевали сладкие корни и листья съедобных трав. Мужчинам, что томились в лесу, охраняя покой племени, уже отнесли по куску мяса. Теперь Кри послал подменить их. Наконец наелись все, животы людей раздулись, глаза слипались. Одни засыпали тут же, другие шли к реке, пили воду и засыпали под кустами. Агу велела накормить собак и остатки еды унести в ее хижину. Гирр и Лань отошли в сторону и на виду у всех легли рядом, что было необычно. На глазах у людей мужчины и женщины в племени Агу держались отдельно, не показывая близости, чтобы не вызывать зависти и злобы других. Они все принадлежали друг другу.

Гирр скоро задремал, но вдруг открыл глаза. Над ним скло-

нился Кри и коснулся рукой плеча.

- Я хочу знать обычаи людей южного племени, - сказал он и сел рядом.

- И мать матерей Агу захотела узнать их обычаи, - ответил Гирр и тоже сел. - Когда солнце дойдет до середины неба, Агу велела мне прийти в ее хижину и рассказать, как живут люди в племени сына Барса. Пойдем вместе.

Кри согласно кивнул.

- А пока я научу тебя добывать огонь из камня.

- Огонь?.. Из камня? - улыбнулся Кри.

- Да, - подтвердил Гирр. Он достал из кованого мешочка, висевшего у пояса, два камня величиной в пол-ладони, приложил к одному из них жгутик, скрученный из каких-то волокон, а другим плоским камнем начал бить скользящими ударами. Посыпались синие искорки. Вдруг на жгутике появилась красная точка. Гирр подул на нее, точка расширилось, жгутик начал тлеть. Гирр лег на землю, подкладывая сначала сухие травинки, затем веточки и осторожно дул. Потянулась белесая струйка дыма, и вспыхнул слабый язычок пламени.

- Огонь! - воскликнул Кри.

Гирр притушил пламя, прихлопнув ладонью, огляделся и сказал тихо, протягивая камни и жгут вождю:

- Попробуй ты.

Кри даже отодвинулся, с недоверием глядя на Гирра.

- Вождь должен суметь раньше других родичей. Пробуй, - решительно заявил сын Агу.

Кри принялся за дело, робко и нескоро, но все же разжег огонь. Его восторгам не было границ.

- Где взять такие камни и жгут? - спросил он.

- Я принес их с юга, - ответил Гирр, - но они есть и в горе у Круглого озера, где племя берет камни на стрелы, копья и ножи, а жгут сплетен из волокон травы, которая растет и здесь. Надо, чтобы все родичи нашего племени научились добывать огонь из камня.

- Ты должен быть вождем, - спокойно сказал Кри.

- Нет, - возразил Гирр. - Ты самый мудрый. Ты сегодня же добудешь огонь из камня при Агу. Часто менять вождей нельзя. Кто будет слушать вождя, которого могут в любое время сме-

нить, а старейшая мать рода может даже выгнать из племени? Тебе быть вождем. Ты мудр и опытен, в силе и в ловкости не уступишь другим мужчинам рода. Я буду во всем тебе помогать.

Кри подумал и согласился.

- До полудня мы найдем в горе нужные камни, а в лесу волокна, - сказал Гирр, вставая.

Вождь вскочил и ткнулся лицом ему в плечо. Это высший знак признательности у людей лесного племени.

5

Из своей хижины Агу удалила всех и осталась одна. На земляном полу у родового очага она расстелила шкуру, удобно села и приготовилась долго слушать. Чуть задремала, ожидая Гирра, но сразу открыла глаза, когда он вошел и остановился, склонив голову. В хижине было темно, слабый свет исходил только от очага, и Агу не вдруг увидела Кри.

- Мать матерей, - заговорил Гирр, не ожидая разрешения, - вождь племени, мудрый Кри, тоже хочет знать обычаи и жизнь людей южного рода, чтобы меньше терять мужчин на охоте.

Агу одна собралась слушать сына и сама решать, что перенять из обычаев другого племени, но возразить было нечем, и она снова уступила.

- Пусть будет так, - сказала она и указала, где сесть мужчинам. Помедлив, разрешила: - Говори.

- Южное племя, где вождем сын Барса, - начал Гирр, - богатое и могучее. В нем много мужчин и женщин, они выносливы и быстроноги. Там ненадолго деревья сбрасывают зеленые шкуры, редко падает холодный белый песок, скоро умирает и уходит в землю. Вода в реках и озерах мало твердеет от холода. Солнце не жалеет людям тепла, оттого их кожа темна, как глина, а волосы и глаза чернее ночи. В племени сына Барса дети знают отцов и почитают их так же, как и матерей. Старейшие отцы не ходят на охоту, но получают долю наравне со всеми. Они от отцов и их отцов научились понимать душу камня, делать из него ножи и топоры, наконечники стрел и копий, острые и крепкие, каких не могут делать люди твоего племени. Старейшие отцы в племени сына Барса научили людей добывать огонь из камня.

Как и ожидали Гирр и Кри, обычай почитать отцов и даже стариков наравне с матерями вызвал недоверие Агу. Она и раньше обратила внимание, что сын постоянно называл вождя племени, но ни разу – мать матерей. А когда Гирр сказал об умении стариков оживлять из камня огонь, она вздрогнула. Напугалась. Извечно родовой огонь сохраняли матери рода, в этом их сила и власть. Извечно матери дарили роду детей – будущих женщин и охотников. Можно ли матерей ставить вровень с мужчинами? Гирр, заметив волнение Агу, замолчал. Наконец мысли Агу приняли неожиданный оборот, она успокоилась и даже усмехнулась.

- Камень не может родить огонь, - резко сказала она. - Сына обманули хитрые старики, как лисица ребенка.

Гирр побледнел. В лесном племени не было для мужчины большей обиды, как назвать его ребенком. А если это сказала старейшая мать, уважающий себя мужчина должен уйти из племени. На этом мог закончиться весь разговор.

Но Гирр совладал с нахлынувшей обидой. Он понимал, что грубость матери исходит от незнания, он понимал свое превосходство и спокойно сказал:

- Покажи, мудрый Кри, мудрейшей из матерей, как добыть огонь из камня.

- Эти камни я взял сегодня в горе у Круглого озера, а эти волокна снял с сухих стеблей жгучей травы, - Кри говорил уверенно, подавив волнение. Он на раскрытых ладонях держал камни и жгут. - Из них я добуду огонь и разведу костер у твоих ног.

Агу с презрением взглянула на вождя, не проронив ни слова. Она предвидела его посрамление. Но из камней брызнули искры, особенно яркие в темноте хижины, и скоро язычок пламени начал пожирать сухие веточки прямо у ее ног. Агу взглянула на родовой очаг – не выпал ли из него уголек? – и онемела. Гирр погасил огонь, растер даже золу и снова на глазах матери родил огонь из камней.

- В племени Барса все умеют разводить огонь без родового очага. В этом мешочке я всегда ношу с собой камни и сухие волокна, я могу развести костер далеко от становища, чтобы согреться, поджарить мясо и отогнать зверей. Подумай, мудрая Агу, давшая мне жизнь, насколько твоё племя будет сильнее, овладев этим умением, которому меня научили мудрейшие отцы южного племени.

Старуха долго молчала, прикрыв глаза. Она не верила тому, что видела. Не могла поверить. Сколько бед и лишений вынесло лесное племя, когда однажды огонь в очаге умер! Агу была девочкой, но и сейчас помнила, как виновницу кинули в реку с камнем на шее, чтобы дух ее тела никогда не видел огня и солнца и всегда дрожал от холода. А когда сама стала старейшей матерью рода, сколько бессонных ночей провела возле очага, оберегая его! Потерю огня не прощали даже матери матерей. При нападении врагов на стойбище прежде всего спасали родовой огонь... Агу открыла глаза, попросила:

- Кри, оживи огонь еще раз.

Низко согнувшись, старуха следила за каждым движением вождя. Затем попросила камни и сама выбила огонь и развела костерок, перенесла его в малый родовой очаг и погрела над ним руки.

- Много ли таких камней в горе? - спросила она.

- Достаточно, - ответил Гирр.

- Можешь ли ты дать мне такие камни?

Гирр отвязал от пояса мешочек и отдал матери:

- Возьми. Я найду себе другие.

Агу ткнулась лицом в плечо сына и сказала:

- Гирр – не грудной ребенок. Ты лучший охотник, а мудростью превзошел мать. Духи вернули тебя в родное племя, чтобы сделать его сильным. Иди, сын, иди и ты, Кри, Агу будет много думать. Я позову вас после ночи, буду слушать дальше.

Кри, довольный началом разговора, вышел, а Гирр задержался у входа, вернулся и остановился возле матери. Старуха вскинула на него глаза:

- Говори, сын.

- Мать матерей, давшая мне жизнь, скажи: кто мой отец? - спросил он.

Агу будто ждала такого вопроса. Спокойно сказала:

- Сядь.

Гирр опустился на шкуру рядом с матерью. Наступило молчание. Агу не забыла, кто в последний раз дарил ей клыки тигра. Она была уже немолодая, но сильная и гибкая. Никто не мог равняться с ней в танце, в сборе кореньев и ягод, в быстроте и выносливости. А он моложе ее. Могучий и неустрашимый охотник.

Вспоминая прошлое, Агу прикрыла глаза и сухими пальцами перебирала костяшки на груди.

- Зачем знать тебе? - тихо спросила она.

- Он отдал себя духам? - спросил Гирр.

- Нет.

- Кто он?

- Кри.

Сын ткнулся лицом в плечо матери, обнял ее.

- Спасибо тебе, что выбрала мне отца, которым я могу гордиться, - прошептал Гирр.

Слова сына обрадовали Агу, родили теплую волну благодарности к нему за то, что он, сильный и мудрый, много видевший и знающий, вызвал давние воспоминания и одобрил выбор ее любви. Она поняла, что от этого нового чувства стала мудрее других женщин. А сын вдруг стал для нее много ближе и дороже. В глазах Агу впервые за всю жизнь блеснули слезы радости.

- Манг, мой старший брат, вскормленный твоей грудью, - Гирр на минуту замялся... - Кто его отец? Тоже Кри?

- Нет, - покачала головой Агу.

- Так я и подумал.

- Почему? - удивилась мать матерей.

Гирр припомнил, как на охоте в прошлую ночь Кри велел подождать, пока кабан-секач ослабеет от раны и потери крови, чтобы легко добить его. Стрела пронзила грудь кабана, видимо, у самого сердца. Но Манг усмехнулся и крикнул:

- Устарел вождь, растратил смелость и силу!

Раненый кабан метался в камышах, не видя врагов. Манг кинулся к нему, ударил копьем, но неудачно. Зверь повернулся к охотнику, копьё переломилось. В открытой пасти кабана в хлопьях кровавой пены сверкнули страшные клыки. В этот момент подоспевший Гирр обрушил лезвие тяжелого топора на череп вепря и проломил его.

- Молоко твоей груди дало ловкость и силу Мангу, но духи лишили его разума, - ответил Гирр, поднимаясь. Он пощадил мать, не сказав, что разум Мангу, видимо, достался от отца.

"Почему Гирр думает плохо о старшем брате?" - недоумевала Агу, оставшись одна, и не находила ответа. Она считала, что Манг скоро заменит Кри и будет вождем. Думала так до возвращения Гирра...

ГЛАВА II. РАССКАЗ ГИРРА

1

Человек каменного века не знал, что такое безделье. Он позволял себе короткий сон ночью и после особенно обильной еды. Он был вынослив, упорен и терпелив. Ценой ошибок, ценой многих жизней по крупице накапливал знания и опыт. Большую часть времени тратил на то, чтобы добыть пищу. Но он часто голодал, особенно зимой, когда на землю ложился белый холодный песок. И все же, отложив все дела и заботы, лесное племя, разместившись вокруг кострища, от восхода до захода солнца слушало рассказ Гирра о жизни южного племени, где вождем был мудрый сын Барса. Кри и Агу сидели рядом и тоже слушали во второй раз, не пропуская ни слова. Вот этот рассказ.

... Раненый Гирр ушел от погони, взобравшись на вывернутое с корнями дерево. Сын Агу не знал, сколько дней и ночей неслась его река, вздущаяся от дождей. Вода в реке пошла на убыль и оставила большое дерево на песчаной отмели. Гирр лежал на его стволе вниз лицом между сучьями, не имея сил пошевелиться. Солнце палило спину, кричали чайки и бултыхались в воду, хватая рыбу. Плечо нестерпимо ныло, в нем толчками билась кровь, будто время от времени рану протыкали копьем. Гирр разлепил глаза, приподнял голову. До берега было далеко, но среди травы разглядел какие-то тени. "Волки, - догадался Гирр. - Караулят, когда вода совсем упадет, чтобы напасть на ослабевшего человека". Осталось ждать неизбежного конца, и он опустил веки...

... Солнце перестало палить спину, в плече унялась боль, не

слышно крика чаек. Гирр почувствовал, что лежит вверх лицом на мягкой шкуре. "Видно, отдал себя во власть духов", - подумал он и резко открыл глаза. Смуглая черноглазая женщина, низко склонившись, обмакивала перо птицы в маслянистую жидкость и смазывала ему плечо. Увидев, что светловолосый мужчина очнулся, она улыбнулась и успокаивающе погладила по голове. Ее глаза, окруженные морщинами, глядели дружелюбно. Она еще раз погладила волосы Гирра и вышла из хижины. Гирр огляделся. Пол в хижине сделан из плотно уложенных бревен и застлан сухой травой. Основу стен и крыши составлял каркас из жердей, перевязанных гибкими ветками. Каркас накрыт пучками тростника, каждый прочно сплетен с каркасом и соседним пучком. В хижине вдоль стен сделаны возвышения, устланные тростником и шкурами, – для сна. На таком возвышении лежал Гирр. В углу непонятные сосуды, похожие на бутоны кувшинок, только больших размеров. Где-то рядом плескалась вода. Резко пахло рыбой. Гирр не успел как следует оглядеться, откинулась тростниковая дверь и в хижину вошел невысокий, но плотный мужчина с обильной проседью в черной бороде. Левая половина его груди, живот и бедра обернуты пятнистой шкурой. Он сел напротив, спросил сурово на языке лесного племени:

- Как твое имя?

- Гирр, - ответил сын Агу.

- Гирр? - приподнял брови хозяин хижины. - Медведь, значит. Ну, пока ты еще медвежонок. Из какого племени?

Гирр подумал: "Говорить ли? Не навлечет ли он беду на родичей?.." Но его спасли, принесли в хижину, женщина лечила ему рану и хозяин говорил с ним на родном языке, на языке лесного племени, хотя и не вполне умело.

- Я из лесного племени, что у Синей реки и Круглого озера, - ответил Гирр.

- У Круглого озера? - переспросил хозяин.

- Жу! - крикнул он, - позови Сила и Нира. Глаза его смягчились, он пристально глядел на Гирра, и вдруг грустная улыбка тронула его губы.

В хижину вошли двое рослых светловолосых мужчин с серыми глазами. Их бедра тоже были обернуты пятнистыми шкурами.

- Гирр, - указал хозяин на сына Агу. - Я был прав, он из лесного племени, что у Круглого озера.

Вошедшие расширили глаза и глядели на Гирра как на чудо. Хозяин пояснил гостю:

- Когда я был щенком Барса, моя мать умерла, живой дух оставил ее тело. Мой отец привел себе женщину из лесного племени от Круглого озера. Она стала мне второй матерью и подарила роду двух сыновей, Сила и Нира. Вот они. Звали мою вторую мать Зуна...

... Возглас удивления издали старейшие матери лесного племени, услышав имя Зуны. Они помнили ее. Хорошо помнили, как давным-давно собирали ягоды у Круглого озера, на них налетели черноволосые мужчины и увели нескольких женщин, в том числе Зуну. Однако стойбищу и оставшимся женщинам не причинили вреда. Не вдруг угомонила Агу возбужденных родичей, чтобы дальше слушать рассказ Гирра.

... Отец любил и берег Зуну, но она рано умерла и до конца дней тосковала о родине и родичах, - продолжал хозяин хижины, скорбно опустив голову.

- Кто ты? - осмелев, спросил Гирр.

- Я сын Барса, вождь племени, - сказал он без бахвальства. - Мое жилище – твое жилище. Ты желанный гость из рода, близкого моему сердцу, набирайся сил, пока снова станешь медведем. В этом поможет тебе моя женщина Жу. Стрекоза, - улыбнулся вождь, блеснув зубами.

Мужчины вышли из хижины. Гирр лежал с открытыми глазами и ничего не видел. В его сознании едва укладывалось услышанное. Не иначе, добрые духи полюбили его, спасли от гибели и отдали, слабого и больного, в руки друзей.

Сын Агу позднее узнал, что его подобрали рыбаки южного племени, в лодке привезли к свайному поселку. Гирр бредил, шептал и выкрикивал непонятные слова. Сын Барса прислушался и, к удивлению родичей, велел перенести больного в свою хижину.

Вошла Жу с сосудом в руках, она села рядом, приподняла голову Гирра и поднесла сосуд к его губам. Гирр попробовал вкусную, пахнущую мясом жидкость и выпил ее до дна. Жу улыбнулась и с запинкой выговорила на языке лесного племени:

- Хорошо.

В хижину вбежали девушка и девочка, обе черноволосые и черноглазые. Они, не скрывая любопытства, с улыбкой глядели на Гирра. Все южное племя уже знало, что за гостя прислали духи. Похоже, знали и они.

- Лая, Лань, - указала на них Жу. - Дочери.

Лань подошла к Гирру и дала ему большой плод, похожий на яблоко. Но таких крупных яблок Гирр никогда не видел. "Видимо, здесь много плодов, если девочка не пожалела отдать чужому человеку", - подумал он. Лая молча и пристально разглядывала гостя. Гирр обратил внимание, что у Жу и Лаи легкие шкуры покрывали не только бедра, как у женщин его племени, но и грудь, хотя было очень тепло. Гирр утомился и устало сомкнул глаза.

Когда ему стало лучше, сын Барса, а также Сил и Нир, подолгу сидели возле гостя, не позволяя ему подниматься, и все расспрашивали о жизни и обычаях лесного племени. При этом лицо вождя становилось все мрачнее и суровее. Наконец он заговорил сам:

- Твое племя живет, как жили наши давно умершие предки. Когда совсем одолеешь слабость, окрепнут руки и ноги, ты можешь уйти в свое племя. Сын Барса и люди его рода не причинят тебе зла и отпустят с миром. Но тебе надо долго жить в нашем племени, научиться многому, и тогда, если захочешь уйти, унесешь наше умение и опыт наших отцов и дедов в свой род.

Сил и Нир согласно кивали головами.

- Но можешь остаться у нас навсегда, - продолжал вождь. - Нам нужны крепкие и смелые мужчины, нужны охотники. Две весны назад внезапный ураган унес лодки рыбаков и разбил о скалы. В роду много женщин, но осталось мало мужчин. У меня две дочери... но нет сына, - он замолчал и скоро вышел.

Сил и Нир посидели еще немного и, не сказав ни слова, тоже ушли. Гирр остался один. Он поднялся с ложа, отодвинул дверь и вышел. Ослепленный светом, прищурил глаза. В небе полыхало солнце, а перед ним раскинулась зеркальная гладь воды, кое-где сморщенная дыханием горячего воздуха. Гирр хотел оглядеться, но от слабости покачнулся, к нему подбежала Жу, подхватила под руку и увела в хижину.

- Нехорошо, - сказала она. Позвала Лаю и велела не отходить от больного.

С тех пор дочь вождя сидела возле Гирра. Сначала они глядели друг на друга, изредка улыбались и молчали. Вдруг Гирр указал на сосуды, что стояли на полу, и спросил:

- Что это?

Девушка не сразу поняла, чего хочет гость. Она принесла воды в малом сосуде, чтобы напоить его. Гирр отрицательно покачал головой и, ткнув пальцем в принесенный сосуд, снова спросил:

- Что это?

Лая догадалась: он хочет знать названия вещей на их языке — и звонко рассмеялась.

- Кувшин, - сказала она. Плеснула из кувшина воду и добавила. - Вода.

- Кувшин... вода... - несколько раз повторил Гирр. Занятие их увлекло, и теперь каждый называл вещи на языке своего племени. Жу изредка заходила в хижину, улыбалась, а иногда тоже повторяла слова лесного племени. Когда были названы все предметы в хижине и под общий смех названы глаза, нос, губы, руки, Гирр прикоснулся к груди девушки и спросил:

- Что это?

Девушка вспыхнула и потупилась. Смутился и Гирр.

2

Сын Барса заметил симпатию дочери к гостю и удалил ее в другую хижину. Если не разум, а ласка женщины привяжет Гирра к южному племени, он будет после сожалеть и станет плохим охотником. Пускай гость сам сделает выбор, остаться или уйти. Вполне окрепшему Гирру вождь решил показать богатства рода и мастерство стариков. Сначала он разложил оружие гостя: топор, нож, лук и стрелы, а рядом оружие, сделанное мастерами южного племени, и остался доволен произведенным впечатлением. Сразу же подарил Гирру оружие, что составляло немалую ценность и для самого вождя. Гирр ткнулся лицом в его плечо. Сын Барса довольно рассмеялся, он знал значение этого порыва.

Гирр уже видел, что поселок размещен над водой на сваях.

Вождь пояснил:

- На суше много змей и ядовитых пауков. Над водой жилища для них недоступны. Хижины поставлены стена к стене, поэтому требуется немного места и лучше сохраняется тепло. Чтобы не случился пожар, на сваях и в жилищах никогда не разжигаем огонь, даже в пору холодов.

Гирр остановился, с недоверием глядя на вождя.

- Как люди согреваются без огня, когда упадет холодный белый песок и вода в озере отвердеет? - спросил он.

Сын Барса ответил не сразу, видимо, соображая, как объяснить гостю, что зимы здесь короткие и не такие холодные, как у Круглого озера. Ответил просто:

- Холодный песок скоро умирает, вода твердеет редко.

- Где поджарить рыбу и мясо? - не унимался Гирр.

- Для кострища построены другие сваи, - указал на них вождь, - в стороне, откуда редко дует ветер. Они засыпаны камнем и землей, а с поселком соединены переходом так же, как с берегом.

Гирр сдерживал себя, но не мог скрыть удивления, осматривая сложные и трудоемкие сооружения. Как, например, вогнать в дно озера вертикальные сваи, на которых держится весь поселок, причем выносит ветры и штормы? К сваям повсюду привязаны долбленные лодки, некоторые скреплены поперечинами попарно. В одной из них Гирр увидел огромную корзину из гибких прутьев. Внутрь корзины входила горловина с узким отверстием. "В нее ничего нельзя положить. Для чего она?" - подумал Гирр, но спросить не решился.

- Это ловушка для рыб, - указал на корзину сын Барса, будто прочитав мысли гостя. Тут же он велел мужчине опустить ловушку в воду у самых свай, а вечером показать Гирру улов. - Меня вечером не будет: мы уйдем на большую охоту, но тебя пока не возьмем.

Широко шагая по длинным сходням, вождь перешел на берег и остановился возле изгороди из жердей, переплетенных довольно толстыми ветками. Гирр вдруг учуял запах кабана, а поверх изгороди увидел у лесочка большое стадо свиней. Он скинул с плеча лук, выхватил стрелу, но сын Барса остановил его:

- Подожди.

Из корзины, что стояла рядом, он вытряхнул за изгородь мелкую рыбешку, рыбы кишки, обглоданные кости и громко зачавкал губами. Стадо свиней с визгом кинулось к нему и набросилось на еду. Вождь открыл дверцу и смело вошел за изгородь. Гирр глядел на него, ничего не понимая, руки сами схватились за топор. Свиньи, управившись с закуской, повертелись и потянулись снова к лесочку. Только одна, миролюбиво хрюкая, подошла к человеку и получила из его рук целую рыбину. Сын Барса почесал у нее за ухом, вышел из загона и закрыл за собой дверцу на засов...

... Среди людей лесного племени поднялся галдеж и смех, никто не поверил словам Гирра.

- Мы не грудные дети! - кричали мужчины.

- Пусть Гирр почешет за ухом у кабана! - хохотал Манг. - Он видел, как это делал сын Барса!

До слез смеялись и визжали женщины. Люди стали подниматься, чтобы уйти и больше не слушать. Агу и Кри вскочили одновременно и крикнули:

- Тихо!!!

Смех и шум стихли.

- Говори, - властно сказала Гирру мать матерей.

- Люди лесного племени не поверят мне, что никто из них не сделает такого топора? - Гирр бросил к их ногам свой топор. - Родичи не верят мне, что я из лука попадаю стрелами между пальцев моей женщины?

Все видели, что Гирр взбешен, и молчали.

- Вы не поверите мне, что я, не сходя с места, разведу большой костер без родового очага? Манг, ты больше других смеялся, подойди ко мне.

Охотник не двинулся с места.

- Подойди, - приказала Агу.

Тот поспешно выполнил приказание.

- Что это? - спросил Гирр.

- Камни, - буркнул Манг.

- Погляди хорошо, поддержи в руках и скажи всем, что это.

- Камни, - повторил Манг. - Их много в нашей горе.

- Верно, - подтвердил Гирр. Он присел на корточки, и через несколько минут явился огонь, он ширился, рос, превращаясь в

костер.

Манг попятился, глядя на Гирра с суеверным страхом, готовый упасть перед ним на колени или кинуться прочь. Люди рода оцепенели, в их глазах стоял ужас, они стали отодвигаться, не спуская глаз с Гирра. С плоского камня снова поднялась Агу и заговорила:

- Успокойтесь, люди лесного племени. Гирр – не злой дух и не оборотень. Он мой сын и ваш родич. Гирр знает многое, чего не знаете вы, он умеет, чего не умеете вы. Гирр научит вас своему знанию и умению, вы станете сильнее и неустрашимее. Он уже научил меня и Кри добывать огонь из камня, научит и вас. Гирр, покажи сначала Мангу.

Но Манг отшатнулся от камней, боясь к ним прикоснуться. Пришлось Кри, а потом Агу повторить оживление огня, прежде чем Манг согласился сделать то же. И когда он разжег огонь, начал прыгать вокруг него и дико орать от радости:

- Манг родил огонь! Манг родил огонь!

К тому времени Кри сходил к реке и приволок большую корзину, из нее высыпал возле кострища ворох серебристой рыбы.

- Эту ловушку сплел Гирр, - заявил он, - мы утром ее опустили в воду, и она столько заманила рыбы, сколько не поймать никому из вас за три дня и три ночи. Ловушку каждый может сплести, и племя будет всегда иметь рыбу.

Оцепенение и испуг прошли, люди повскакали с мест. Одни рассматривали ловушку, постигая ее секрет, другие сами хотели оживить огонь.

Лань сидела и тихо улыбалась, ее забавляла детская наивность родичей Гирра. К ней подсели женщины и наперебой расспрашивали, все ли мужчины ее племени такие мудрые и умелые, как Гирр.

- Все, - смеялась Лань. - Но мой мужчина лучше всех. И среди наших охотников он был первым.

Теперь Гирру верили и до конца рассказа его не перебивали, только качали головами и изредка не сдерживали восклицаний восторга или удивления.

...Стадо свиней, - говорил сын Барса, - держали в загоне и подкармливали мои прадеды и их прадеды. Но сначала отловили

диких кабанят и вырастили в неволе. Каждый новый приплод больше и больше привыкал к человеку. Со временем кабаны стали такими же ручными, как собаки, которые есть и у вашего племени. Ещё мы имеем два больших стада совсем ручных туров. Они подпускают к себе людей, не нападают на них, берут из рук корм. Они пасутся свободно, и один человек может пригнать все стадо куда нужно, - сын Барса помолчал и заговорил снова: - Предкам было труднее, они делали вокруг полян крепкие лесные завалы, чтобы туры не вырвались на свободу и снова не одичали.

Гирр слушал, не перебивая вождя, но не понимал, для чего столько хлопот, если зверей нужно беречь и нельзя убивать. Для чего они людям? Когда сын Барса умолк, гость решился спросить:

- Для чего племени ручные туры и кабаны?

Вождь рассмеялся:

- Турица живет долго, за свою жизнь дарит телят больше, чем пальцев на двух руках, а чтобы продолжить ее род, надо сохранить только одного. Остальных, когда они вырастут, мы убиваем на мясо. Еще больше дает приплода кабаниха. Часто ли охотники лесного племени убивают тура или кабана? Часто ли твои родичи имеют мясную пищу?

Гирр отрицательно покачал головой.

- А люди моего племени всегда имеют запас мяса, который не портят солнце и черви. Мясо ходит в стадах и увеличивается в размерах. В любое время можно дать людям мясную пищу, если охота была неудачной, - вождь задумался и тихо закончил: - И старики не знают, как давно предки начали разводить туров... Правда, домашние туры мельче диких зверей. Я покажу тебе их в другой раз. Пора на охоту.

Сын Барса и Гирр вернулись на сваи. Вождь вскоре ушел с группой охотников. Жу проводила его тревожным взглядом, а гость сел на край свайного настила, думал и глядел, как на красном небе солнце клонилось ко сну, к полосе леса за озером. Приплыли на лодках рыбаки, вывалили целую гору рыбы. Женщины тут же распарывали ее, вычищая нутро, и развешивали на шесты для сушки. Рыбью мелочь и кишки из крупных рыб бросали в отдельные корзины. "Свиньям", - подумал Гирр. В его племени родичи съедали мелочь с костями и кишками.

Солнце скрылось за лесом, и сразу стало темно. Ночная богиня неба глядела на притихшее поселение южного племени узким прищуренным глазом и не давала света. Гирр вошел в хижину вождя, лег на шкуру, прикрыл глаза и задремал. Под хижинной тихо, однообразно плескалась вода, убаюкивая гостя, навеяв дрему и грустные мысли о далеком лесном племени. Гирру почудился голос Агу. Она протяжно и неторопливо, с подвывом, перебирала какие-то слова, подражая студеному ветру. Над гостем склонилась богиня ночи, дохнула не холодом, а теплом. "Почему зовут ее Не дающей тепла? - подумал Гирр. - Я чувствую ее тепло, ласковое и нежное". Но какая-то тревога коснулась его сердца, он проснулся и открыл глаза. Над ним склонилась Лая, дочь вождя.

- Ты уйдешь? Лая будет одна? - прошептала девушка.

- Нет. Гирр останется с тобой! - горячо ответил гость, схватив ее за руку.

Лая просияла и выскользнула из хижины.

Гость долго не мог уснуть. Он упрекал себя за измену своему племени из-за женщины, но знал, что не нарушит обещания, и потому искал и находил оправдания. Гирр остается, чтобы перенять навыки южного племени и когда-нибудь вернуться к родовому очагу. Но когда? Этого он не знал, но твердо знал одно: решение принято. "Мужчина не бросает слова, как ветер падающие листья", - подумал он и сразу перелетел мыслями к Синей реке и Круглому озеру. Сейчас там красиво умирает шкура на деревьях. Частица солнца входит в каждый листочек, и они скоро сгорают. Оттого и солнце, растратив много тепла, мало дает его людям.

Гирр вышел из хижины. Плотный туман окутал поселок, в десяти шагах ничего не видно. Где-то рядом сонно плескалась рыба, приглушенно крякали утки, заблудившись в тумане, плакали кулики. Вдруг, заглушая все звуки и уплотняя вязкий сухой воздух, громом прокатился рев зверя. Но нигде ни движения, ни тени. Однообразный белесый туман. Лишь на сваях родового кострища трепетал огонек. "Сигнальный огонь на случай возвращения охотников или рыбаков", - подумал Гирр. Он вернулся в хижину и крепко уснул.

Жу принесла еду и разбудила Гирра. Люди племени Барса не ели пищу у родового костра, кроме особых случаев. Обычно женщины уносили долю, установленную вождем, в свои жилища:

для себя, своего мужчины и детей. Часто, кроме рыбы, мяса, корней и плодов, приносили в глиняных посудилах наваристую жидкость и круглые пластины, которые Лая называла лепешками. В жидкости варили черепах и моллюсков, закрытых в крепкие костяные хижины: их много на дне озера.

Ели вчетвером: сын Барса не вернулся с охоты. Лая сидела, опустив голову и не смея поднять глаза на гостя. Ее влажные, крупноватые губы чуть улыбались тайным мыслям. "Женщин иногда крадут в чужое племя, а мой мужчина сам пришел и останется со мной", - радостно думала она.

Вошел хозяин хижины, суровый и хмурый. Жу вскочила, приняла от него оружие и убрала в угол. Вождь молча и жадно ел, ни на кого не глядя. Насытившись, все встали на колени лицом в передний угол, где на камне стояло божество с головой тура.

- Сыты мы, сыто племя, хвала тебе, - сказал вождь. Он поднялся первым и обернулся к Гирру. - Двух мужчин потеряло племя на ночной охоте.

Гость стоял, не зная, что сказать.

- Великий вождь, сын Барса, - вдруг заявил он. - Гирр желает остаться в южном племени, если позволишь ты.

Вождь вскинул на него черные глаза:

- Надолго ли?

- Надолго. А навсегда ли, не знаю.

- Никто не может знать тропу своей жизни, - сказал хозяин хижины. Он был рад решению гостя, но и эта радость не унесла печали из его глаз. - Что ж, хижину тебе найдем, выбирай и женщину.

- Уже выбрал, - Гирр прямо глядел в лицо вождя.

- Молодец, - улыбнулся хозяин. - Кто же она?

- Лая.

Сын Барса согнал с лица улыбку:

- Дочь вождя получает лучший охотник.

- Я стану им.

- Верю, станешь. Но не скоро... - хозяин задумался. - Сделаем для гостя исключение, - и обратился к дочери: - Через три дня и ночи ты станешь женщиной Гирра.

Лая упала на колени, припала губами к руке вождя и прошептала:

- Спасибо, отец. Лая будет хорошей женщиной Гирру.
- Хорошо, - улыбнулась Жу.

4

Пришла ночь, такая же темная и туманная, как накануне. Погибших на охоте мужчин еще утром посадили у озера, привалив спинами к опрокинутой лодке, чтобы простились они с поселением, озером и родичами. Возле них весь день сидели женщины, которые остались теперь без мужчин. Около погибших лежало их оружие, а на разостланных шкурах – мясо, рыба и плоды. Перед заходом солнца тела умерших вместе с оружием и едой завернули в шкуры и положили на носилки. И только глубокой ночью, когда поселок, озеро и береговые заросли утонули во мраке и тумане, несколько мужчин, крадучись, подошли к носилкам, подняли их и удалились в сторону леса. Там зарыли тела в приготовленную яму.

Лая, путаясь в словах лесного племени, разъяснила Гирру значение ритуала погребения. Души умерших покинули тела, но не улетели далеко. Они видели, как хорошо люди племени заботились о погибших – не отняли оружие, угостили пищей, женщины стерегли их покой. А утром души не найдут тел своих хозяев, но в этом нет вины родичей: они спали в хижинах. Души умерших не сделают родичам зла.

- Хорошо, что ночь темная и туманная, даже Царица ночного неба укрылась шкурой, - закончила Лая.

Люди южного племени, на тысячелетия обогнавшие лесных жителей в своем развитии, не знали сущности жизни и причин смерти, не понимали многих явлений окружающего мира, они так же верили в богов, в добрых и злых духов, поклонялись им и задабривали их, а порой старались обмануть. Впрочем, этого не знал Гирр и в своем рассказе об этом не говорил. Вернемся к его рассказу.

... Утром, как обычно, все занялись своим делом: рыбаки уплыли на лодках, старики замешивали глину для изготовления сосудов или шлифовали оружие, группа женщин ушла каменными мотыгами рыхлить землю, другие женщины принялись скоблить костяными скребками мездру на шкурах. Большинство муж-

чин во главе с вождем при полном вооружении отправились туда, где виднелась открытая равнина. Сын Барса захватил с собой Гирра, здесь же были Сил и Нир. Они, как и сын Агу, отличались от мужчин южного племени высоким ростом и богатырским видом.

Шли скорым шагом по хорошо утоптанной тропе среди высоких трав и низкорослых кустарников. Обогнув холм, тропа привела к островку леса. Двое мужчин сидели у костра, они вышли навстречу вождю.

- Духи уберегли стадо, но зверь где-то рядом. Туры с вечера не отходили от людей и от костра, - сообщили они.

Гирр, уже подготовленный рассказом вождя, увидел на утоптанной поляне стадо туров. Звери спокойно лежали и жевали жвачку. Дым костра вился над их головами.

- Тигрица, - сказал вождь. - Самец ушел бы. Нужно выследить ее логово с выводком. Ночью опять будет туман. Искать будем днем, сейчас.

- Но днем она затаится в логове, - возразил Нир.

- В эту пору тигрята уже большие, они не усидят и выйдут поиграть, - пояснил сын Барса.

Разделились на группы по три человека. Вождь указал каждой группе место поисков, учитывая, что тигры уходят на охоту далеко от логова. Двое мужчин остались возле стада. Сын Барса взял с собой Кула и Бида – невысоких ростом, но крепких и изворотливых родичей, а также Гирра, чтобы присмотреться к нему на охоте. Группа вождя пересекла поляну, местами истоптанную домашними турами, прошла полосу леса, затем, двигаясь опушкой, обогнула другую поляну и остановилась у ручья. Здесь предстояло искать семью тигрицы.

Как понял Гирр из отрывочных разговоров, в прошлый раз самец-тигр был убит, но племя потеряло двоих мужчин. Второй тигр скрылся в лесу. Теперь стадо ночью не хотело отходить от костра и людей. Видимо, второй тигр бродил где-то рядом. Терпеть такое соседство вождь не мог.

Ручей бежал по каменистому ложу довольно глубокого оврага с глинистыми и скалистыми берегами. Дно оврага было завалено буреломом и наносником, но хорошо просматривалось в оба конца. К обрывам подступал лес, местами прорезанный зале-

сенными распадками, которые выходили к ручью. Здесь и приступили к поиску: вождь и Кул по одну сторону ручья, Бид и Гирр – по другую.

С подветренной стороны каждой западины подолгу лежали неподвижно и обшаривали глазами траву и кусты, спускались, смотрели, нет ли следов к ручью, и шли дальше. Время от времени условным сигналом извещали вождя о результатах поиска. Возле одного из распадков Гирр почуял едва уловимый запах тухлого мяса. Жестами сообщил об этом Биду. Тот втянул ноздрями воздух и отрицательно покачал головой. Обследовав распадок и не найдя ничего подозрительного, Бид пошел дальше. Но Гирр явно чуял тот же запах и осторожно двинулся на него. Не сделав и десяти шагов, Гирр замер, встретившись с желтыми глазами тигрицы. Она, видимо, не собиралась нападать, шла сзади, провожая непрошенных гостей от логова. Теперь она обнаружила себя и через секунду сделает решительный прыжок. Все это молнией пронеслось в голове Гирра. Он успел вскинуть лук, и в момент, когда тигрица поднялась в воздух, но не оторвала задних лап от земли, стрела до оперения вошла ей в грудь. Страшная рана с близкого расстояния ослабила прыжок. Гирр увернулся и ударил зверя топором между ушей. Но и после этого тигрица, собрав остаток сил, бросилась на него, ее могучая лапа сорвала набедренную повязку, но не достала охотника. Второй удар топора переломил ей хребет. Перебирая передними лапами, тигрица поползла в кусты, волоча безжизненный зад, из ее пасти хлестала кровь. Подбежал Бид, издал победный клич. Скоро примчались вождь и Кул. Гирр обессилено опустился на землю.

В зарослях распадка, между каменных глыб, нашли вход в логово, в нем слышались урчание и возня. Бид добыл из камней огонь и разжег костер. Кул нарвал охапку травы и положил поверх огня. Пошел густой удушливый дым. Когда трава затлела, ее вместе с завернутыми внутрь углями и головешками затолкнули в логово. Через короткое время, показывая белые клыки, один за другим из расщелины выбрались четыре довольно крупных тигренка. Перебить их не стоило труда.

Задолго до захода солнца охотники вернулись в поселок. Шкуру тигрицы нес ее победитель Гирр. Весть об удачной охоте опередила отряд, встречать его вышло чуть ли не все племя. Лая

с гордостью глядела на северного гостя. У нее будет ожерелье с клыками и когтями тигрицы.

Сын Барса позвал к себе в хижину Биды и строго спросил:

- Как ты мог оставить гостя наедине со зверем?

Бид честно рассказал, как это случилось. Гирр подтвердил правильность его слов.

- Я знал и раньше, что у людей, живущих в лесах, нюх острее нашего, - согласился вождь. — Иди, твоей вины нет.

5

Большой костер развели на берегу, против поселка. Туши тура и кабана целиком жарили на огромных вертелах, поворачивая то одним, то другим боком, а внутрь их клали раскаленные камни. Едва бог неба отправился на покой в свою хижину за полосой леса, поляну по обе стороны костра застелили шкурами, на них расставили глиняные горшки с горячим отваром, разложили жареную рыбу, куски мяса, плоды, сладкие коренья и лепешки. Предстоял пир, неслыханно богатый даже для южного племени. Сын Барса отдавал свою дочь северному гостю. Близость мужчины и женщины происходит под покровом ночи, потому и соединение их вождь объявлял после захода солнца.

Племя расселось у костра, по одну сторону — мужчины и их сыновья, по другую — женщины и дочери. В центре мужской половины восседал вождь, справа от него — братья по отцу Сил и Нир с сыновьями-подростками, слева — почетный гость Гирр. Женскую половину возглавляла женщина вождя Жу с дочерьми Лаей и Ланью.

Сын Барса подождал тишины, заговорил негромко, зная, что его слушают все:

- Потомки Барса, добрые духи послали нам желанного гостя из племени северных лесов, откуда была родом дорогая сердцу Зуна. Пусть боги и духи берегут покой лесного племени и приносят ему удачу.

- Покой и удачу лесному племени! - дружно подхватили мужчины и женщины.

- Гирр — ловкий и могучий охотник, - продолжал вождь. Он скупно пересказал поединок гостя с тигрицей.

Красноречия не требовалось. Родичи без того понимали, с какой силой пущена стрела, если она вошла в тело зверя, как в воду, и какой силы был удар топора, переломивший позвоночник матерой тигрице. Родичи с уважением глядели на гостя.

- Гирр, сын Агу, желает остаться в нашем племени равным всем, - провозгласил вождь.

Об этом родичи не знали. Их радостный вопль укатился за озеро. Особенно ликовали женщины.

- Моя дочь Лая, - продолжал вождь, - будет женщиной Гирра.

Родичам известен обычай предков – дочь вождя доставалась победителю в состязании охотников. Взглянув на могучего Гирра, они не усомнились в его победе, да и все взрослые мужчины уже имели женщин. С некоторым опозданием, но возглас племени одобрил решение вождя.

Лая вдруг вскочила и птицей полетела к лесу. Гирр проводил ее взглядом. Сын Барса рассмеялся и сказал ему в самое ухо:

- Догони свою женщину.

Гирр еще соображал секунду и под общий смех сорвался с места. Родичи качали головами: гость догонит не только женщину, но и ветер. Недалеко убежала Лая, Гирр привел ее к костру. Вождь племени встретил их стоя, обвязал руки дочери концом волосяной веревки, а второй его конец отдал Гирру и двинулся вокруг костра. Сын Агу вслед за ним вел свою женщину. Вождь усадил их на отдельную шкуру между мужской и женской половинами.

- Пусть Лая подарит роду таких же охотников, как Гирр! - воскликнул сын Барса и сел на прежнее место.

Люди южного племени всю ночь ели и веселились у родового костра. Танцевали женщины, змеями извивая гибкие бронзовые тела. Танцевали мужчины, одни – обернувшись в звериные шкуры и издавая рев, другие – наступая на них с копьями и топорами.

Снова рассаживались и много ели. Затем, сидя на подогнутых ногах и раскачиваясь из стороны в сторону, пели однообразно и бесконечно долго, как ширь озера, как ширь южных степей и лугов. Под конец появился шаман, увешанный хвостами и лоскутами от шкурок разных зверушек, со страшной маской на лице.

Он бил палкой в кожаный барабан, прыгал и бесновался вокруг Гирра и Лаи, навсегда отгоняя от них злых духов.

До восхода солнца от родового костра и ночного пира не осталось следа. До восхода солнца Гирр и Лая ушли в отдельную хижину, рядом с хижинкой вождя.

Гирр на удивление всем быстро овладел умением делать из глины и обжигать в огне большие и малые сосуды, научился плести ловушки для рыб и делать из камня и костей оружие, хотя всего нужнее был на охоте. Здесь не было ему равных. Мудрый вождь сам позволял ему поочередно постигать все навыки своего племени. Гирр научился делать долбленые лодки, используя раскаленные камни и острые долота, из волокнистой коры дерева скручивать веревки, из волос гривы и хвоста тарпанов плести сети, научился строить прочные хижины и лесные завалы, способные удержать даже туров. Он подолгу наблюдал повадки животных, как домашних, так и диких.

Лицо Гирра покрыла курчавая борода. Был он в расцвете богатырской силы, его первому сыну Лату шло седьмое лето, когда Лая подарила второго сына, которого называли Сурэтом.

Гирр обрадовался рождению второго сына, усмотрев в его лице сходство с людьми лесного племени. Лат был не по возрасту крупным, но лицом, чернотой волос и глаз походил на Лаю.

Вождь племени, уже полностью седой, объявил пир у родового костра в честь новорожденного охотника, но в хижину вбежал встревоженный Бид и позвал его из жилища. Путаясь и сбиваясь, он сообщил сыну Барса:

- В наше стадо ворвался огромный дикий бык, сильно ранил и изгнал вожака, увел в степь туриц. Издалека ему не причинишь вреда, а приближаться на открытой равнине...

- Он же даст дикое потомство или совсем уведет стадо! - встревожился вождь. - Отогнать его огнем!

- Пробовали, - сказал Бид. - Он уходит от огня, но уводит и туриц.

Еще не зная, что предпринять, сын Барса собрал десяток лучших охотников, в их числе Гирра, Сила, Нира, и бегом увел отряд из поселения. Женщины с затаенной тревогой глядели им вслед, они знали, что тур-самец опаснее тигра и что кто-то сегодня останется без своего мужчины. Впереди бежал Бид, указывая

дорогу. Стадо ушло далеко и паслось на большой поляне. Подобраться и нему незаметно было невозможно. Что делать, никто не знал. Можно бы подкараулить у водопоя, но и ручей протекал по открытой местности, а медлить нельзя.

- Загнать вожака огнем вместе с турицами в крепкий загон из поваленных деревьев, - предложил Нир.

- Загоном не пользовались и прадеды, деревья истлели и не удержат туров, - возразил вождь.

- Когда разъяренный бык не будет видеть никого, кроме меня, - сказал Гирр, - подойдите на выстрел из лука.

Он отдал вождю свой топор, взял у него второе копьё и пошел к стаду.

На что решился Гирр, знал только вождь. Это он рассказывал сыну Агу, как древние предки вступали в единоборство с турами.

Охотники видели, что бык отделился от стада и двигался навстречу смельчаку, все ускоряя шаг. Гирр остановился: нужно, чтобы бык отошел от туриц на свободное пространство. Пригнув голову, тур горой полетел на врага. В последний миг Гирр легко отпрыгнул в сторону и больно ударил копьём в пах быка. Тур по инерции промчался мимо. Круто развернулся и увидел человека на прежнем месте. Взревев от ярости, снова бросился на охотника, но тот опять остался невредим и опять достал быка копьём. Удары копьё не причиняли большого вреда великану, но он становился все яростнее и безрассуднее. Ошалев от злобы и бессилия, зверь метался челноком взад-вперед, а человек методично изматывал его силы. С губ тура хлопьями летела пена, мокрые бока ходили ходуном, он с хрипом дышал, а враг дразнил его, размахивая копьём. Наконец бык остановился и медленно пошел на человека. Это уже хуже. Но Гирр ждал и такого маневра. Он мгновенно вскинул лук, и стрела, выбив туру глаз, застряла в костях черепа. Земля дрогнула от рева, бык с новой яростью, почти вслепую, летал взад и вперед, пытаясь поддеть рогами ничтожного врага. Из его груди вырывались клекот и стон, движения становились медленнее... Он остановился боком к охотнику и, повернув голову в его сторону, затравленно глядел на врага уцелевшим глазом, видимо, намереваясь и не имея сил уйти. Ноги его дрожали, он часто дышал, вывалив язык. Гирр не

мог пропустить такую оплошность тура. Лук согнулся до крайнего предела всего в десяти шагах от быка, и стрела вошла между ребер, где толчками билось сердце зверя. Тур вздрогнул, сделал два коротких шага и рухнул...

Охотники давно порывались прийти на помощь Гирру и подбежали близко, на досягаемость стрелы, но вождь сразу оценил хватку северного богатыря и спокойно предоставил ему честь одному победить великана, полагая, что сыну лесного племени пригодится и это умение.

В этот день великий и мудрый сын Барса объявил Гирра лучшим охотником своего племени. Род пировал в честь новорожденного и лучшего охотника, неустрашимого Гирра. И никто не заметил, кроме Жу, что Лань убежала в лес и долго плакала. Она

стала девушкой, а никого вокруг, кроме северного гостя, не видела и видеть не хотела, хотя подросли её сверстники и стали хорошими охотниками.

6

И еще прошли лето и зима. Зима была холодной, вода на озере отвердела и держала человека. Бог неба сердито хмурил косматые брови, часто укрывался шкурой и совсем не давал тепла. Люди мерзли и кутались в шкуры. Всю ночь шаман бегал вокруг поселка по льду, дико кричал и бил в барабан, отгоняя злых духов. Это они нашептали солнцу, что южное племя не почитает главного бога. Утром мужчины и женщины, завернувшись в шкуры, вышли из хижин, встали на колени, протянув руки на восход, громко кричали:

- Бог неба! Мы чтим тебя! Дай нам тепла!

Солнце вышло из-за леса красное и гневное.

- Пожалей нас, бог неба и духов! - исступленно кричали люди южного племени.

К полудню ветер разогнал косматые стада, очистив небо от края до края. Люди ликovali – солнце услышало их просьбу, оно больше не сердится. В голубом небе несколько дней висело жаркое солнце, отогревало землю и людей, плавило лед. Но злые духи сильно разгневались на племя. В одну из ночей, когда солнце отдыхало в своей хижине, духи собрались вместе, раздули щеки, дунули все разом и подняли сильный ураган. Лед на озере подвинулся, затрещали сваи, покосились жилища, ураган сбрасывал с них крыши, ломал стены. Люди бросились на берег по сходням и по льду. Лед ломался, дети не доставали дна, тонули. Гирр, ломая и раздвигая грудью льдины, вынес сыновей и снова бросился в воду. До утра бушевал ураган, лед с хрустом и треском лез на берег и на сваи, сталкивая в озеро хижины, а мужчины выносили и выносили детей, своих и чужих женщин, раненых родичей при свете костров, разожженных на берегу. Пора было светать, но все небо застелили черные шкуры и не пропускали лучей солнца.

Сын Барса, с израненными в кровь руками и грудью, вышел на берег, оглядел уцелевших родичей и тела убитых. Среди мертвых лежала Лая. Ее придавило в рухнувшей хижине. Опустив го-

лову, рядом с ней стоял Гирр, молчаливый и суровый. Кроме беды, что духи причинили роду, вождя, будто стрелы, пронзили еще два несчастья: смерть Лаи и потеря лучшего охотника, который не раз силой и мудростью помогал ему одолеть невзгоды, оберегая соплеменников. Сын Барса сердцем чувствовал, что духи леса давно сманивали Гирра к Синей реке и Круглому озеру. Вождь знал, что сын Агу уйдет к своему роду, но не знал, когда. Теперь знал, что скоро.

Но сын Барса на этот раз ошибся. Гирр не ушел, когда южное племя было в беде. Он вместе со всеми восстанавливал и крепил сваи, строил хижину, ходил на охоту и даже вместе с женщинами рыхлил землю и сеял зерно, из которого делают лепешки. Сын севера больше других подружился с домашними турами и кабанами. Он никогда не забывал принести им какое-нибудь лакомство. В свое жилище сын Агу заходил редко даже ночью. Он в одиночку бродил по лесам и оврагам, по степи и скалистым горам, а утром приносил в поселок тушу тарпана, кабана или сайгака, шкуру леопарда или барса. Иногда разводил костер и ночевал на опушке леса, на речной или озерной косе.

Его сыновья жили в хижине вождя. Лат уже плавал с рыбаками ловить рыбу. А женщины с замиранием сердца ждали, кому из них светловолосый богатырь подарит богатое ожерелье и назовет своей женщиной. И только вождь племени, мудрый сын Барса, понимал, что Гирр готовил себя к длительному и опасному походу к родному очагу.

Миновала еще зима. Деревья укрылись зелеными шкурами. Вождь племени, по обычаю, велел развести родовой костер в честь солнца и тепла. Женщины на вертелах жарили мясо. Гирр вошел в свою хижину и увидел Лань. Она ждала его.

- Отец говорил: ты скоро уйдешь к лесному племени. Уведи меня своей женщиной, - сказала девушка.

Гирр не раз видел в ночных скитаниях, что Лань в отдалении следовала за ним. Он не раз чуял и запах дыма от ее костра. А однажды спрятался за дерево. Лань пробежала мимо и на глазах Гирра искала его следы. Сын Агу вышел из-за ствола, девушка сделала вид, что ищет коренья. Лань красивая, сильная, выносливая, с ней легче пройти путь до Синей реки, путь, полный преград и опасностей. Она бесстрашна, владеет луком, копьем,

топором и ножом не хуже многих охотников. Она подарит лесному племени черноглазых девушек и юношей... Гирр резко оборвал свои мысли.

- Нет, - ответил он. - Гирр не может украсть женщину из племени, которое спасло его, дало приют, считает равным.

- Пусть отец скрепит наш союз, и тогда мы уйдем, - стояла на своем Лань.

- Гирр не может обмануть сына Барса, которого почитает дороже отца, - сын Агу никому не сказал, что не знал отца. Гирр и Лань забылись и говорили слишком громко, их через стену услышал вождь и вошел в хижину. Лицо его было сумрачно, но заговорил он спокойно, глядя в глаза гостю:

- Я слышал все. Ты нужен мне, но больше своему племени, и я не задержу тебя. Твои дети будут моими детьми, я сделаю из них смелых охотников. Наши племена вдвойне породнились... Мы дадим тебе зерна для посева. А когда будет нужно, посылай большой отряд, мы отдадим и часть туров. По дороге к Круглому озеру ищи короткий и безопасный путь для их прогона, - сын Барса задумался, опустив голову. Тяжело поднял ее и продолжил тихо. - Может, встретимся только в мире духов.

Гирр молча глядел на сына Барса.

- Я верю в тебя. Сегодня Лань станет твоей женщиной, - твердо закончил вождь, круто повернулся и вышел.

У родового костра южного племени Лань стала женщиной Гирра, он надел ей на шею ожерелье, какого не имела ни одна женщина южного племени. Рано утром они ушли...

- Я все сказал, - закончил Гирр свой рассказ.

ГЛАВА III. ПРОТИВ ДУХОВ

1

елая вид, что не слушает Гирра, Султ сидел в сторонке и глядел куда-то вдаль. Ему нельзя слушать разинув рот. Он без того знал все, хотя не все говорил людям. Он умел отпугивать злых духов, изгонять их из тела больного, он дружил с добрыми духами леса, лугов и рек. Его гнева боялись родичи и сама Агу. Султ не сидел у родового костра и не ждал, пока мать матерей даст ему кусок мяса. Даже когда род голодал, старейшие матери приносили Султу еду. Его хижина стояла у огромного дерева с обгорелой вершиной. Когда-то давно в родовом очаге лесного племени умер огонь. Три лета и две зимы племя ело сырое мясо и сырую рыбу, не могло согреться у костра. Однажды с грохотом раскололось небо, блеснул огонь, ослепивший испуганных людей. Огненная стрела ударила в сухую вершину дерева, отполосовала длинную лучину, и она загорелась. Родичи, онемев от ужаса, попадали на землю. Только бесстрашная Плу крикнула:

- Боги послали огонь!

Она бросилась к горящему дереву и принесла головешку в родовой очаг. Сразу хлынул ливень, и огонь на дереве умер. С тех пор Плу, молодая женщина, пользовалась почетом наравне со старейшими матерями рода. Именно ей боги послали огонь.

Со временем Плу перестала собирать ягоды, плоды и корни, она по просьбе родичей молила духов послать удачу лесному племени. За это мужчины приносили ей шкуры, а старейшие матери еду. Женщина и сама верила, что ее полюбили боги, при-

ходила к святому дереву и, встав на колени, просила:

- Боги и духи! Охотники лесного племени ушли на Кабанье болото. Пошлите им удачу и сберегите от зверей.

Для Плу родичи построили небольшую хижину возле дерева-святыни, чуть в стороне от других жилищ. Плу состарилась и давно умерла. Ее сын Султ, избалованный приношениями родичей, не стал охотником, стал шаманом. Он развесил на обгорелом дереве шкурки горностаев, хорьков, крыс, хвосты лисиц, волков и других зверей, а вокруг хижины – черепа животных, сушеных зверей и ящериц. Люди племени слышали, как Султ кричал по ночам:

- Духи леса! Султ зовет вас в гости! У него много жареного мяса!

Если ему приносили рыбу, Султ выходил к реке и громко звал:

- Духи воды! Я жду вас в хижине! Будем есть рыбу!

Теперь родичи старались угодить шаману: он задобрит духов. От обильной еды щеки Султа раздулись, хитрые глаза заплывли жиром. Никто не смел ему перечить. Он без подарков звал к себе в хижину любую женщину, и она повиновалась.

Шаман уверовал в свое могущество, держался обособленно, не выказывал восхищения, радости и страха. Он – служитель богов и приятель духов – выше радостей и тревог остальных людей племени. Но шаман ни разу не был на охоте, ни разу не испытал серьезной опасности, а потому был труслив и малосилен. Когда Гирр добыл огонь из камня, Султа парализовал страх, он хотел бежать – ноги не слушались. Хорошо, что никто не глядел в его сторону и не заметил ужаса на жирном лице Султа.

Шаман преодолел страх не раньше других и сразу напустил на себя важный вид, неторопливо поглаживал редкую бородавку и все, что рассказывал Гирр, примерял к себе. Если у племени будет много рыбы, будут домашние туры и свиньи, вкусные лепешки и отвар в глиняной посуде, все это будет и у Султа. Совсем хорошо. Султ любил вкусно поесть. Огонь тоже хорошо, шаман будет разжигать костер, когда вздумает. Но что-то тревожило его. "Если у родичей будут огонь, еда и шкуры, - раздумывал он, шевеля губами, - они забудут духов и забудут Султа! Не будут давать ему шкур и пищи!" Холод пробежал по спине шамана. Он

успокаивал себя: "И люди южного племени боятся духов. У сына Барса есть свой шаман. Однако надо родичей, Агу, Кри и Гирра пуще держать в страхе перед духами и не выпускать из-под власти", - заключил он,

Только Гирр закончил рассказ, Султ подошел к Лани и на виду у всех взял ее за руку, намереваясь увести к себе в хижину. Лань вырвала руку, шаман попятился и чуть не упал. Рассерженный Султ ударил ее по лицу и снова схватил ее руку. Но в тот же миг отлетел от кулака Гирра и грохнулся спиной оземь. Люди лесного племени отпрянули в стороны и ждали, что будет. Шаман тяжело поднялся, сказал, направляясь к своей хижине:

- Султ пошел говорить с духами.

Страх и растерянность овладели людьми. Сама Агу прижала руки к груди и не знала, что предпринять. Шаман обрушит гнев духов на ее племя, роду грозят беды, а может, и гибель. Манг выступил вперед и, в упор глядя на Гирра, сказал:

- Пусть Лань идет в хижину Султа.

- Моя женщина не пойдет в хижину Султа, - твердо ответил Гирр.

Мужчины во главе с Мангом, схватив топоры и копья, стеной двинулись на пришельца с юга. Гирр признавал, что сражаться с родовым племенем безрассудно. Его победить нелегко, многих родичей он лишит жизни, но его самого и Лань тоже убьют, впрочем, можно уйти от погони и вернуться в южное племя. Но не для того он пришел в родное поселение. Сын Агу вспомнил обычай своего народа и крикнул:

- Кто хочет драться с Гирром?

После такого клича только трусливые шакалы нападают стаей, а мужчины бьются один на один. Вызов Гирра отрезвил родичей. Но Манг, затеявший ссору, считал недостойным для мужчины отступать.

- Я буду драться! - выкрикнул он.

Гирр и Манг должны разойтись на расстояние, большее, чем полет стрелы, и сходиться для боя на виду у племени, используя любое оружие. Все считали, что скоро душа Манга покинет его тело. Так не считал Манг. До прихода Гирра в состязания охотников он уступал только вождю.

Вперед выступил Кри. Войнами с другими племенами, охо-

той, состязаниями, а следовательно, и поединками мужчин должен руководить он.

- Люди лесного племени, успокойтесь, - заговорил Кри, подняв руку. - Султ не найдет на вас бед и несчастий. Если не будет мяса, рыбы и другой пищи у племени, останется голодным и шаман. Погибнет род – погибнет и шаман. Разве он сам добудет себе пищу?.. Султ поссорился с Гирром – пусть духи рассудят их.

Между Мангом и Гирром вождь воткнул в землю два копия крест-накрест. Это означало, что ссора решена миром и поединок запрещен вождем.

- Пусть духи рассудят Султа и Гирра! - с облегчением заорали родичи и сразу успокоились.

Султ подслушал и подглядел, что происходило у родового кострища после его ухода. Для этого в стене хижины у него проделано потайное отверстие. Услужливый ветерок доносил до шамана почти все слова. Султ хотел, чтобы родичи наказали Гирра, но не хотел его смерти. "Если его убьют, - прикидывал шаман, - я никогда не поем лепешек и навара из глиняных сосудов, а зимой буду грызть по одной рыбке в день и почти не иметь мяса". Слова вождя не понравились Султу, они отнимали у него власть над племенем, хотя не отнимали приношений. Три дня Султ не выходил из хижины, наблюдал, взвешивал, думал.

Лесное племя занималось делами, будто ничего не случилось. Женщины с утра уходили собирать ягоды и коренья, мужчины, нарезав гибких прутьев, рассаживались группами и плели ловушки для рыб, иногда громко спорили. Гирр подходил к ним, что-то объяснял, и споры утихали. За три дня мужчины сплели несколько ловушек, сразу унесли к реке и опустили их в воду среди камышей. Султ с трудом дождался конца ночи, рано вышел из хижины и, забравшись в заросли ивняка, затаился. Он хотел своими глазами увидеть улов.

Взошло солнце, ветерок прогнал с реки легкий туман, в камышах, у самой ловушки, возилась и чмокала губами рыба. Группа охотников появилась неожиданно. Они умели ходить без шороха. Манг забрался в воду и выволок ловушку на берег. Радостный вопль прокатился над рекой. Султ привстал и открыл рот от удивления. В ловушке возились рыбины с темно-желтыми бо-

ками, билась серебристая мелочь. Манг вытряхнул рыбу и отнес ловушку в камыши. Султ подождал, пока ушли охотники, послушал их радостные возгласы, доносившиеся издали, и, крадучись, убрался в хижину. Вскоре женщины принесли шаману поджаренных лещей, с них капал желтый жир.

Наступила ночь. Теплая летняя ночь. По небу плыла полная луна, равнодушная к тревогам и опасностям, к трудам и заботам людей. Люди разошлись по хижинам, но не успели уснуть, как тишину ночи прорезал дикий вопль шамана:

- Духи леса и воды! Не убивайте Гирра, не делайте ему зла! Я не сержусь на него! Идите ко мне есть жирную рыбу! Ее поймали ловушками, плести которые научил Гирр!

Кри поднял голову, послушал, улыбнулся и скоро уснул. Агу вздохнула и успокоилась. "Вождь рассудил мудро", - подумала она.

2

- Спасибо, отец, - сказал Гирр. Из ночных воплей шамана он понял, что Султ примирился вынужденно.

Кри хотел ответить, что он выполнил долг вождя, сохранив для рода жизнь Манга – сильного и ловкого охотника, но до него дошел смысл необычного обращения. "Отец?.. Отец", - повторил он про себя. Само слово в лесное племя принес Гирр, но Кри знал его значение. Он спросил:

- Разве я твой отец?

- Да, так сказала мать матерей. Ты отдал мне часть своей мудрости, силы и ловкости. Когда твое тело ослабит старость, я позабочусь о тебе.

Кри смущенно молчал. Слова Гирра лишили его речи. "Хвала духам", - подумал вождь.

Внешне ничего не изменилось в отношениях Кри и Гирра, они и раньше лучше других понимали друг друга. Поняли и в этот раз.

Гирру не терпелось приступить к главному делу – сооружению лесного завала вокруг поляны, которую он уже присмотрел, чтобы через два года по весне загнать стадо туриц с телятами. Поляну с трех сторон огибала река с отвесными скалистыми бе-

регами, с четвертой стороны – дремучий лес. За поляной бежал ручей, вытекающий из Круглого озера. Все это сын Агу высказал вождю.

- Нельзя терять времени, - закончил Гирр.

Кри не торопился с ответом, что-то соображая.

- Ты прав, времени терять нельзя, - наконец согласился он. - Однако сооружение завала отнимет у мужчин много сил и времени. Кто будет ходить на охоту, чтобы кормить родичей?.. Нужно сначала сделать больше ловушек для рыб, сплести сети и силки из волоса, как у южного племени, чтобы ловить рыбу, куропадок и других птиц, нужно взрыхлить землю для зерна, принесенного тобой от сына Барса.

Гирр вынужден был согласиться с доводами вождя. Действительно, чтобы соорудить завал, мужчинам племени нужно забросить на два лета все другие дела, а это невозможно. Кри и Гирр решили послать отряд охотников в низовье Синей реки, где водились тарпаны. Их жеребята успели подрасти, быстроногие, как ветер, косяки держались в открытой степи, подобраться к ним трудно. Однако именно теперь у них наиболее прочный волос, пригодный для сетей и силков. Охота на тарпанов сложна и опасна, да и дорогу в низовья Синей реки знал только Кри. Пришлось ему возглавить отряд, а за себя, с согласия Агу, оставить Гирра. Манга вождь взял с собой, чтобы честолубивый и заносчивый брат Гирра не затеял новой ссоры.

Отряд из шести мужчин во главе с Кри покинул поселение ночью. Никто, кроме Агу и Гирра, не знал, куда и с какой целью. Направились охотники в сторону Кабаньего болота. Над болотом висел плотный туман, что обрадовало вождя. Он долго вел отряд густыми камышами по колено в воде и тине, часто меняя направление. В камышах водилось множество уток, гусей, журавлей и других птиц. Потревоженные охотниками, они, хлопая крыльями, с громким криком бросались в стороны, редко поднимались на крыло – выводки еще не научились летать. Наконец охотники выбрались на твердую землю и углубились в лес. Шли крадучись, избегая полян. День провели в чащобнике, не разжигая костра. И только следующей ночью Кри круто повернул к Синей реке. Вождь запутывал следы отряда.

Сложные чувства испытывал Кри к Султу. Вождь понимал,

что шаман жаден и зол. Могут ли добрые духи дружить с Султом? Кри сомневался. Вождь допускал дружбу Султа со злыми духами, что тоже полезно для лесного племени. Но Кри опасался шамана после его ссоры с Гирром, после того, как вождь помешал поединку сына с Мангом. Отправляясь в трудный поход, Кри обманывал шамана, сбивал его с толку. Теперь, если Султ пошлет в догонку злых духов, они не найдут охотников. Они слышали крики потревоженных птиц, но не видели, как охотники ушли в лес, и будут искать их на болоте.

Сделав огромный крюк и перевалив горный кряж, отряд вышел к берегу Синей реки много южнее Круглого озера и после короткого привала направился в ее низовья, переплывая или перебредая многочисленные старицы и притоки. По расчетам Кри, отряд вернется к родовому поселению, когда на деревьях покраснеют шкуры.

С каждым днем Синяя река становилась шире, ее берега расходились в стороны, все чаще от нее отступали леса, образуя открытые луга с островками кустарников. В мареве горячих испарений охотники видели стада туров, быстроногих сайгаков, в небе парили орлы, в траве шныряли зайцы, суслики, ящерицы и змеи. В тихих заливах собирались шумные стаи гусей и уток. Отряд спешил, останавливаясь только с заходом солнца и с рассветом покидая стоянку.

Для очередного ночлега выбрали площадку твердой земли среди прибрежных зарослей черемухи и тальников. Кри принялся разводить костер, охотники разбежались поискать добычи и осмотреть окрестности. Вернулись почти одновременно. Манг изловил молодого гуся, еще не умеющего летать. Ваг убил водяную крысу. Рум проткнул копьем крупную щуку. Юм и Фил вернулись с пустыми руками. Спать легли полуголодными, но охотиться на крупную дичь не было времени.

Первую половину ночи стоянку охранял Юм, самый молодой в отряде, не знавший женщин юноша. Вождь взял его за быстроту и неутомимость в беге, за зоркость глаз и обостренный нюх. Ночь была теплая и лунная. Чтобы не привлекать внимания, костер пригасили, оставив тлеющие угли. Юм сидел на обомшелой кочке, подтянув колени к животу. Время от времени он вытягивал шею, вслушивался, ловил ноздрями воздух и опускал голо-

ву на колени. Ничто не тревожило юношу. Слабый ветерок тянул к реке, запах зверя, даже хищного, охотник почует издали. Юм задремал...

Какой-то тягучий, однообразный шорох потревожил его. Охотник стряхнул дремоту, приподнял голову – ни запаха, ни подозрительного шума. Юм внимательно вглядывался в заросли, откуда долетел до него шорох, но ничего настораживающего не видел. Лишь на вершинах кустарников едва уловимо покачивались листья от движения воздуха. Вдруг совсем рядом шелохнулась трава, над ней поднялась ромбовидная голова огромной змеи. Таких охотнику видеть не приходилось. От неожиданности Юм вскрикнул, вскочил на ноги, хватаясь за топор, но змея прыгнула развернувшейся пружиной, обвила юношу кольцами холодного сильного тела. Подоспевший Манг ухватил змею за шею и, собрав всю силу, переломил ей позвоночник, а кольца вокруг Юма продолжали медленно сжиматься. В дело пустили ножи, протыкая и разрывая тело гадины. Юм тяжело дышал, мускулистое кольцо, опоясав грудь, давило будто железным обручем... Но вот объятия змеи ослабели, кольца начали раскручиваться. Подхватив Юма, охотники отбежали в сторону. Желтобрюхий питон, длиною в два человеческих роста, свивался в клубок и, развиваясь, со страшной силой хлестал хвостом, ломая кусты. Его добили, разрубили на куски, тут же развели костер, поджарили и съели. Насытившись, улеглись спать. Для охраны вождь оставил Манга.

3

Дни стали короче, а темные ночи длиннее. Деревья стояли в желтых шкурах, небо затянули серые тучи, то и дело моросил дождь, а отряд Кри не возвращался. Женщины лесного племени сшивали шкуры сухожилиями, готовили теплую одежду и обувь. Мужчины перекрыли жилища толстым слоем тростника. В центре каждой хижины вырыли углубление для костра и обмазали его глиной, а в конических кровлях проделали отверстия, чтобы выходил дым. Это новшество ввел Гирр и на глазах всего племени испытал его в одной из хижин.

В поселении семь жилищ, в шести из них размещалось по

двадцать - двадцать пять человек, не считая детей. В седьмой жил один Султ. Зимой потребуется много дров, поэтому несколько мужчин рубили кустарники, а старухи и дети целыми днями носили их из леса.

Мужчины под руководством Гирра многое успели сделать. Рядом с поселением вскопали поляну, разрыхлили землю, очистили ее от корней и посеяли зерно. Сплели десяток ловушек, а к ним крылья, чтобы больше заходило рыбы. Изготовили из тростника и жердей толстые маты для укрытия прорубей над ловушками. Можно будет всю зиму ловить рыбу и не грызть только сушеную (ее заготовили больше, чем в прошлые годы). Обычно вяленую и сушеную рыбу развешивали прямо в жилищах. Теперь пришлось построить специальный сарай. Для каждой хижины изготовили одну большую и несколько малых посуды из глины, просушили их, прокалили в костре. Скорее и лучше других освоил изготовление сосудов Зул. Он больше всех дивился и радовался, что посудыны не протекают и не размокают в воде. Гирр угостил родичей отваром из рыбы и мяса. Показал, что, если сосуд с водой поставить в огонь и, когда вода оживет, опустить в нее сушеную рыбу или мясо, пища становится мягкой и вкусной.

Люди лесного племени без прежнего страха ждали зиму. Это радовало Гирра. Но Кри не возвращался, сын беспокоился за его судьбу все больше и больше. Он пошел в хижину Агу за советом. Мать сидела у родового очага. Она указала сыну место на шкуре рядом с собой. Гирр сел.

- Благодарение богам и духам, - заговорила мать матерей, - что вернули мне сына, а роду послали вождя. Я прожила много зим и лет, но никогда люди лесного племени не исполняли с такой охотой все, что велел вождь, никогда не имели столько рыбы на зиму.

- Мудрая мать считает, что Кри не вернется? - осторожно спросил Гирр.

- Как думает сын? - Агу вскинула на него глаза.

- Думаю пойти навстречу на два дня пути.

- Пусть духи помогут тебе, - согласилась мать матерей.

Сборы заняли считанные минуты. Гирр взял с собой половину мужчин рода, захватил и двух собак. Остальным охотникам велел ловить и сушить рыбу и заготавливать дрова.

Весь день люди из племени Агу бежали рысью, не удаляясь от берега реки, и весь день моросил дождь. На ночь остановились на широкой поляне под одиноким раскидистым деревом, чтобы костер был виден издалека. Но развести огонь оказалось нелегким делом даже для Гирра. Пока он возился с костром, охотники искали в береговых зарослях какой-нибудь еды. Принесли они только ягоды и грибы, хорошо, что сушеную рыбу захватили с собой. Гирр до утра не сомкнул глаз и корил себя, что не пошел вместе с отцом.

Серый рассвет захватил отряд в пути. Сырым туманом заволокло долину реки, с трав и деревьев при легком касании сыпались крупные капли воды. Светало медленно. Наконец выглянуло солнце, а люди лесного племени не сбавляли шагу. Первым бежал Гирр, позади цепочкой растянулись охотники. Сын Агу понимал, что бежать, не успевая оглядеться, опасно, как и ночевать на открытой поляне, но тревога за Кри и его отряд вынуждали отбросить осторожность. Кроме того, впереди бежали собаки, которые раньше людей почуют зверя.

К полудню охотники стали отставать. Гирр перешел на шаг и подождал их.

- Теперь развернемся в обе стороны на расстояние голоса, - сказал он. - Двигаться не торопясь, искать следы Кри.

Со второй половины дня небо совсем очистилось, травы просохли, по-летнему пригрело солнце. Охотники, изредка переключаясь, шли и шли, осматривая каждый куст и кочку, но никаких следов, оставленных человеком, не обнаруживали. Спугивали табунки куропаток и тетеревов или лисиц и зайцев, между делом били их копьями и, не останавливаясь, шли в сторону полуденного солнца.

Не случайно Гирр решил искать следы Кри именно здесь. Отсюда начинались владения лесного племени, ограниченные рекой и цепью труднопроходимых гор. Горы подступали близко к реке, оставив неширокий проход. Сын Агу считал, что отряд Кри не минует этого места. Но следов отряда обнаружить не удавалось. Их не было.

Отчаяние овладело Гирром. Скоро иссякнет второй день, от ночлега он должен повернуть назад, смирившись с мыслью, что Кри, мудрый отец, не вернется никогда. Продолжать поиски

дольше нельзя: из племени пошлют еще отряд вслед Гирру, оторвут мужчин от подготовки к зиме и оставят поселок, женщин и детей без защиты.

Вдруг собаки дружно залаяли. Гирр остановился, прислушался – собаки визжали и тявкали беззлобно. Сомнений не было, они встретили своих людей. Отряд Гирра с радостными воплями окружил Кри и его спутников. Не сразу разобрались, что с вождем вернулись только Юм и Фил.

Развели костер, молча расселись вокруг, ждали, что скажет Кри, какую беду обрушили духи на его отряд в пути или на охоте.

- Охота была трудной, но удачной, - вождь указал на связки тарпанных грив и хвостов. - Мы убили только трех тарпанов, но нух Юма и стаи ворон помогали нам находить останки лошадей, убитых тиграми или волками. Звери съедали мясо и не трогали волос. Поэтому отряд раньше срока вышел на обратную тропу.

Дальше Кри рассказал, что на середине пути, когда отряд остановился на ночлег, на них напали неизвестные люди. Они подплыли на лодках и высадились на берег с двух сторон прежде, чем их успели заметить. Враги малорослы, с кривыми ногами и темной кожей, с узкими злыми глазами, но цепки и упорны, как лесные муравьи. Их было в несколько раз больше, чем охотников из лесного племени. Темнокожие хотели окружить спящих, но Фил увидел их и подал условный сигнал. Кри мгновенно оценил положение, крикнул:

- Вперед! - И первым бросился в единственный, пока не захваченный врагами выход из окружения. Отряд легко ушел бы от погони кривоногих людей, но Манг не послушал вождя.

- Мужчины лесного племени не побегут от темнокожих крыс! - заорал он и врезался в гущу врагов. Топор в его руках со свистом рассекал воздух, проламывал черепа и уродовал тела. Но копья и стрелы скоро усмирили Манга, он упал лицом вниз.

Отряд замешкался, не успел помочь Мангу и оказался в окружении. Тогда Кри и другие охотники кинулись на прорыв. Темнокожие видели, насколько страшны белотелые великаны в бою и расступились. Однако их стрелы догнали Вага и Рума. Охотники подхватили раненых товарищей и все же оторвались от погони. Но одна связка тарпанных волос осталась на поясе Манга.

В ту же ночь Кри пробрался к месту боя. Темнокожие разожгли костер, оставленный охотниками лесного племени, и поджаривали на огне разрубленного на куски Манга, а некоторые грызли сырое мясо. Связка тарпаньих хвостов и грив валялась неподалеку от костра. Добраться до нее незаметно было невозможно. Кри вскочил во весь рост, оглушающе рявкнул, схватил связку и исчез в зарослях прежде, чем опомнились враги.

Вагу стрела пробила шею. Он умер к утру от удушья. Схоронить его не успели: на рассвете неожиданно нагрянули темнокожие. Так повторялось несколько раз – днем охотники отрывались от людоедов, а к рассвету их настигали темнокожие преследователи. Кри изменил направление, чтобы не выказать поселение лесного племени, а если удастся, и уничтожить врагов. Вождь завел темнокожих в топкое болото с густыми зарослями тростника, которое пересекала узкая тропа твердой земли. По обе стороны тропы – трясинники и зыбуны, подернутые ряской. У входа на тропу Кри оставил быстрого Юма. Когда враги пробежали мимо него, он подал условный сигнал крика ночной птицы, добыл огонь и подпалил тростники. Кри поджег тростники на выходе тропы. Два языка жадного пламени взвились одновременно и с воем помчались навстречу друг другу. Так было покончено с людоедами.

Только теперь появилась возможность позаботиться о Руме. Вождь привел отряд к Студеному ключу, вода которого очищает и заживляет раны, но было уже поздно. От раны шел мертвый дух, и краснота заняла весь бок от пояса до плеча. Семь дней и ночей провел отряд у Студеного ключа. Ни целебная вода, ни соки трав не спасли Рума.

- Видно, наш след нашли злые духи, - закончил Кри. Он хотел сказать: "Злые духи, посланные Султом" – но не сказал.

С приходом Гирра из южного племени авторитет Кри как вождя, и без того невысокий при неограниченной власти Агу, сильно упал. Напротив, авторитет Гирра в глазах соплеменников возрастал с каждым днем. Пришелец с юга не только победил мужчин рода в состязании охотников, но и показал поразительное искусство в метании копья, ножа и в стрельбе из лука. Сын Агу научил людей своего племени добывать огонь, делать ловушки для рыб и посуду из глины, научил родичей многому, чего

они не знали и не умели раньше. Под руководством Гирра племя подготовилось к зиме лучше, чем в прошлые годы. А вождь за это время потерял на охоте за тарпанами половину отряда, в том числе одного из лучших охотников – Манга.

Мать матерей решила назначить вождем племени Гирра. Вместе с тем после того, как Гирр высказал ей сыновью благодарность за то, что мать выбрала ему достойного отца, в сердце Агу поселилось новое непонятное чувство к Кри. Он стал для нее дороже других мужчин рода, она щадила его и выжидала случай объявить о своем решении сначала ему одному, как бы советуясь.

Кри, не скрывая удовлетворения, дотошно осмотрел все сделанное без него, и сын Агу повел вождя на поляну, выбранную под загон для туров.

- Я думаю, отец, лесной завал все же можно сделать за одно лето и две зимы, - сказал он.

Кри недоверчиво взглянул на сына и промолчал, решив сначала посмотреть, что он придумал.

Стояла пора, которую позднее люди назовут золотой осенью. Деревья, кустарники и травы полыхали буйством красок, по синему безоблачному небу неторопливо совершало извечный путь теплое, нежаркое солнце, пахло настоем сохнувших трав и грибной прелью, по краю поляны с тихим говором катился прозрачный ручей, беззвучно осыпались с деревьев и покорно ложились на землю листья.

Огромные поваленные деревья, которые, падая, исковеркали и подняли меньших собратьев, Кри увидел издали и прибавил шаг. Срубить таких гигантов каменным топором казалось почти невозможным. Для этого потребовались бы месяцы упорного каждодневного труда многих людей.

- Их свалили огонь и ветер, - сказал Гирр. - Я вырыл вокруг них ямы, обнажив корни, и развел костры. Не давал огню гаснуть и сильно разгораться несколько дней и ночей. Корни перегорели, и однажды налетевший ветер уронил деревья. Костры можно жечь и зимой, только ямы нужно вырыть, пока не затвердела от холода земля. Однако огонь и землю размягчает.

Кри долго стоял около начатого завала, о чем-то думая. Несколько раз его взгляд скользнул по большой корзине, наполненной черными камнями с блестящей поверхностью на изломах.

Наконец вождь спросил:

- Для чего эти камни?

- В южном племени такие камни кладут в огонь, они горят, как хворост, но медленно и дают много жара, - пояснил Гирр.

- Огонь можно родить из камней и камнями кормить? - удивился Кри.

- Да, отец.

Вождь захотел сам убедиться в этом. Он развел костер и подложил в него несколько черных камней. Они сначала не горели. Гирр насыпал между ними мелких обломков, и камни постепенно разгорелись жарким тлеющим огнем.

- Камни из Черной горы? - спросил Кри.

- Да. Но они есть и рядом, в обрывистом берегу Синей реки.

- Сколько нужно принести корзин, чтобы свалить дерево? - вождь заметно оживился.

- Немного больше, чем пальцев на двух руках.

- Сын, - взволнованно заговорил вождь, впервые называя Гирра сыном, - твои знания и мудрость удивляют меня, нет тебе равных среди родичей. Пусть Агу объявит тебя вождем племени.

- Отец, ты завел людоедов на тропу смерти и победил их малым числом, ты нашел Студеный ключ, исцеляющий раны, - убежденно заговорил Гирр, - ты знаешь много дальних троп, рек, озер и лесов, твой сын не знает этого. Как ему быть вождем?

- Твой отец будет рядом, - не принял возражений Кри.

Воротившись в поселение, он вместе с Гирром вошел в хижину Агу без ее зова и к своему удивлению увидел здесь Султа.

Шаман долго размышлял и пришел к заключению, что мать матерей скоро назовет Гирра вождем племени. Это его встревожило. Сын Агу едва ли будет почитать Султа, если посмел его ударить и не пустил к нему в хижину Лань. Шаман решил опередить события.

- Духи гnevаются на твоего сына, он обидел меня, их друга, - толковал хитрый Султ. - Когда ушел Кри на охоту, за себя оставил Гирра. Нельзя злить духов, они нашьют на твоего сына, а то и на весь род большие беды.

Агу глубоко задумалась и молчала.

- Духи посылают удачу Гирру во всех делах, - вмешался Кри, - это видела мудрая Агу, видели я и все люди племени. По-

чему язык Султа говорит ложь?

- Я о том упрашиваю духов каждый день и каждую ночь, - уверенно ответил Султ, - но духи скоро не послушают меня.

- Если духи перестанут слушать Султа, вождь лесного племени Гирр прогонит его и найдет другого шамана, - в запальчивости Кри переступил границу своей власти, объявив Гирра вождем племени. Увидев, как струсил Султ, неожиданно добавил:

- Гирр сам умеет говорить с духами лучше Султа.

Почему Кри сказал неправду, он и сам не смог бы объяснить, однако произведенным впечатлением остался доволен. Агу не удивилась. Сын столько раз удивлял ее, что слова вождя она приняла за истину. Султ верил в духов, как все люди его племени, хотя никогда их не видел и не делился с ними пищей. Полагал, что духи слышат его просьбы и заклинания. Но при общении с людьми ради собственной выгоды старательно выпячивал свою дружбу с духами, допускал вымысел и ложь. Шаман в этом не видел ничего такого, что могло бы обидеть духов и богов. Слова Кри ударили Султа, будто каменный топор. Он съежился и бормотал в растерянности:

- Султ уговорит духов... Султ упросит их...

Гирр слушал и наблюдал молча. Он разуверился в могуществе жалкого и трусливого шамана.

- Мудрая Агу, - торжественно объявил Кри, - лучшего вождя, чем Гирр, не знало лесное племя.

Старуха поднялась и отчеканила:

- Будет так! Разожжем родовой костер в честь мудрого и могучего вождя Гирра.

Султ незаметно выскользнул из хижины Агу и убрался в свое жилище. Такого поражения он не ожидал и впал в отчаяние. Суетился, не знал, куда девать дрожащие руки, не мог собрать бегающие мысли.

Назначение Гирра вождем племени родичи встретили бурным восторгом.

- Гирр – вождь племени! Будет так!

- Мудрый Гирр – вождь лесного племени! - орали они, вскочив со своих мест у костра. На этот раз и Султ орал вместе со всеми.

Обычно смещенный вождь покидал родовой костер уни-

женно-растерянным и долго бродил в одиночестве. Кри подошел к Гирру, сказал, приложив руку к груди:

- Удачи тебе, великий вождь.

- Спасибо, отец, - ответил Гирр.

Минута тишины... и новый вопль восторга огласил поселение и окрестные леса.

Впервые вождь лесного племени сидел на плоском камне рядом с Агу. Впервые Гирр обвел вокруг костра охотника Юма и лучшую танцовщицу Миллу, объявив:

- Милла – женщина Юма! Юм – мужчина Миллы! Будет так!

- Будет так! - откликнулись родичи.

5

Духи неба горстями сыпали белый холодный песок. Деревья, сбросив летние шкуры, оделись в тонкий пушистый мех горностая. На Синей реке затвердела вода. Солнце давало скупой свет и не давало тепла. Мужчины и женщины лесного племени закутались в шкуры, оставив непокрытыми только головы и руки. В полумраке хижин тлели костры, в кострах стояли большие глиняные посуды, в них разбухала сушеная рыба. В грудах шкур возились дети, они, как всегда, визжали и дрались. Женщины, сидя у костров, плели сети из волоса.

Зима дошла до холодной середины.

В одной из хижин Лань кормила грудью новорожденного сына. Ей в глаза заглядывала и дочь – черноволосая Кит – и допытывалась, что ест братик Грун. Лань гладила дочь по головке, улыбалась и молчала. На лице женщины Гирра светилось беспредельное счастье. Наконец-то она угодила своему мужчине, родив сына. Наконец Лань увидела на суровом, обветренном лице вождя радость. Насытившись, Грун выпустил сосок и задремал. Мать завернула его в шкуру тигра и осторожно положила рядом.

- Тигренок, - рассмеялась Лань, вспомнив волю Гирра заворачивать сына только в тигриную шкуру, чтобы вырос он сильным, как тигр.

Мужчины лесного племени зиму, лето и вторую зиму выбивались из сил, носили в корзинах черные камни, жгли их под

корнями и валили деревья. Вождь сам не знал устали и другим не давал роздыха. Усталости первобытный человек не признавал, если в достатке пища. А в изобилии была только сушеная рыба. Правда, в прошлые годы и ее ели не досыта. Но так устроен человек: достигнутого всегда казалось мало. На зиму рыба уходила в глубокие ямы, почти не двигалась и редко попадала в ловушки, а сушеная надоела. Свежая, поджаренная на углях или камне рыба стала лакомством, не говоря о мясе. Подростки и молодые женщины ловили сетками и петлями куропадок, тетеревов, иногда и зайцев. Эта добыча лишь разжигала потребность людей в мясной пище.

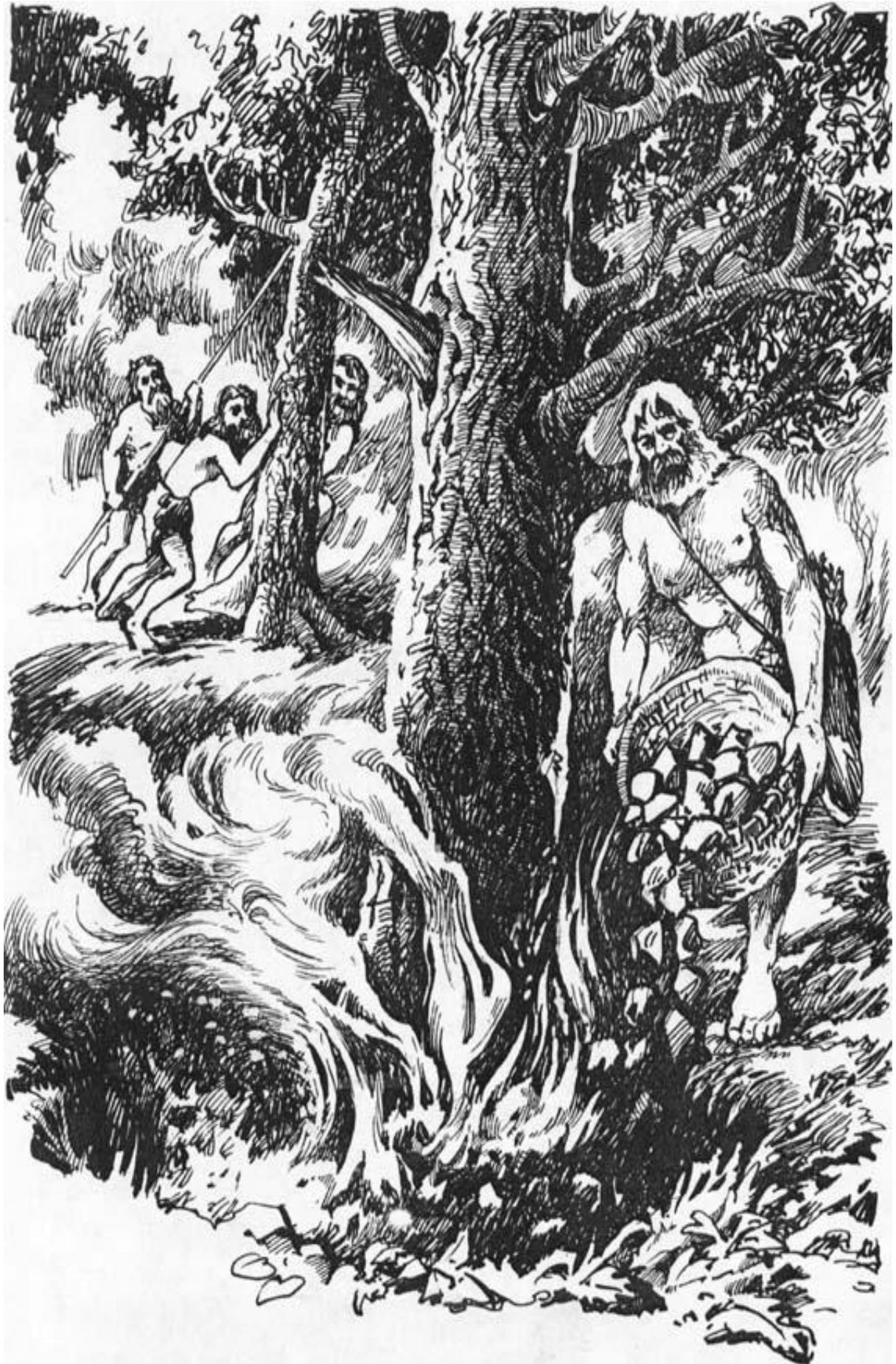
Мужчинам было не до охоты, они с темна до темна валили деревья, сооружали загон. Шаман орал по ночам, изматывая людей:

- Духи леса! У Султа нет мяса! Грызите вместе с ним сухую, невкусную рыбу! Султ не может дать вам жареного мяса, с которого капает жир и душистый сок!

Гирр скрипел зубами от ярости и бессилия, он опасался заткнуть глотку шаману. И без того люди лесного племени роптали, но боялись ослушаться сурового могучего вождя. Даже вспоминали смелого Манга, который не стал бы молчать.

Не так далеко от поселения зимовало стадо туров. Оно, хотя и редко, но ходило на водопой к незамерзающему ручью. Тропа тянулась у скалистого обрыва, а в одном месте – рядом с пропастью. В прошлую зиму Гирр велел тропу облить водой и лед запорошить снегом. Тур-вожак поскользнулся, резко отпрянул, столкнул позади идущую турицу и не удержался сам, грохнулся в пропасть на острые камни. Стадо туриц, лишенное вожака, разбредось, а люди лесного племени получили много мяса и восхваляли мудрость вождя. В эту зиму там же снова паслось большое стадо туров, но Гирр запретил охотникам ходить в ту сторону, чтобы не спугнуть стадо и весной загнать в неволю.

Вождь торопился закончить сооружение, будто это составляло цель всей его жизни. Загон был уже готов, оставлен только узкий проход. Достаточно с обеих сторон уронить по одному дереву, чтобы захлопнуть ловушку. Необходимо еще перед проходом создать завалы-крылья, расходящиеся в стороны.

Иначе стадо не загнать в узкую горловину. Одно крыло почти готово, второе будет коротким, оно выйдет на обрывистый берег реки. Гирр светлел лицом: близился конец долгой изнурительной работы всего племени. К нему подошел Кри.

- Хвала духам, вождю и людям лесного племени, - сказал он, - загон будет сделан до весны, до того, как на деревьях зазеленеют шкуры. С таким вождем лесное племя станет могучим и непобедимым.

Гирр молчал. Он успел узнать отца: за излишней похвалой последует неприятный разговор.

Кри разгадал мысли сына и заговорил напористо и твердо, будто он вождь, а не Гирр:

- Оставь мне треть мужчин, мы управимся к сроку. Ты води охотников к дальнему концу Кабаньего болота. Там вода не твердеет зимой, у границы воды и земли кабаны роют кочки и едят коренья. Метких лучников оставь в засаде. Пусть не бьют секачей, это опасно. Затем шумом и огнем пугните зверей. В холодную воду и в открытую степь они не пойдут, побегут камышами по краю болота в лес. Племени нужно много мяса, нужна большая удача на охоте, нужен большой пир. Ты считал, сколько мужчин племени раздавило деревьями? - вопросом закончил Кри.

- Считал, отец. Каждого четвертого. Но пир будет, когда закончим работу.

- Нет, сын. Поверь отцу, знающему не только лесные тропы, но тропы жизни и тропы людских сердец, пир нужен сейчас.

- Может, ты поведешь охотников?

- Нет. Удача на охоте нужна тебе, - стоял на своем Кри.

- Хорошо, отец, я верю в твою мудрость.

Сборы на охоту обрадовали мужчин, но они сохраняли внешнее спокойствие. Когда охотники собрались вместе, Гирр вдруг увидел, насколько изодраны на родичах одежды. Сквозь дыры видны задубелые от холода тела. "Отец прав, - подумал вождь, - людям нужно не только мясо, но и шкуры. Велика мудрость Кри".

Кабанье болото тянулось широкой очень длинной полосой от Синей реки к лесу. Местами среди камышей темнели незамерзающие озерины. И хотя у кабанов плохое зрение, в засаду и к месту загона охотники пришли ночью, из-под ветра. Гирр засел

вместе с лучниками. Надо сказать, что на Кабанье болото охотники из лесного племени приходили в случаях крайней нужды. И не только потому, что считали его пристанищем злых духов. Но еще и для того, чтобы зря не распугивать дичь.

Едва засерел рассвет, на болоте показался дым от костра, донеслись крики загонщиков и лай собак. Из зарослей вылетел табунок коз. У края тростников вожак остановился, присев на задние ноги, готовый пружиной бросить тело вперед.словно по команде остановились и козы. Свистнули стрелы. Вожак сделал несколько неверных прыжков и упал в снег, в тот же момент на него махнул тигр. Две козы свалились на месте и бились в снегу.

Гирр понял, что охота испорчена. У кабанов тонкое обоняние, они почуяли тигра и ушли с болота. Пока зверь не унес и малую добычу охотников, сын Агу поднял лук, вогнал стрелу в шею полосатой кошки и кинулся отбивать козла. Тигр оскалил зубы, прилег, подбирая лапы для прыжка. Вторая стрела угодила ему в открытую пасть, царапнула наконечником язык и застряла в горле. К удивлению охотников, тигр оставил козла и бежал с поля боя.

- Зверь задохнется, - уверенно сказал Гирр, - завтра найдем его.

Прибежали загонщики. Они сказали, что видели много следов. Свиньи вчера пересекли болото в низовье, по льду и другим краем ушли в лес. Их кто-то напугал. Досада отразилась на лице вождя, он успокаивал себя: через день-два кабаны вернутся, вернутся, конечно, ночью. На снегу они хорошо видны и в темноте, да и ночи лунные. Нужно затаиться и ждать их между лесом и болотом. Эти соображения вождь высказал охотникам.

- Днем в приречных тальниках попытаемся найти лосей, - закончил он.

В первый же день лосиные следы и погрызы нашел Юм. Он прибежал и сообщил вождю:

- Свежие следы. Две самки с лосятами.

По условному сигналу сбежались охотники, взяли в кольцо место жировки лесных великанов, спустили собак. Вскоре собаки захлебнулись лаем. Гирр, не снимая цепь окружения и захватив с собой Юма и Зула, поспешил на голос собак. На узкой поляне возвышались горбатые лосихи. Они стояли, вздыбив гривы, голо-

вами в разные стороны, заняв круговую оборону и охраняя довольно крупных лосят. Собаки со злобным лаем вертелись перед их мордами, то шныряя между тальников, то выскакивая на поляну. Лосихи стояли почти неподвижно, только тугие мышцы вздрагивали от напряжения. Узкая поляна стесняла маневры лосих, а бросаться в тальники или оказаться боком к собакам они опасались. Страшные клыки собак мгновенно вспорют брюхо¹. Приближение людей почуяли и звери, и собаки. Это встревожило одних и ободрило других. Заходить сбоку было некогда, звери могли вырваться из окружения собак. Охотники, не сговариваясь, вскинули луки. Ближней лосихе, что стояла мордой к охотникам, стрела пронзила грудь, она шарахнулась, потеряв бдительность, и кобель в стремительном броске, будто ножом, развалил ей брюхо, а сука перехватила горло.

Второй лосихе обе стрелы легко вошли в мякоть зада, не причинив особого вреда. Она, обезумев от боли и страха, кинулась вперед, молниеносно ударила собаку в бок так, что копыто прошло насквозь, и напролом ринулась через тальники. Молодая сука повисла у нее на шее, добираясь до горла. Один из мужчин ударил лосиху копьем, и все же она, собрав остаток сил, опрокинула охотника и била копытами, пока не свалилась тут же. Лосят передушили собаки.

Лесное племя будет накормлено мясом, но родичи потеряли охотника и собаку. Дорогая цена.

Как и предполагал вождь, тигра нашли мертвым, а кабаны вышли к болоту во вторую ночь. Охоту на них Гирр продумал особенно тщательно. Группа охотников во главе с вождем заняла позицию с подветренной стороны в камышах, зарывшись в снег. На счастье удалось убить хорька, имеющего резкий запах, не пугающий свиней. Кровью и внутренностями хорька охотники измазали руки и лица. Вторую группу охотников Зуд увел на болото, куда должны прийти кабаны на кормежку.

К концу первой ночи из леса вышел матерый секач. Не доходя до камышей, он остановился, долго нюхал воздух, поворачивая рыло то в одну, то

¹ В то далекое время домашние собаки не отличались от волков размерами, силой и хваткой.

в другую сторону. Затем продвинулся вперед и снова остановился близко от охотников. Гирр знаком запретил его тревожить. Кабан постоял неподвижно, выделяясь темной глыбой на снегу, неторопливо вернулся в лес. Весь день охотники не покидали засады, не разводили огня, перекусив вяленой рыбой и утолив жажду снегом. Едва наступили сумерки, кабан-вожак стада вышел на прежнее место.

Гирр понимал, что секач опытный и, видимо, не раз встречался с человеком. Такого гиганта стороной обходили медведи, не всегда решался атаковать тигр. Но секач два дня назад видел на болоте людей и теперь проявлял особую осторожность. Он тихо хрюкнул и двинулся окраиной камышей, тотчас из леса появилось стадо, растянувшись цепочкой вслед вожаку. Охотники нетерпеливо поглядывали на Гирра, ожидая его команды. Великий вождь лесного племени лежал неподвижно, и только когда с охотниками поравнялись последние молодые свиньи, он подал знак. Свистнули стрелы. Пять кабанов забились на снегу, два с торчащими в боку стрелами умчались за стадом. Гирр поднял ладонь, удерживая охотников в засаде. Из сумерек вынырнула темная громада секача. Он угрожающе хрюкал, вертелся возле умирающих кабанов, не видя врага. В тупой ярости пробежал несколько раз взад и вперед по следу, оставленному стадом, и ушел за ним.

Сын Агу считал, что вожак обогнет болото и другой стороной поведет стадо в лес, но лай собак, шум отряда, что ушел с Зудом, и огонь заставят секача повернуть на прежнюю тропу, однако место гибели собратьев он обойдет. Поэтому отряд Гирра переменял позицию, перебежав шагов триста в угон кабанам.

Прошло немало времени. Потянул северный жгучий ветерок. Охотники лежали без движения, зарывшись в снег среди тростников. Наконец за болотом залаяли собаки. Скоро послышалось сопение бегущих кабанов. На этот раз впереди мчались матки, секач, видимо, замыкал стадо. Стрела Гирра свалила переднюю. Получилась заминка, часть свиней бросилась в сторону. Стрелы с тонким свистом разили наповал. Секач уже точно знал, что имеет дело с людьми, и пролетел мимо без остановки. Ни одна стрела не коснулась его. Раненый вепрь не отступает, а вождь не хотел рисковать жизнью мужчин.

Такой удачной охоты не помнили родичи лесного племени.

ГЛАВА IV. ТЕРПЕНИЕ И МУДРОСТЬ

1

темной дали замелькала цепь красных точек. Тур-вожак поднял голову. Точки двигались, приближаясь. "Волки", - успокоился он. Стаду туров эти звери не страшны. Но точки красные, горячие, а не холодные.

Вожак огляделся. С трех сторон надвигались странные огни. Бык втянул ноздрями воздух и уловил слабый запах дыма. Страшный красный зверь ему знаком. Когда он был еще сосунком, полстада погибло в лесном пожаре, а ему больно обожгло бок, оставив пожизненный рубец. Остатки стада тогда вожак завел в реку, и злой красный зверь прошел берегом, испугавшись воды. Быка охватило беспокойство, он коротко рявкнул и решительно направился в сторону, где не было зловещих точек, дремавшие турицы и телята вскочили, последовали за ним. А огни наступали, по временам в ночное небо взвивались языки пламени. Сомнений не осталось, вожак проревел тревогу и побежал...

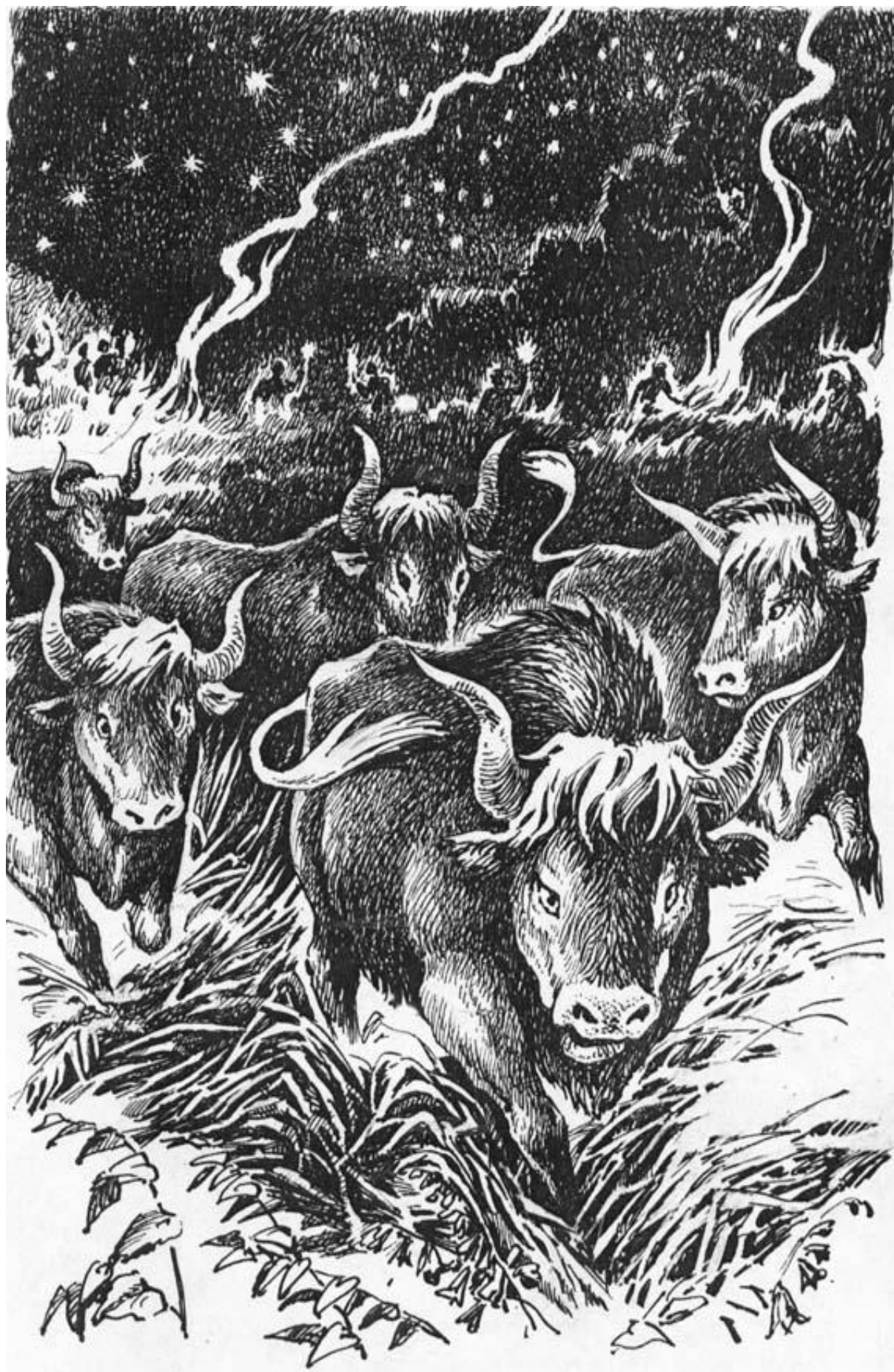
Гирр все рассчитал верно. Заранее заготовили и просушили смолье, навязали снопы тростника. Каждый охотник размахивал факелом, тесня стадо, и изредка поджигал вязанку тростника, создавая впечатление пожара.

... Стадо туров бежало к загону. Впереди выросла стена леса. Вожак замедлил бег и совсем остановился. Он вспомнил, что в лесу пожар особенно страшен. Но медлить нельзя: позади крутились огненные языки, ноздри щекотал отвратительный дым. Вдруг вожак уловил дыханье воды. Река? В ней спасенье! Бык

без колебаний бросился в горловину загона, напирая друг на друга, ввалилось и все стадо. Вожак оглянулся: в горловине, через которую он только что провел туриц, пылал пожар, с треском и грохотом падали деревья. Глава стада готов на смертельную схватку за своих самок с любым врагом, но от красного зверя можно только убежать или залезть в воду. Бык полетел к реке, с минуту глядел с отвесной скалы, но прыгать в реку не решился. Повел туриц вдоль берега, в дальний край загона, ища спуск к воде. Спуска не оказалось. Через мелкий чащобник вожак вломился в лес, встретив завал, попытался рогами и грудью проломить или расшвырять его. Вылетел на поляну, с разгону бросился на загон в другом месте... в третьем... Его рев раскатами грома рокотал над рекой и лесом, темная громада мускулов таранила и таранила загон, и, казалось, никогда не будет этому конца... Но все было напрасно. Великаны-деревья, переплетясь сучьями, не дрогнув выдерживали лобовой удар свирепого тура. Несколько раз он ранил себе бока, из разбитого надбровья сочилась кровь, но страшнее всего – надломил рог у самого основания. Бык звериным чутьем понял, что в следующую весну его прогонит из стада соперник. Вожак лишился главного – оружия, а безоружный вожак – не вожак.

Турицы сгрудились на поляне и ждали, куда поведет их хозяин гарема. Тур подошел к ним, без видимой причины отшвырнул крайнюю самку могучим лбом и отвернулся. Прислушался, приподняв голову. Тихо. Пожар умер, только во влажном воздухе еще висел слабый запах дыма. Рядом звенел ручей. Бык напился прохладной воды. Напились и турицы, затем улеглись в траву и начали пережевывать вечную жвачку. Бык стоял неподвижно, опустив косматую голову. Тысячелетний опыт предков говорил ему, что стадо не в безопасности и пока он вожак, обязан позаботиться о беспечных турицах и о своем потомстве. Тур издал слабый звук, видимо, предупреждая самок, чтобы оставались на месте, и без прежней ярости начал методично обследовать завал метр за метром. Дойдя до горловины, постоял в отдалении и вернулся к турицам.

Гирр, Кри и другие охотники спустились с деревьев. Вождь оставил несколько мужчин во главе с Юмом наблюдать за турами и охранять их от хищников, сам в окружении охотников

направился в поселение. "Спасибо вам, духи, - думал Гирр, - что привели тропу моей жизни в племя сына Барса и назад в лесное племя. Я не забуду вашей доброты ко мне. Помогите и дальше в начатом деле".

Весть о неслыханной победе охотников растревожила поселение. Женщины, подростки и дети встретили их у пылающего родового костра. Люди и сама Агу не скрывали ликования. Шутка ли! Только взрослых туров загнали в ловушку чуть меньше, чем пальцев на руках и ногах у двух человек! Мать матерей подняла руку, требуя тишины. Родичи притихли.

- Хвала великому вождю Гирру, победителю туров! - объявила Агу и склонила перед ним седую голову.

- Хвала Гирру!

- Хвала великому вождю!

- Хвала победителю туров!

Гирр властно вскинул руку с растопыренными пальцами. Родичи смолкли на полуслове. Вождь сурово оглядел их.

- Люди лесного племени, - заговорил он с расстановкой, - великий вождь Гирр кланяется вам, что не ослушались его, что подчинились его воле, что вынесли и недостаток пищи, и недостаток шкур, но построили загон и победили туров. Кланяюсь вам, могучие люди лесного племени, - Гирр опустил на одно колено и склонил голову.

Стояла гробовая тишина. Такого никогда не было. У Кри повлажнели глаза. "Мудрости Гирру не занимать", - подумал он. Вождь выпрямился, снова вскинул руку и провозгласил:

- Хвала лесному племени!

- Хвала лесному племени! - радостно подхватили родичи. Гирр молча подождал тишины, спросил:

- Где Султ?

Шаман протиснулся вперед, но остановился в отдалении и склонил голову, боясь взглянуть на грозного вождя.

- Великий шаман Султ! - тем же твердым голосом заговорил Гирр. - Три дня и три ночи возноси хвалу духам и богам, корми их самым жирным жареным мясом, проси новых удач лесному племени и его вождю.

Султ упал на колени и кивал головой, слова застряли в его горле. Кри спрятал улыбку. Он знал, что шаман будет служить

вождю как верная собака.

До рассвета пировало лесное племя, празднуя победу, хотя до победы было очень далеко, о чем знал, пожалуй, только Гирр.

2

Турицы спокойно паслись, загибая шершавым языком молодую траву, пили проточную воду, кормили молоком детенышей-сосунков, пережевывали жвачку и приносили приплод. На отдых уходили к обрывистому берегу реки, где обдувал ветерок и меньше надоедали насекомые. Травы, воды и простора в загоне хватало, животных никто не тревожил. Вожак первые дни мало ел, стоял на страже, чутко вслушивался, часто нюхал воздух, поднимая лобастую голову. Запах двуногих и дыма, то ослабевая, то усиливаясь, держал его в постоянном напряжении. Разрушить завал он больше не пытался и не искал в нем прохода, а на крутом берегу стоял подолгу, вглядываясь в заречные луга и лесные дали. К горловине, через которую провел стадо в памятную ночь, как он полагал, спасая туриц от огня, больше не приближался, видимо, боясь, что красный зверь притаился, а увидев его, оживет снова. Шло время, и вожак успокоился или смирился...

Но не знали покоя люди лесного племени. Как всегда, Гирр доверил свои мысли сначала отцу, сразу же после праздника победы над турами.

- Осенью тур-вожак прогонит из стада молодых самцов, - как бы между прочим сказал сын и замолчал.

Молчал и Кри, зная, что разговор не окончен.

- Но им некуда уйти из загона, и вожак убьет сыновей, - вслух рассуждал вождь племени, - их нужно уберечь. Это запас мяса на зиму для людей лесного племени. Не обойтись без второго загона. Должны построить его раньше, чем деревья сбросят летние шкуры... И тогда, кроме добычи на охоте, племя сможет убивать туров каждую зиму.

- Не успеть, - возразил Кри. - Первый загон строили две зимы и одно лето.

- Смотри, отец... - Гирр на отсыревшей от росы тропе ножом прочертил изгиб реки, а также первый загон и крылья перед входом в него. - Смотри, второй загон почти сделан. Осталось пере-

городить узкий перешеек поляны и от реки до забора соорудить лесной завал. Нужно соединить концы крыльев. Успеем... но как найти тропу к сердцам людей?

- Мудро, - одобрил Кри, - а людям скажи все, как сейчас мне. Они поймут, они верят тебе.

Отец не ошибся. Люди лесного племени часто голодали, особенно зимой, и цену мясной пище знали. Они сразу поняли, о чем заботился вождь, и с энтузиазмом взялись за работу. От темна до темна горели костры, изредка падали деревья. Кри руководил сооружением завала, Гирр – строительством забора. Сначала уроненные деревья пережигали на несколько частей, то и дело очищая топором древесину от угольной корки: чтобы дерево не сгорело целиком, его по обе стороны костра обливали водой или обкладывали мокрым мхом. Суковатые столбы носили на луговину. Здесь их ставили отвесно в приготовленные ямы, закладывали камнями и зарывали землей. На столбы клали деревья потоньше и прикручивали гибкими ветками тальника и черемухи. С наружной стороны врывали в землю укосины. Мужчины уже обрели опыт и работали слаженно.

Вождя тревожили новые заботы. Через зиму для молодых туриц нужен вожак. Где его взять? Сын Барса говорил, что вожаком нельзя оставлять отца или брата. Значит, из первого стада от вожака-отца молодых туриц нужно убрать. Но куда? Строить третий загон? И как добыть им вожака, без чего не будет приплода? Занятый трудными думами, вождь вместе со всеми носил столбы и наблюдал за ходом работ. Он увидел, что трое мужчин, стоя на коленях, глядели в траву и громко смеялись. Сын Агу подошел к ним. Два черных муравья на пределе сил тащили веточку, во много раз большую, чем они сами.

- Темнокожие хотят построить загон, чтобы ловить туров, - весело сказал Юм, взглянув на Гирра.

Вождь засмеялся вместе со всеми. Маленькая шутка Юма развеселила его, отвлекла от изнуряющих мыслей, и почему-то трудности уже не казались неразрешимыми.

Под вечер из поселения прибежал подросток – и сразу к Гирру.

- Агу велела сказать, что Кит уходит во власть духов. Ее укусила змея, - выпалил он.

Сын Агу закаменел. "Духи наказали меня, - подумал он. - Ждал сына и рождение дочери принял без радости". В следующее мгновение вождь стрелой мчался в поселение. У хижины Агу толпились женщины, изнутри доносились завывания шамана, изгоняющего из тела девочки злого духа, что вселила в него змея. Гирр влетел в хижину. В глаза бросилось заплаканное лицо Лани. Она сидела у костра, судорожно сжав руки у подбородка, и неотрывно глядела на дочь. Кит лежала на шкуре лицом вверх, пониже колена – краснота и опухоль. Суровое спокойствие на лице Агу не удивило Гирра. Мать матерей знала, что укус змеи смертелен, что чистая душа девочки улетит в лучший мир. Не надо только суетиться и плакать, чтобы не тревожить ребенка и не злить духов. Увидев вождя, Султ добавил усердия, прыгал, бешовался, орал какую-то бессмыслицу.

Гирр отстранил шамана, костяным ножом разрезал место укуса. Кит закричала от боли. "Силы не покинули ее", - подумал сын Агу. Он припал губами к ране, высасывал, сплевывал и снова высасывал кровь. Агу и Султ глядели на вождя, оцепенев от ужаса. Им казалось, что Гирр пьет кровь дочери, зная, что она умрет. Но Кит вскоре уснула и через несколько дней встала на ноги. В южном племени укусы змей нередки, и людей спасали таким образом. Узнав о несчастье, Лань с ножом в руке бросилась к дочери. Агу встала на пути, решив, что мать хотела прекратить страдания девочки.

- Пусть ее душа сама уйдет в мир духов, - строго сказала старуха.

Старейшие матери подхватили Лань, отвели в сторону и усадили возле костра. Несчастливая женщина не знала, почему старухи во главе с Агу приговорили ее дочь к смерти. Обливаясь слезами, она молча прощалась с Кит, когда в хижину влетел Гирр. Чувство благодарности к своему мужчине переполнило ее сердце, Лань успокоилась. Но пришла другая беда – в ее груди не стало молока. Голодный Грун надрывался криком. Сын Агу не находил себе места. Наконец он решился. Старая Пи, видимо, в последний раз, принесла двух слепых щенят. Гирр выбросил их в реку и к соскам суки подложил Груна. В лесном племени жизнь собаки ценилась не ниже, чем жизнь человека. Но Грун – сын вождя. Люди промолчали. Как только Кит вернулась к жизни, в

грудь Лани вернулось молоко, и ненастный крепыш Грун высасывал мать и суку Пи. Пока ребенок сосал собаку, она старательно облизывала его белокурую головку розовым языком.

- Растет тигр, - улыбался Гирр.

- Тигренок, - соглашалась Лань.

Случай этот имел важные последствия. Женщины лесного племени видели, как боролся за жизнь своих детей мужчина Лани, и позавидовали ей. После этого вождь племени чаще скреплял союз мужчин и женщин, водил их вокруг родового костра. Однако супружеские пары не были прочными, они обычно легко распадались. Богатым ожерельям других мужчин не могло противостоять женское сердце.

3

Настоящая беда пришла в лесное племя осенью...

... Построен второй загон, без особого труда отделены в него молодые самцы-туры. Ближе к осени вожак все чаще награждал подросших сыновей ударом широкого лба, они сторонились отца, прятались за матерей, но турицы не защищали их. Со временем бычки стали уходить для ночлега к горловине загона, куда вожак по-прежнему не приближался. Затем молодые самцы вообще отделились от стада, а при нападении вожака бежали к горловине. Однажды они обнаружили ее открытой и перешли во второй загон. Вопрос разрешился легко и просто.

А беда пришла с реки.

Лесное племя готовилось к зиме. Вождь, оставив охрану, повел большой отряд за Круглое озеро и Черную гору. Давно туда не торили тропу и не тревожили зверя люди лесного племени. Надеялись добыть лосей, маралов или коз для мяса и шкур. Племям нужны к зиме и вяленое мясо, и шкуры, особенно шкуры лосей и маралов для обуви. Рыба заготовлена в достатке.

В пути охотников догнал быстроногий Юм.

- Великий вождь, много людей приплыло по Синей реке на плотках и лодках. Кри говорит: это люди свирепого северного племени.

- Где они? Говори! - Гирр не сдержал волнения. Он еще юношей, не знавшим женщин, встречался с жестоким северным

племенем, которое не щадило и детей.

- На острове, против Кабаньего болота, - ответил Юм.

Гирр выразительно махнул рукой и помчался назад. Ненависть душила его. Не раз пришельцы с севера уводили женщин, убивали детей, разоряли жилища. Гирр знал, что северяне налетали обычно ночью, внезапно, сеяли ужас и панику, легко достигая победы. И еще одно совпадение поразило вождя: как в прошлый раз, так и теперь, враги приплыли, когда мужчины ушли на охоту. Гирр, став вождем, выставил постоянные дозоры на реке, и внезапного нападения уже не будет.

Мудрый Кри не терял времени. Он сообщил вождю:

- Врагов вдвое больше, чем мужчин в лесном племени. Они не считают себя обнаруженными, спят на острове, не выставив охранения, но костров не зажгли.

Вождь задумался. Открытое сражение принесет победу, в чем Гирр не сомневался, но обойдется большими потерями. Остров отделяла неширокая, но глубокая протока, брод был только вверху. Гирр отвел охотников от берега, вполголоса изложил план.

- Врагов больше, чем нас, - заговорил он, - враги жестокие. Сегодня или завтра ночью они нападут на поселение. Надо опередить их. Кри с охраной останется здесь. Если будут лазутчики или охотники, перебить. Они знают здешние места, знают и о Кабаньем болоте. В прошлый набег охотились на нем.

- Будет так, великий вождь! - откликнулся Кри.

- Мы перейдем брод и подберемся близко. В темноте выигрывает тот, кто нападает первым. Каждый должен убить по одному врагу. Юм и Фил столкнут в воду плоты и лодки. Когда враги опомнятся, уходить в реку по крику ночной птицы. Темнота укроет нас от стрел.

Будто тени, мелькнули и исчезли охотники. Наступила густая, тягучая тишина. Со свистом пронеслась стайка уток, за Кабаньим болотом рыкнул тигр или гроыхнул запоздалый гром. Небо еще днем затянуло шкурами, в них закуталась луна от осенней ночной стужи. Кри не спускал глаз с темного безжизненного острова и серой поверхности воды, слушал немую тишину, но только запах сырых шкур выдавал пришельцев. Кри знал, где отряд Гирра перейдет протоку, но и там ни всплеска, ни темной

точки, только тусклая, чуть посеребренная гладь. Охотники пройдут протоку под водой, взяв в рот полые трубки высохших растений, что в лесном племени умеют даже женщины и дети. Важно, чтобы враги не сразу обнаружили отряд Гирра при выходе на остров.

Смещенный вождь Кри заметно постарел. Чувствовал, что его руки и ноги скоро начнут слабеть. Он помнил обещание сына, и все же приближение старости пугало. И сейчас эти мрачные мысли заняли его голову. Вдруг в поселении залаяла собака, и раз за разом прокричал кулик. "Зул обнаружил разведчиков, но помощи не просит", - отметил Кри и повторил крик кулика, сообщая о событии Гирру.

Мужчины лесного племени вместе с вождем лежали в это время в воде у самого острова, вслушиваясь и высматривая, нет ли охраны. Сигнал Зула и Кри несколько успокоил вождя, видимо, налет намечен после возвращения лазутчиков. Он тихо свистнул, подражая камышевке. Охотники вскочили, их топоры и копья обрушились на спящих врагов. Рев, крики, стоны, паника... Через несколько минут уцелевшие пришельцы во главе с вождем сгрудились на нижней оконечности острова, ошестинясь копьями. Гирр мгновенно изменил план.

- В стрелы! - крикнул он.

Охотники поняли замысел вождя. На фоне воды пришельцы плохо, но видны, и стояли кучно, ожидая нападения. Из редких тальников острова веер разящих стрел раз за разом прорезал воздух. Враги корчились на песке, их добивали копьями и топорами. Победа была полной и такой стремительной, что Юм и Фил не успели столкнуть лодки, только перерезали волосяные канаты, сдвинули с песка и пустили по течению три больших плота. Их тотчас бросились догонять на лодках. Победители собрали оружие, прикончили раненых пришельцев, сняли с них шкуры, трупы побросали в реку. Погибших и раненых товарищей, а также трофей погрузили в лодки, двинулись вниз, к поселению. Часть охотников отправилась на берег вплавь.

Угрюмый вождь сидел на передней лодке. Невеселы его думы. В коротком рукопашном бою, благоприятном для лесного племени, пять охотников убито, семь ранено. Почти половина мужчин, что с ним перешли на остров. Правда, врагов полегло

вчетверо больше. Но что было бы, напади они внезапно?.. И опять вождя поразило это обстоятельство: враждебное племя во второй раз нападает, когда мужчины рода Агу на охоте. Значит, лазутчики врага проникают в поселение. Вождь вспомнил все по порядку. Юм принес известие. Гирр привел людей к острову за светом, минуя поселок. Дотемна река и остров были на виду многих глаз, лазутчики в это время пройти не могли. Как они оказались в поселении? Как проглядела их охрана? Гирр встревожился. Слишком много лесное племя вложило труда, строя загоны, вскапывая землю под посевы, чтобы подвергать все это опасности уничтожения.

В поселении уже знали о победе и потерях. Гирр молча выпрыгнул из лодки и направился к родовому костру, остановился возле Агу, опустил на колени, склонил голову.

- Мать матерей, - тихо сказал он, - многих сыновей рода не уберечь твой сын, вождь племени.

Глаза Агу сверкнули, она вскинула руки со сжатыми кулаками, ее голос прозвенел металлом:

- Хвала великому Гирру, победителю жестокого северного племени!

- Великому Гирру хвала! - откликнулись родичи.

- Хвала!.. ла!.. ла!.. - покатилося эхо. Вождь тяжело поднялся. Предстояло невероятно трудное – спросить с отца. Он оставался во главе охраны, когда мужчины ушли на охоту. Хотя враги замечены вовремя, их лазутчики проникли в поселение раньше. "Духи, помогите отцу", - подумал Гирр, собираясь сказать первые, самые трудные слова. Вперед выступил Зул.

- Великий вождь, - заявил он, - хочу говорить.

- Говори, - обрадовался Гирр отсрочке.

- Великий вождь, лазутчики прятались пять ночей и пять дней в хижине Султа. - Зул показал число дней и ночей растопыренными пальцами. - Ели рыбу и мясо лесного племени. Ждали, когда вождь уведет мужчин на охоту. Зул все сказал.

Родичи онемели, не смея дохнуть. Кровь отлила от лица вождя. В свете костра его лицо казалось вылепленным из белого холодного песка. Сверкали только глаза.

- Язык Зула говорит ложь, - взвизгнула одна из старых женщин.

Гирр властно вскинул руку.

- Где Султ? - спросил он очень тихо.

- Султа и двух лазутчиков связали в хижине шамана и охраняли до твоего решения, - ответил Зул.

- Привести! - рявкнул вождь.

Лазутчики сносно владели языком лесного племени и, надеясь хотя бы оттянуть расправу, все рассказывали подробно. В поселение они пробрались днем, когда охрана менее бдительна. Скрывались в хижине шамана, выходили на волю только ночью. Вышли и в этот раз, на них бросились мужчины, скрутили безоружных. Враги не сказали, что с уходом Гирра на охоту два их товарища отправились сообщить об этом своему вождю. Не сказали, что если их вождь до полуночи не получит от них новых сведений, северное племя нападет на поселение. Лазутчики надеялись на освобождение. Гирр и так понял все.

- В прошлый набег вы были у Султа? - спросил он.

- Да, - спокойно ответил северянин со светлой всклооченной бородой, - и в прошлый раз прятал разведчиков Султ.

Злобный вой прокатился по рядам родичей Агу. Шаман ничего не отрицал, он лепетал, что хотел уберечь свою жизнь, чтобы служить духам и охранять лесное племя от бед и несчастий. Лазутчиков вождь велел убить тут же. Они без трепета приняли смерть. Судьбу шамана Гирр предоставил решить родичам.

- Люди лесного племени, вы слышали все, - сказал он. - Кто велит убить Султа, пусть воткнет копье в землю слева от меня, кто велит пощадить – справа.

Кри первый вонзил копье по левую руку вождя, за ним устремились остальные. Женщины хватали камни и бросали их в кучу рядом с копьями. Никто не хотел щадить предателя.

- По вине Султа погибло много родичей – мужчин, женщин, детей, - подводил итог великий вождь, - не могли боги и духи любить его. Пищей, которую мы приносили для богов и духов, Султ кормил врагов...

Неистовый рев заглушил слова вождя. Он подождал тишины и закончил:

- Пусть шакалья душа Султа всегда дрожит от холода, не знает солнца и костра! Бросить его в реку с камнями на шее и ногах!

- Будет так! - кричали люди, совершая праведный суд. От служителя призрачных, неосязаемых духов пошел отвратительный осязаемый дух. Но скоро круги разбежались и разгладились на поверхности Синей реки. Гирр подошел к Кри, ткнулся плечом в его плечо, прошептал:

- Прости, отец.

Кри решил, что сын потрясен битвой, потерями, предательством. Молча увел его в хижину.

4

Из семи раненых воинов лесного племени выжили трое. Четверо умерли. Война всегда приносила горе и лишения. Людоеды убили трех мужчин, а Манга съели. Для людоедов война – охота. Но и северное племя убило девять мужчин. Девять из четырех десятков. А сильные руки так нужны! Нужны, чтобы строить третий загон... Гирр лежал с открытыми глазами, сон бежал от него. Северное племя осталось без охотников. Женщин, детей, стариков ждут лишения, а может, и голодная смерть... Зачем война?

Во сне засмеялась Лань, не просыпаясь, прикрыла шкурой Кит и Груна. Вождь не мог уснуть. Он тихо вышел из хижины, вернулся к прежним мыслям. Зачем война? Гирру и лесному племени нужен мир. Больше будет пищи и одежды, больше будет мужчин, женщин, детей. Насколько знал сын Агу, война приходила с севера. Только раз южное племя увело женщин, но не причинило вреда роду. Вождь вышел на берег реки, увидел Кри, сел рядом.

- О чем твои думы, отец?

Кри долго молчал, ответил, не меняя позы:

- Старость идет за мной на расстоянии полета стрелы.

- Твоя мудрая мысль быстрее стрелы.

Кри промолчал.

- Отец, тебе знакомы южные тропы до бескрайних степей и большой воды, куда вливается Синяя река. Знакомы ли северные тропы?

Кри шевельнулся, пытаясь понять, какие новые планы родились у вождя.

- Юношей ходил я в отряде карать северное племя за то, что оно перед тем разорило наш род. Не дожидаясь, пока нападут северяне, через малое время люди лесного племени не раз разбивали их. Дальше пределов северного жестокого соседа троп не знаю.

- Что же потом? - допытывался Гирр. - Враги присмирели?

- Мы жестоко покарали их. Много лет и зим они набирали силы, пока снова не напали на нас, - отвечал Кри.

- В этот раз, когда я ушел за женщинами на юг?

- Да.

- Скажи, отец, наши воины убивали детей?

- В том и беда, что детей и женщин щадили. Потому северное племя возрождалось и угрожало нам.

- Зачем два племени разоряют и убивают друг друга? – не отставал вождь, желая что-то понять.

- Так было всегда, - пожал плечами Кри.

- Людям нужен мир, - уверенно заявил сын. - Вчера мы победили северных пришельцев, убили мужчин. Но племя не умрет и не простит нам.

- Они первыми пришли на нашу землю! - повысил голос отец. - Пришли убивать!

- Сейчас не узнать, кто напал первым, - возразил сын, - важно, кто первым предложит дружбу и окажет помощь. Мы должны сделать это. Сегодня лесное племя сильнее и богаче северных соседей... Сколько дней пути до их поселения?

Кри сердито взглянул на сына и отвернулся.

- Пойми, отец, войны и набеги ломают все мои планы. Весной хотел я послать отряд к сыну Барса, пригнать домашних туров и вожака молодым турицам. Посылать некого... Половина мужчин охраняет жилища, посевы, загоны и туров. Еще один набег, и все наши труды пропадут даром. Ты, мудрейший из людей, почему не поймешь – нам нужны дружелюбные соседи?

Истратив доводы, вождь замолчал. Он думал, что отец не слушает его, поднялся, чтобы уйти.

- Посиди, - попросил отец.

Гирр сел.

- Прости старика... Намерения твои мудры, но в дружбу с северным соседом не верю. А путь прост и недалек. Несколько дней вверх по Синей реке. С правого берега выйдет мелководная

чистая речка. По ней два дня пути. Поселение на берегу. – Кри говорил отрывисто и нехотя.

- До того, как отвердеет вода, можно вернуться?

- Конечно, - Кри понял – решение вождя твердо, повернулся к нему. - Пусть и в этом тебе помогут боги и духи!

Четыре лодки, груженные шкурами, сушеной рыбой и вяленным мясом, отошли от берега, обогнули остров, где недавно разыгралась трагедия, и исчезли из виду. Девять мужчин лесного племени во главе с вождем пошли с дружбой и помощью к побежденному врагу. Шли левым, мелководным, часто песчаным, берегом, прямо по воде. Лодки тащили волосяными канатами, на топких участках толкали шестами. Совсем редко, обходя скалы, садились за весла.

С серого неба, висевшего над головами, моросил осенний надоедливый дождь. Едва пробиваясь сквозь хмурую завесу, как из-под слоя шкур, доносились прощальные крики журавлей. Люди шли ночью и днем, давая себе короткий отдых, когда перед рассветом густел непроглядный туман. Они наскоро разжигали костер, в горшке варили пищу, отдыхали в лодках, оставив охотника для охраны.

С каждым днем заметно холодало: и время шло к зиме, и люди шли на север, навстречу зиме. В устье Чистой речки пришли позднее, чем ожидали: тяжелая поклажа сдерживала ход. К осени речушка совсем обмелела, и лодки поочередно перетаскивали через перекаты, царапая днищем галечник и камни. Ноги ныли от студеной воды, в воздухе мелькали снежинки. Наконец землю припорошил снежок. Посланные Гирром разведчики вернулись скоро и сообщили, что поселение сначала показалось заброшенным, следов от него в стороны нет. Но из хижины вышли две женщины и разжигают костер.

Вождь лесного племени оставил двух мужчин возле лодок и двинулся к поселению. На расстоянии, равном полету стрелы от костра, Гирр остановился в окружении родичей. По запаху он определил, что женщины жарили рыбу. Вдруг одна из них увидела пришельцев, что-то закричала и бросилась в лес. Тотчас из хижин посыпались женщины и дети, разбегаясь кто куда. Выскочили несколько мужчин и стариков с оружием в руках, они встали плечом к плечу, готовые к бою.

Над поселением, распластав крылья, парил коршун. Гирр вскинул лук – посыпались перья, мертвая птица, кувыркаясь в воздухе, упала около костра. Дав время осознать, с кем имеют дело защитники северного пламени, Гирр сложил на землю оружие и смело направился к ним.

- Великий вождь лесного племени Гирр, - отчеканил он, оттаптываясь в нескольких шагах от костра.

Седобородый старик также безоружным выступил вперед:

- Вождь племени Чистой реки Чут.

Гирр приложил руку к груди, слегка склонив голову.

Чут понял, что великий вождь хочет говорить с ним, и жестом пригласил к костру. Вожди сели друг против друга. Мужчины лесного и северного племени остались стоять неподвижно, повернув головы в сторону вождей и готовые в любой миг пустить в ход оружие.

- Ваши люди пришли к нам с войной, они убиты все, - сказал сын Агу.

- Нет, - возразил Чут, - один вернулся. Он испугался честной смерти, измазал себя чужой кровью и лежал среди мертвых родичей. Его бросили в реку, как дохлого шакала. Мы убили изменника у родового костра.

Глаза старика пылали гневом. Гирр проникся к нему уважением. Чут не юлил и смело глядел на победителя.

- Выживет ли племя без охотников? - спросил Гирр и зачерпнул ладонью снег, давая понять, что подходит зима.

- Много детей умрет, но племя выживет, - старик не скрывал угрозы.

- Одно мое слово, и от твоего племени останутся только пепел и трупы, - угрозой ответил Гирр.

- Чего хочет победитель? - смирился старик. - Женщин? Выбирай. Хижины и детей пощади. За них умрем с оружием в руках.

- Победитель хочет, чтобы ваши дети не умерли, а племя выжило и окрепло, - улыбнулся сын Агу.

Старик снова разгневался:

- Я стар, но готов сразиться в поединке с победителем, который пришел смеяться над моими сединами!

Вождь лесного племени сузил глаза, но сдержал себя, отве-

тил спокойно:

- Люди вашего племени в прошлый набег сожгли наши хижины, увели женщин, убили детей и бросили их в огонь. Мы не пришли карать вас, а ты снова прислал к нам войну. Есть ли наша вина, что тела твоих родичей едят рыбы?

Старик молчал, руки его вздрагивали.

- Сколько раз наши племена разоряли друг друга, пока твоя голова побелела, а мудрость не одолела злобу? Соседи будут сильнее, если не вражда, а дружба соединит их. Мы привезли шкуры и пищу, вели своим людям выгружать лодки: мы должны спешить. Если хоть один из нас не вернется к сроку, мои родичи найдут вас всюду, - Гирр поднялся и пошагал к лодкам.

Пока люди племени Чистой реки освобождали лодки и носили поклажу, Гирр и его спутники раскинули шкуры, собрали хворост для костра, в глиняную посуду зачерпнули воду и опустили вяленое мясо. Молодая женщина услужливо принесла Гирру огонь в малом родовом очаге. Сын Агу улыбнулся и пригласил женщину сесть. Та охотно приняла приглашение. Великий вождь на ее глазах выбил огонь из камней и разжег костер. Женщина завизжала, будто ее резали на куски, и убежала, оставив принесенный огонь. В поселении поднялся невообразимый гвалт. Через некоторое время к Гирру подошел Чут с группой женщин и мужчин.

- Глупая женщина утверждает, - заговорил старик, - что великий вождь достал огонь для костра из камня.

- В лесном племени это умеют все, - ответил Гирр. Чут не поверил, но спорить не стал. Тогда сын Агу на его глазах оживил огонь.

- Вижу, ты великий вождь могучего племени, - искренне восхитился старик.

- Дружба с нами укрепит вас, - спокойно сказал Гирр.

- Племя Чистой реки приняло твою помощь и твою дружбу, когда гибель стояла у родового костра. Ни одна стрела наших людей не прилетит в твои земли, великий вождь. Клянусь живым духом своего тела! - Чут тщательно оглядел все богатство, привезенное победителями, и поверил в их добрые намерения.

Гирр вскочил.

- Дружба и помощь! - крикнул он.

- Дружба и помощь! - повторил Чут.
- Мы сегодня уходим назад... - заговорил сын Агу.
- Только завтра, - перебил Чут. - Друзей не отпустим без угощения и отдыха. Для вас освободим хижину, охотники принесли добычу.

Вождь лесного племени принял приглашение.

У родового костра гостей окружили невиданным вниманием, танцевали и пели женщины, мужчины метали копья и стреляли из лука в цель. Попросили Гирра показать свое искусство: хозяева не забыли его выстрел в коршуна. Великий вождь велел одному из родичей приложить ладонь к стволу дерева, как это сделала когда-то Лань, и вонзил четыре стрелы между пальцами охотника. Хозяева только переглянулись, а Чут покачал головой. Затем гостей потчевали изысканным блюдом – гусями, целиком запеченными в глине. Высохшая корка глины легко отделялась вместе с перьями, освобождая чистое, сочное мясо.

Однако Гирр скоро заметил, что хозяева, угощая гостей, сами ели слишком мало. Великий вождь догадался о причине. Он, пользуясь привилегиями гостя, заходил в хижины и видел, с какой жадностью грызли голодные дети вяленую рыбу, привезенную в помощь.

- Великий вождь Гирр хочет говорить, - обратился он к Чуту.

Старик поднял руку, установилась тишина.

- Вражда и войны наших племен несли голод, разорение и смерть. Защищая своих детей, женщин и жилища, мы победили ваших воинов. Лесное племя также потеряло в бою много хороших охотников, но пришло к вам с помощью и дружбой. Я оставляю вам до весны двух мужчин, они научат вас многому, чего вы не умеете, помогут на охоте и рыбной ловле, - Гирр перевел дух и понизил голос: - Но половина ваших детей умрет, остальные вырастут слабыми. Привезенной нами пищи не хватит до конца зимы. Часть ваших детей мы можем взять с собой... - великого вождя перебили голоса протеста. Чут вскинул руку, насупил седые брови, голоса смолкли... - У лесного племени хватит запасов рыбы и мяса. Когда река унесет твердую корку, плывите к нам, берите своих детей. Клянусь духами, Гирр не желает вам зла. Думайте.

Проводив северных гостей на отдых в бывшую хижину Султа, Гирр и Кри вышли на берег реки, сели рядом. Близилось утро. Наступал миг, когда все замирало в ожиданий неведомого чуда.

Не дрогнет листочек, не плеснется рыба, не шевельнется птица, замрет зверь – покой и колдовская тишина. Уже в следующий миг покой будет нарушен. Крякнет утка, шевельнется рыбина, пробежит ветерок, мир наполнится звуками пробуждения, и очарование исчезнет. В ожидании этого мига магической тишины молчали Кри и Гирр. Каждый думал об одном, а может, о разном. Вернее всего, об одном, но по-разному.

... По реке плыли отдельные льдины, что задержались в затишьях и прибрежных зарослях, когда к берегу пристали три долбленные лодки. На передней стоял Чут. Гирр встретил его поклоном:

- Вождь и лесное племя просят гостей к родовому костру.

Но Чут захотел прежде увидеть детей своего племени, увезенных осенью лесным вождем. Гирр понимал нетерпение старика, провел его по всем хижинам, показал, что дети обоих племен равны. Они бегали, дрались, смеялись, визжали вместе. На них нет следов голода и притеснений.

- Великий вождь, - прослезился Чут, - племя Чистой реки не забудет твою доброту и доброту людей твоего племени.

Об этом думал Гирр, сидя рядом с отцом. Великий вождь считал, что установление дружбы с северным соседом и спасение детей, обреченных на голодную смерть, – самое важное его деяние. Правда, молодые турицы остались без вожака, их предстоит убить, а часть уже убита. Вызвано это не только помощью соседу, больше тем, что в загонах стало меньше кормов. Нужно строить несколько новых загон, прежде чем увеличивать численность туров в неволе, прежде чем посылать отряд к сыну Барса. Поэтому дружба с племенем Чута развязывала руки великому вождю, победителю туров. Так думал Гирр.

Кри опасался за жизнь охотников, оставленных сыном в чужом племени. Но они вернулись и привезли себе женщин. Впро-

чем, иначе и быть не могло: в заложниках дети! Но и Чут показался разумным и искренне добрым. Кри мысленно ставил себя на его место. Чут посылает родичей, чтобы убивать и грабить, но терпит поражение. Победитель предлагает помощь и дружбу. Отказ равносителен гибели, гибели от голода и от руки победителя. Дружба принята. Есть ли гарантия ее прочности? Так думал Кри. Он колебался, но все же спросил сына:

- Не вернее ли было уничтожить северное племя, ослабленное поражением на острове?

- Отец, - резко повернулся к нему Гирр, - ты сможешь убить детей?

- Наших детей они убивали, - уклонился Кри.

- Допустим, что племя Чистой реки погибло. На его место придет другое, возможно, более жестокое. Нет, отец, - убежденно закончил великий вождь, - терпение и мудрость сильнее жестокости и насилия.

ГЛАВА V. НЕЖДАДАННЫЕ ГОСТИ

1

очью выпал снег, сырой и рыхлый. К рассвету земля покрылась чистой белизной, на прибрежные кусты и травы медленно опускались редкие снежинки. Фил и Зул перешли реку по первому льду, пробуя его прочность древком копья. Тропинка среди темно-бурых трав, припорошенных снегом, выделялась ровной белой полосой. Охотники легко бежали по ней в низкий край Длинного озера, глубоко вдыхая свежий прохладный воздух. Наступление зимы не тревожило их. Лесное племя заготовило сушеную и вяленую рыбу, оно имело больше, чем пальцев на двух руках, вновь сплетенных ловушек для рыб. С наступлением холодов можно замораживать ее впрок, особенно пока проруби за ночь покрывались нетолстым льдом.

Мужчины лесного племени во главе с вождем строили новые загоны, женщины и подростки от темна до темна собирали плоды и ягоды в большие кожаные мешки и глиняные посуды. Наступила самая горячая пора сбора ягод – они сохранялись на морозе всю зиму. А Фил и Зул по два раза в день проверяли ловушки и носили пойманную рыбу в поселение. По примеру южного племени Гирр выделил постоянных рыбаков, и это дало неожиданную выгоду. Зул и Фил скоро в совершенстве овладели умением загораживать заездки, в нужное время поставить ловушки именно там, где держалась рыба. Особенно удачно они использовали незамерзающий Теплый ручей, что вытекал из

Длинного озера и впадал в тихий залив Синей реки.

Вода в заливе всегда курилась легким туманцем и только в середине зимы покрывалась льдом. Осенью, когда по реке с шипением и треском катилась шуга, целые косяки рыб устремлялись по ручью в Длинное озеро, а затем постепенно возвращались в реку. Рыбаки с лета перегородили ручей щитами, сплетенными из гибких прутьев, оставив узкий проход для пропуска косяков, затем до самой весны, как из кладовки, брали рыбу ловушкой, проверяя ее по три, а то и по четыре раза в день.

И вот, заранее предвидя хороший улов, Зул и Фил ровной рысью бежали к Теплому ключу по знакомой тропинке. Прибрежная луговина под белым покрывалом просматривалась далеко во все стороны, ничто не угрожало рыбакам, но они, как обычно, держали копыа наизготовку.

Мужчины издали увидели, что ловушка для рыб вытащена на берег и разодрана пополам.

- Медведь, не знающий сна! - воскликнул Фил, замедляя бег.

Шатун, насытившись рыбой, вышел на песчаную косу выше залива и попытался перейти реку. Напротив, в береговой круче, хорошо виден черный вход в пещеру, куда, видимо, собирался косолапый на отдых после сытного завтрака, но лед не выдержал и проломился. Медведь вымахнул на косу, встряхнул шкурой, испещрив брызгами нетронутый снег, и подался береговой кромкой вниз вдоль реки, то и дело останавливаясь. Фил и Зул легко прочитали недавние события по оставленным следам. Рыбаки, не сговариваясь, втянули ноздрями воздух и понимающе переглянулись. С правого берега Синей реки отчетливо доносился запах туров. Он и манил шатуна.

Рыбаки, сбросив меховую обувь, остатками ловушки перегородили проход в заездке, чтобы не выпустить рыбу из озера, и пошли по следу медведя. Река в этом месте, полукольцом огибая загон, бешено мчалась к порогу и не замерзала даже в лютые морозы. С метровой высоты порога падала с обвальным грохотом, ворочая донные камни. Ниже порога клокотала и пенилась среди каменных глыб, постепенно успокаиваясь ниже Большого острова. Рыбаки считали, что, почуя туров, шатун не уйдет, будет искать брод или крепкий лед на тихом течении. В сердитую воду шиверы он не полезет, да и противоположный скалистый берег

слишком крут, почти неприступен и для медведя. Искать шатуна нужно ниже острова. Уйти далеко он не успел – следы совсем свежие.

Опытный Зул бежал первым. Сразу ниже устья Теплого ручья вплотную к берегу реки подступал лес, но к осени вода в реке упала, обнажив прибрежную кромку, заваленную валунами и деревьями, что принесли паводки. След тянулся между валунами, справа бесилась вода, слева от обрывистого, в полроста человека, уступа начинался густой лес. Зул отметил, что медведь шел осторожно, с остановками, ни разу не смахнув снег с валуна. Вдруг охотник резко остановился. Шагах в двадцати от него след поворачивал за каменную глыбу, и дальше его не было. Зул оглянулся, чтобы предупредить товарища. В этот момент огромный медведь махнул с уступа на Фила.

Матерый шатун догадался, что ловушку соорудили голотелые, пахнущие дымом звери, что они наверняка пойдут по его следу, а вскоре учуял и погоню. Поэтому он вернулся стороной и залег на уступе за деревом. Здесь сердитая вода глушила все звуки, и ветерок тянул от реки в его сторону. Увидев охотников, зверь решил пропустить их, напасть на заднего и придушить его прежде, чем передний придет на помощь. Но передний неожиданно остановился раньше, чем напал шатун. Медлить было нельзя...

...Фил увидел медведя в последний момент, однако успел подставить копьё и упереть его другим концом в камень. Острый наконечник глубоко вошел в тело зверя, но древко переломилось. Фил упал между валунами и выскользнул из-под туши медведя. Шатун достал его лапой и отбросил на острые камни. Зул, вложив в удар всю силу, обрушил топор на череп зверя. Медведь со слепой яростью бросился на охотника и снова напоролся на копьё. Он взревел от смертельной раны, харкая кровью. Второй удар топора и третий... Зверь медленно завалился набок, только маленькие глазки с лютой злобой пожирали охотника. Зул добил поверженного шатуна и бросился к товарищу. Но Фил уже отдал себя во власть духов. Медвежья лапа переломила ему позвоночник, падая, он ударился головой об острую грань камня.

Потеря каждого мужчины ранила Гирра. Пятый раз деревья сбросили зеленые шкуры, пятый раз на землю упал белый холодный песок с того времени, как племя начало строить два новых, очень больших загона. В первых загонах трава росла хуже и хуже. Мужчин в племени не хватало. Несколько придавило деревьями, Фила убил медведь-шатун. Прошло восемь лет и зим с той ночи, как лесное племя победило туров, загнав их в западню, однако не вырастило стадо в неволе. Сделать это можно было давно, но для молодых туриц не было загона и вожака, все бычки приходились им братьями по отцу. Взрослые турицы старели, некоторые из них не давали приплода, и их приходилось убивать. Постарел и бык-вожак. При появлении людей он не защищал самок и приплод, угрюмо уходил в сторону, опустив однорогую голову. Это вполне устраивало лесное племя. Важно, что он давал приплод. Да его и заменить можно молодым быком: из трех десятков взрослых туриц только одна будет матерью молодому вожаку. Гирр крепко запомнил предупреждение сына Барса, что нельзя пускать к самкам родственного вожака.

Великий вождь надеялся к концу зимы закончить сооружение новых загон, а весной снарядить наконец отряд в южное племя. Гирр считал самым важным пригнать от сына Барса двух туров-вожаков из домашнего стада, чтобы получать от старых и молодых туриц не дикий, а полудомашний приплод, для которого не будут нужны столь прочные загон. Тревоги и заботы вождя разделяли только Кри и Юм. Остальные родичи были довольны. Племя имело в достатке рыбу, стало больше мяса. Чего еще нужно?

В лесное племя два раза приплывал вождь племени Чистой реки, привозил в подарок связки мягких соболиных шкурок, добывать которые охотники Чута ходили далеко на север. Дети, что зимовали у Синей реки, стали девушками и юношами, но мужчин у северного племени было все еще мало.

- Через одну-две зимы мое племя окрепнет, пришлю к тебе отряд не с войной, а с помощью, - пообещал Чут.

- Женщины лесного племени дарят не только девочек, - улыбнулся Гирр. - Через несколько зим наши юноши станут

мужчинами. Моя женщина Лань подарила мне и роду кроме Кит и Груна еще трех сыновей.

- Пришлю к тебе отряд ради своей выгоды, - продолжил начатую мысль вождь племени Чистой реки. - Задумал и я делать загон для туров и место выбрал. Великий вождь, не боясь осенней стужи, сам пришел с помощью, привез пищу и шкуры, когда мое племя было обессиленным. Великий вождь взял наших детей в свои хижины и спас их от голодной смерти. Он оставил двух мужчин, которые научили нас добывать огонь, плести ловушки для рыб и делать посуду из глины. Великий вождь не откажет и теперь принять наших молодых мужчин строить вместе с ним загоны и научиться его умению...

- Всегда готов помочь мудрому вождю дружелюбного племени и его людям, - охотно согласился Гирр.

Этот разговор с Чутом припомнил сын Агу у погребальной ямы Фила. "Спасибо духам, что послали меня с миром и дружбой к Чистой реке, - подумал он. - Имели бы теперь на севере не друзей, а беспощадных мстителей". Возле Гирра остановился запыхавшийся юноша. Тяжелое предчувствие сжало сердце вождя.

- Говори! - нетерпеливо крикнул он.

- Деревом придавило Кри и...

Гирр не дослушал...

... Мужчины расступились перед вождем. Кри был еще жив, но близкая смерть выбелила его лицо вровень со снегом. Гирр опустился перед ним на колени.

- Отец, - прошептал он.

Кри открыл глаза, с усилием расклеил синие губы, из уголка рта в седую бороду вытекла струйка темно-вишневой крови.

- Сын... Старость лишила меня проворства, - он замолчал, собирая остаток сил на последние слова, - буду просить духов, чтобы помогали те...бе. - Живая душа покинула его мертвое тело.

Гирр поднялся с коленей, никого и ничего не видя. Юм торопливо рассказывал ему, как случилось несчастье. Огромное дерево с пережженными корнями канатами-растяжками уронили на меньшее дерево, рассчитывая повалить и его. Но оно выстояло, и гигант завис в воздухе. Решили под вторым деревом развести костер. Двое мужчин стали рыть вокруг него яму, а еще двое принесли по корзине черных камней. Вдруг корни треснули, и

дерево медленно повалилось, выворачивая пласт земли. Люди бросились в стороны, а юноша, не знавший женщин, запнулся и упал. Кри метнулся на помощь, а дерево будто ждало жертву, стремительно грохнулось на землю. Юношу раздавило стволom, как горноста́я тяжелой ловушкой, а Кри отшвырнуло на грудy завала.

Гирр не слушал Юма. Его терзала непоправимая вина перед погибшим отцом. Он обещал беречь отца в старости и не уберег. Кри до последней минуты наравне со всеми мужчинами строил загоны, ходил на охоту, охранял поселение и туров. Не стало у Гирра отца и мудрого советчика, который и в мир духов ушел с надеждой помогать сыну.

В погребальную яму опустили Кри на шкуре турицы. Рядом с ним положили топор, лук, стрелы, копье и пращу, а также кожаный мешочек с камнями и жгутом для добывания огня. В изголовье поставили глиняный горшок с вареным мясом, в ноги положили связанную собаку. Зарыв яму, родичи ушли в поселение. Гирр остался у насыпанного холмика, сел на истоптанную землю, перемешанную со снегом, безвольно уронив голову. Все заботы и тревоги, что одолевали его, показались ненужными рядом с потерей близкого и дорогого человека, рядом с потерей отца. Эти заботы захватили его, из-за них он забыл об отце. Хотя Гирр не всегда следовал его советам, но всегда прислушивался к ним и учитывал их. Но для чего все это? Для чего он, вождь племени и его родичи, не жалея сил строят загоны? Все они уйдут в мир духов раньше, чем туры станут домашними. Продолжат ли дети и внуки начатое дело? Не напрасны ли эти жертвы?

Бледная богиня ночного неба вышла из-за леса в окружении многочисленных звезд — ее духов. Под их холодным взглядом притихли деревья, звери и птицы, затвердела мокрая земля и вода в лужицах. Гирр сидел неподвижно, как могильный камень.

- Прости, отец, - прошептал он, - ты сам переложил на меня ношу вождя. Я должен заботиться о племени.

Мысли Гирра вернулись к нуждам родного племени. В один день потеряло оно троих охотников и строителей. Стало ясно, что загоны будут готовы только летом, когда посылать отряд в южное племя станет поздно. Поход к сыну Барса отодвигался еще на лето и зиму. Стоит ли спешить? Не лучше ли сначала перестро-

ить хижины? Великий вождь давно собирался в каждом жилище выложить очаг из камней и глины, а дымоходы пропустить под лежанками, но не хватало мужчин и времени на строительство загонов. В прошлую зиму Гирр видел, как куталась в шкуры, не могла согреться постаревшая Агу.

Вождь решил завтра же прервать строительство загонов и, пока не наступили морозы, сложить в жилищах печи. В первую очередь в хижине матери. Гирр вспомнил про Зула. Это мудрый и опытный старик, лучше других умеющий делать глиняные посуды и наконечники к стрелам и копьям, а сегодня утром мог погибнуть от когтей и зубов медведя-шатуна. Так-то великий вождь бережет мудрых стариков племени! "Зул больше не пойдет на охоту и ловлю рыбы", - решил Гирр.

Сын Агу поднял голову. Против него, прислонясь к дереву, неподвижно стояла Лань.

3

Солнце растопило снега. Синяя река сломала и прогнала лед. Хлопанье крыльев и крики птиц висели над Кабанным болотом и Длинным озером днем и ночью. Лесное племя развело родовой костер в честь солнца и тепла. По примеру южного племени на огромном вертеле с вечера жарили целую тушу турицы. Сгорбленная мать матерей сидела на плоском камне, опустив слабеющие глаза. Перед восходом солнца мужчины, женщины, подростки и дети расселись вокруг родового костра. Гирр сел рядом с матерью на плоский камень и велел разрезать на куски изжаренную тушу. Трое мужчин выполнили веление вождя и жирный кусок грудины передали Агу. Мать матерей встала на колени лицом к восходу, держа мясо в дрожащих руках.

- Бог неба, богов и духов, - заговорила она, - лесное племя благодарит тебя, давшего нам великого вождя, победителя туров, смилившего северного врага. Хвала тебе, бог богов!

- Хвала богу богов! - подхватили родичи.

Солнце показалось из-за горы, озарив голубой небосклон. Его лучи стрелами брызнули на зеленеющие луга и леса.

- Бог неба, твой сын, бог леса, взял живой дух мудрого Кри себе. Скажи своему сыну, что Кри был мудрым вождем и лучшим

охотником племени, что он станет хорошим помощником богу леса.

Родичи молчали, стоя на коленях и сложив руки на груди. Дети, спрятавшись за спины матерей, со страхом глядели на восходящее светило.

- Бог неба, - продолжала Агу, - иди к нам в гости, ешь мясо, погляди на танцующих женщин и мужчин, выбери себе лучшую женщину...

Мать матерей вдруг замолчала и поспешно села на свой камень. В годы ее юности лесное племя лучшую женщину приносило в жертву богу неба, на восходе солнца ее сжигали на костре. А однажды сама Агу чуть не стала такой жертвой...

Как обычно, были танцы и состязания охотников. Лучшим охотником стал Юм. Гирр в танцах и состязаниях участия не принимал. Двое мужчин выбрали себе женщин, и вождь скрепил их союз под одобрение рода. Люди ели рыбу и мясо вволю, запивали отваром и снова ели. Однако раньше всех великий вождь отдал жирный кусок мяса лучшему охотнику Юму. Сам вождь мало ел, его густые брови сошлись у переносья, в глазах застыла печаль. Вдруг он властно вскинул руку. Родичи притихли.

- Люди лесного племени, - негромко заговорил великий вождь, - много лет и зим приносил добычу к родовому костру достойный Зул. В начале зимы его топор и копье победили хозяина леса, не знающего сна. Зул лучше других знает тропы зверей, птиц и рыб, лучше других умеет делать острые наконечники, топоры и посудины из глины, он скорее других научился складывать из камня теплые печи в хижинах. Мудрость покрыла белизной его бороду и голову. Хвала мудрому Зулу!

- Хвала Зулу! - дружно ответили родичи.

- Зул больше не будет ходить на добычу, - продолжал также тихо, но твердо вождь, - но будет получать равную долю у родового костра, как старейшие матери рода.

- Будет так! - одобрили родичи.

Пир лесного племени подходил к концу, когда прибежал охотник и известил великого вождя, что с севера по Синей реке плывут четыре лодки, в каждой по четверо мужчин. Родичи знали, что лодки не могут миновать их поселения – внизу бешеная вода порога, и через несколько секунд в полном вооружении

ждали распоряжений вождя. "Посланцы Чута или враги?" - подумал Гирр.

- Юм и пять мужчин, - вождь указал на них пальцами, - останетесь охранять поселение, посевы и туров.

- Будет так! - воскликнул Юм.

Гирр давно приметил, что Юм не только хорошо владел оружием, но отличался смекалкой и наблюдательностью, и спокойно доверил ему охрану богатств рода. Мужчины лесного племени во главе с великим вождем побежали вверх по Синей реке к Малому острову, чтобы встретить пришельцев до высадки на берег и, если это враги, засыпать стрелами и камнями из пращей на воде.

Лодки пристали к Малому острову, где лесное племя одержало победу над северными соседями. Люди высадились на берег и развели костер. Гирр почти не сомневался, что это посланцы из племени Чистой реки: враги не поступали бы так открыто вблизи чужого поселения. Но и сомнения одолевали великого вождя. Среди пришельцев не было Чута. Кроме того, они просто могли не знать, что рядом поселение лесного племени.

Между тем от острова отделилась одна лодка и направилась вниз, в ней трое мужчин. "Разведчики, - решил Гирр. - Их встретит Юм". На носу лодки поднялся во весь рост молодой мужчина и сложил руки на груди. Сомнения развеялись — это посланцы Чута. Великий вождь оставил своих людей наблюдать за пришельцами и с двумя охотниками поспешил в поселение. Пospел он вовремя. Лодка ткнулась днищем в отмель, и молодой рослый мужчина без оружия легко выпрыгнул на берег. Он, видимо, узнал вождя и подошел сразу к нему.

- Мар, вождь племени Чистой реки, - представился он.

- Гирр, великий вождь лесного племени, - сын Агу колебался, но спросил: - Чут болен? В него вселились злые духи?

- Чута убил лось на охоте. Мар — сын Чута.

Великий вождь пригласил гостя к родовому костру и велел Юму позвать оставшихся в лодке. Гости аппетитно ели рыбу и мясо, а сын Агу приглядывался к молодому вождю, не начиная разговора.

Серые открытые глаза Мара понравились Гирру, но крупный, выступающий вперед подбородок придавал лицу молодого

вождя выражение властное, даже жестокое. "С чем прибыл вождь северного племени?" - ломал голову великий вождь. Когда гости насытились, Гирр спросил:

- Какие заботы привели вождя племени Чистой реки к нашему костру?

- Мар знает о давней вражде наших племен, - гость говорил спокойно и прямо, как его отец. - Мар знает о мудрости великого вождя, предложившего мир и дружбу, когда мог уничтожить мое племя. Знает и о его добром сердце. Мои брат и сестра зимовали в хижине лесного племени. Отец отдал их в твою власть, чтобы и другие спасли своих детей от гибели. Об этом знают наши дети, будут знать и их дети. Отец завещал мне беречь дружбу с тобой. Я выполню его завет.

- Молодой вождь наделен силой вожака-тура, а мудростью достоин своего великого отца, - отозвался Гирр.

Мар склонил голову и сложил руки на груди в знак признательности за похвалу.

- Я привел столько молодых и сильных мужчин, не знающих женщин, сколько пальцев на трех руках, чтобы помочь тебе и научиться самим строить загоны.

- Лесное племя и его вождь не забудут твоей помощи! - воскликнул Гирр.

Мар довольно улыбнулся, и сразу с его лица исчезло выражение жестокости.

- Великий вождь, - вновь заговорил он. - Издавна мужчины оружием отбивали себе женщин у других племен. Пусть мои мужчины выберут себе женщин из твоего рода, а твои мужчины берут женщин из племени Чистой реки. Оттого наши племена объединятся родством, а дети станут здоровее.

Мудрость Мара поразила великого вождя. Он оберегал туров от родственных сближений по совету сына Барса, но в его племени и теперь большинство детей не знали отцов! Мар подумал, что Гирр не согласен с предложением, потому и медлит с ответом. Пояснил:

- Родственные браки дают слабое потомство, а на севере нужны выносливые люди.

- Будет так, как ты сказал, - Гирр обнял гостя за плечи.

В ясное летнее утро все лесное племя высыпало на берег Синей реки, провожая Мара и его людей на север к родовому очагу.

Перед тем всю ночь был великий пир, танцы женщин и состязания охотников. Юм не посрамил родичей, вышел победителем. У родового костра лесного племени Гирр скрепил союз северных гостей с женщинами своего рода. Каждую пару он обводил вокруг костра и объявлял их мужчиной и женщиной, принадлежащими друг другу. Теперь женщины добровольно уплывали с северными гостями.

Великий вождь был весел и оттого, что лесное и северное племена скрепили дружбу родством, и оттого, что наконец закончены загоны. Сияли глаза и у вождя племени Чистой реки Мара. Его люди научились строить загоны, используя огонь, складывать в хижинах печи, дающие много тепла, что особенно важно для северного племени. Великий вождь показал гостям приемы укрощения быка-тура, измотав его так, что бык бежал от Гирра на дрожащих ногах. Не только гости, но и охотники лесного племени с тревогой и восторгом глядели, как их вождь заставил быка бешено метаться взад и вперед по луговине, сам оставаясь невредимым. Один из мужчин племени Чистой реки захотел немедленно повторить урок великого вождя. Ему выпустили из загона другого тура. Молодой охотник справился с задачей, чем порадовал Мара.

При расставании не было длинных речей и заверений в дружбе. Вожди молча обнялись, и Мар прыгнул в лодку. Пока лодка не скрылась за малым островом, молодой вождь стоял во весь рост, обратившись в сторону поселения лесного племени, склонив голову.

Об одном сожалел Гирр: не успеть до осени к сыну Барса и назад. Но молодых туриц в этом году лесное племя не будет убивать, перегонит в один из новых загонов. Это будет первый приплод, выращенный в неволе и оставленный для получения потомства. Радостью наполнилось сердце великого вождя. Проводив северных гостей, Гирр вошел в хижину матери. Она сама велела его позвать.

Агу на этот раз не выходила к родовому костру. Кутаясь в шкуры, она сидела возле печи и задумчиво глядела в огонь. Мать матерей не могло согреть и летнее солнце. Она кивком головы велела сыну сесть рядом.

- Духи зовут меня к себе, - сказала она. - Когда богиня ночи гуляла по небу, прилетал ко мне дух Кри и звал с собой.

Агу надолго замолчала. Молчал и Гирр. Он думал о смерти. Люди рождались, росли, мужали, старились и умирали. Отчего это? Человека не давит дерево, не рвет зверь, а он теряет силы, и живая душа покидает мертвое тело.

- В молодые годы я подарила роду восемь детей, - раздумчиво говорила старуха, глядя в огонь. - Все они ушли во власть духов, остался ты один. Старая Агу гордится тобой, гордится великим вождем, какого не знало лесное племя. Агу спокойно уйдет в мир духов.

Гирр подавленно молчал.

- Агу не только дарила детей, она берегла родовой очаг, не давала умереть огню, берегла обычаи рода и много сил отдала, чтобы племя жило и крепло. Пока ты будешь вождем, мой дух будет спокоен и в мире теней. Но придет и к тебе старость... - Мать матерей замолчала и прикрыла глаза. Затем выпрямилась, повернула к сыну строгое лицо, в глазах мелькнула прежняя зоркость. Она продолжила, как заклинание: - Чтобы дела твои не умерли с тобой вместе, готовь вождя для племени, по мудрости равного себе... - Она снова сникла и закончила тихо: - Юм не мой сын, но сын Кри... Я все сказала. Теперь иди, дух Агу просит покоя.

Гирр ткнулся лицом в плечо матери, поднялся и вышел, не сказав ни слова.

Старейшие матери рода видели, что ночью Агу вышла из хижины, а куда и зачем, не знали. Мать матерей исчезла. Поиски не дали никаких результатов. Лишь на второй день старый Зул отозвал вождя в сторону и тихо сказал:

- Живой дух оставил мертвое тело Агу в березовой пещере.

Люди лесного племени не пользовались пещерой. Когда-то давно в ней будто бы жили их предки, спасаясь от зверей и непогоды. Позднее с берега рухнула в реку скала, образовав шиверу и порог. От незамерзающей воды всю зиму стал подниматься хо-

лодный туман, покрывая стены в пещере инеем. Люди покинули ее. Она оказалась непригодной и для хранения запасов пищи, да и особенных запасов у людей не было. Так ли было на самом деле, знают только боги и духи. На памяти живущих в племени людей и на памяти их умерших родителей пещера считалась обиталищем злых духов, ее избегали посещать.

Гирр вслед за Зулом спустился на площадку перед входом в пещеру по довольно крутой тропинке в расщелине скалы. Здесь, к удивлению великого вождя, под козырьком нависших капель лежала куча хвороста и смолья. Зул достал из углубления малую корзину, изнутри промазанную глиной. В корзине тлели горячие угли, это еще больше удивило Гирра. Старик быстро распалил смолье, вооружился факелом, второй вручил вождю и смело шагнул внутрь пещеры. Агу лежала вверх лицом недалеко от входа, ее руки сложены на груди вниз ладонями. Будто мать матерей точно знала минуту своей кончины и приготовилась уйти в мир теней. Почему Агу захотела умереть в этой забытой людьми пещере, знал только Зул. Он неторопливо и теперь уже бесстрашно изложил давно минувшие события.

Зул был ровесником Агу. Став умелым охотником, он предлагал ей богатые ожерелья, но Агу отвергала их и ласкала других мужчин племени. Сердце Зула не хотело никого из женщин, охотник искал ласки только Агу и всюду преследовал ее, а она, стройная и гибкая, смеялась ему в лицо и еще сильнее тревожила сердце. Зул поздно узнал женщин, но и тогда Агу казалась ему богиней ночного неба среди тусклых звезд. В этой пещере Агу ласкала непобедимого в состязаниях охотника Кри и подарила роду Гирра, великого вождя лесного племени. Потому захотела здесь отдать себя во власть духов.

- Ты знал, что мать матерей ушла умирать в пещеру? - спросил Гирр.

- Нет. Я нашел ее случайно.

- Кто принес к пещере дрова и горящие угли?

- Я, - неохотно признался старик.

- Для чего? - пожал плечами Гирр.

Зул замялся, опустил глаза:

- Я все скажу великому вождю после погребения Агу.

- Хорошо, - согласился Гирр.

Старейшую мать матерей схоронили с почестями. Кроме пищи, теплой одежды и соболиных шкур, в погребальную яму поставили большой родовой очаг, что оберегала она много лет и днем, и в бессонные ночи. Зул положил к ногам Агу вылепленные из глины и обожженные в огне фигурки зверей и птиц.

Смерть матери Гирр перенес легче, чем гибель отца, но ее последние слова несколько дней занимали мысли великого вождя. Перед смертью мать матерей не жаловалась на слабость и недуги. Мудрая Агу думала только о судьбе племени, о судьбе ее рода. И умирающего Кри беспокоила та же забота. "Буду просить духов, чтобы помогали тебе", - вспомнил Гирр слова отца.

Через какое-то время великий вождь напомнил Зулу о его обещании, и старик снова повел его в пещеру.

- Когда Агу совсем отвергла меня, захотелось мне сделать что-то такое, чего не умели другие мужчины племени. - Зул поднял над головой факел, осветив стену пещеры. - Много лет и зим я тайно выбивал эту картину.

Вождь тоже поднял факел. Сначала он увидел, что гладкая плоскость стены, наклонно уходящая к потолку, снизу доверху испещрена линиями. Затем узнал он знакомый изгиб Синей реки, Круглое озеро, ручьи, впадающие в реку против малого и большого островов, полукольцом стоящие хижины поселения и... загоны! А в них – туры. У великого вождя перехватило дыхание. Сколько труда и умения вложил в эту картину Зул!

- Хвала Зулу! Хвала великому мастеру! - воскликнул пораженный вождь.

Похвала Гирра смутила старика, но и ободрила.

- Загоны и туры я выбил позднее, - сказал он. - Работа меня так увлекла, что я сон потерял, долбил и долбил камень. Теперь погляди на эту стену.

Здесь художник изобразил сцены из жизни лесного племени: Агу, протягивающая мясо навстречу солнцу, охота на кабана, состязания охотников, танцы женщин, добывание огня из камней. Гирру не верилось, что такое могли сотворить руки человека. Это под силу только богам. Он ткнулся лицом в плечо Зула. Глаза старика повлажнели.

- Кто видел твои картины? - спросил великий вождь, направляясь к выходу.

- Никто.

- Надо показать всем. Жаль, уехали северные гости. Их обязательно нужно бы привести сюда.

Люди лесного племени побывали в пещере все без исключения. Они то стояли в задумчивости и разглядывали рисунки, то бурно восторгались, узнавая себя и родичей на картинках:

- Это Агу!

- Это Манг! Он ударил кабана копьем, а копье переломилось.

- А это Гирр бьет кабана топором.

Больше всего поражало родичей, что Агу зарыли в погребальную яму, Манга съели людоеды, а Зул выбил их на камне, и они навсегда останутся, как живые. Люди лесного племени глядели на Зула, будто на бога, а великий вождь велел развести родовой костер и устроить пир в честь великого мастера, какого нет ни в южном, ни в северном племенах. И тут примчался Юм с новым радостным известием.

- Гости из южного племени! - кричал он. - Посланцы из племени Барса!

Гирр встрепенулся и замер.

- Говори, - приказал он Юму.

- Великий вождь, - начал Юм, успокаиваясь, - мы были на охоте у Круглого озера и заметили двух незнакомых мужчин. Они огляделись и подали сигнал. Из леса вышли еще люди, которые вывели туров на веревках, как домашних собак, и напоили в озере. Значит, люди вели домашних туров, о каких рассказывал великий вождь. Я подобрался поближе и громко крикнул: «Гирр сын Агу! Лань дочь Барса!» «Лат сын Гирра!» последовал ответ.

Я открыто вышел к людям из южного племени. Они ведут в дар от сына Барса трех быков и четырех молодых туриц из домашнего стада. Охотников в отряде десять во главе с Ниром. Наши люди показывают им дорогу к поселению, а я прибежал известить великого вождя.

- Лат тоже пришел? - спросил Гирр.

- Да, великий вождь.

Заслыша крик Юма, Лань выскочила из хижины и жадно слушала его слова. Гирр увидел ее, сказал, улыбаясь:

- Будем встречать нежданных дорогих гостей.

ГЛАВА VI. ТЕМНОКОЖИЕ

1

ека взломала лед, с шумом, звоном, треском и уханьем унесла его, оставив на отмелях и косах прозрачно-синие нагромождения. Умер холодный белый песок и скатился мутной водой в озера, реки, овраги, обнажив землю для всходов и цветения. Не осталось примет студенной зимы. На голубом небе сияло солнце – бог богов и духов, отогревало землю, ласкало людей. На деревьях появилась нежная летняя шкура из клейких листочков, посевы лесного племени ошетинились всходами. Разноголосица птиц звонко возвещала о своем возвращении из дальних краев в родные уголья – на Кабанье болото, Длинное и Круглое озера, на берега Синей реки.

Только морозную белизну, что обильно обнесла голову и бороду великого вождя Гирра, не могло растопить весеннее солнце. И в черные волосы Лани в минувшую зиму горностаи натерял волосинки снежной белизны.

Много раз деревья сбрасывали зеленые шкуры и надевали снова с той поры, как приходили в лесное племя посланцы от сына Барса и привели домашних туров и туриц. С того лета, однако, столько раз падал на землю белый песок и твердела вода в Синей реке, сколько пальцев на руках и ногах Гирра. Великий вождь все собирался навестить южное племя и склонить голову перед его вождем, сыном Барса, за науку и помощь, но так и не собрался. Много сил и времени отнимали заботы о турах, а результаты не радовали.

Великий вождь надеялся получить от быков, что подарил лесному племени сын Барса, почти домашний приплод. Надежды не оправдались. Слишком прочно коренился в турицах звериный нрав диких предков. Лесное племя вырастило несколько поколений туров, а изменения в поведении животных почти незаметны, они не подпускали к себе людей. Отсюда главная беда – туров нельзя пасти. Мужчины лесного племени строили и строили новые загоны, как только в прежних трава выедалась или вытаптывалась. Сын Агу понял, что строить загоны придется внукам и правнукам, а потому его все чаще стали тревожить последние слова матери. Она предупреждала сына, чтобы он заранее подготовил вождя себе на смену, который бы продолжил начатое им дело.

Сын великого вождя Грун пока еще молод, но вышел в отца ростом и крепостью. Гирр терпеливо передавал сыну секреты и навыки охотника и следопыта, а также приемы владения оружием. Грун уступал отцу в стрельбе из лука и в метании копья, был почти равен в ближнем бою, отлично владея топором, палицей, ножом, и превосходил отца в выносливости. Гирр признавал, что скоро старость настигнет его на тропе жизни, а потом и он уйдет в мир теней вслед за Агу и Кри. Кто будет вождем лесного племени? Юм? Но Юм, по мнению Гирра, переменялся к худшему.

Казалось, чего тревожиться Гирру? Он – вождь сильного племени, которое под его началом окрепло и во многом преуспело.

У лесного племени теплые хижины с печами из камня, много ловушек и сетей для рыбы, есть вскопанная земля и посевы семян, из которых пекут лепешки, достаточно хорошего оружия и посуды из глины, есть большое стадо туров и много загонов. В первом загоне вновь выросла трава, и теперь несколько лет можно не строить новых загонов, а поочередно перегонять туров в старые, подновив изгороди и лесные завалы. Несомненно, что потомки долго будут помнить великого вождя после того, как он отдаст себя во власть духов. Чего же опасался Гирр?

Он боялся, что его потомки не поймут важности непрерывного разведения туров в неволе. Боялся, что в какой-то год все стадо будет уничтожено с намерением загнать снова диких животных. Тогда дело всей его жизни, многолетний труд и лишения

родичей пропадут даром. Гирр своими глазами видел, из своих рук кормил совсем ручных свиней и туров в южном племени, и все равно временами в его сердце закрадывалось сомнение: не напрасны ли эти муки? Станут ли когда-нибудь домашними эти злобные, свирепые звери? Люди лесного племени знали о домашних стадах только из рассказов Гирра, они не видели стад, которым не нужны прочные загоны и которые может пасти один человек. Чего же удивительного в том, что однажды в голодную зиму они перебьют и съедят... "Нет! Нет! - обрывал себя Гирр. - Пока хватит сил, власть не уступлю! Это не мне, это нужно племени".

2

Еще будучи юношей, не знавшим женщин, Юм восхищался ловкостью и силой, а позднее и мудростью великого вождя, боготворил его и старался во всем подражать ему. Поэтому много упражнялся в стрельбе из лука, в метании копья, в изготовлении орудия и ловушек для рыб. Прошли годы, и Юм стал лучшим охотником. Правда, к тому времени Манг погиб, Кри состарился, Гирр, став вождем, в состязаниях не участвовал, многие сильные охотники были убиты в битве с северным племенем и раздавлены деревьями при сооружении загонов, а юноши еще не возмужали, чтобы соперничать с Юмом. Юм первым из мужчин лесного племени, подражая Гирру, выбрал себе женщину, которая принадлежала только ему, и сын Агу скрепил его союз с Миллой – лучшей танцовщицей рода. Великий вождь отметил ловкость и смекалку Юма, доверял ему самые важные поручения. После того как Агу сказала Гирру, что он и Юм братья, великий вождь оставлял его вместо себя, когда отлучался из племени. Юм гордился доверием вождя и, не жалея сил, выполнял его волю.

Наконец Гирр решил открыть Юму тайну и сказал ему, что Кри, отдавший себя во власть духов, их отец. Сказал, что узнал об этом от старейшей матери рода мудрой Агу, которой нельзя не верить. Родство с великим вождем, равного которому он не знал, взволновало Юма. Кри был непобедимым охотником и мудрым вождем, и брат Гирр – лучший охотник и великий вождь. Как не гордиться таким родством? Юм ткнулся лицом в плечо Гирра.

Несколько дней брат великого вождя будто летал на крыльях, не чуя под собой земли. Он подумал, что со временем сам будет вождем лесного племени, таким же мудрым, как Кри и Гирр. Юму очень хотелось, чтобы об этом узнали все родичи, но рассказал он только своей женщине Милле.

Однако и после того как Юм узнал тайну своего великого родства, пролетели годы. Лицо Юма обросло бородой, в ней появились белые паутины, а племенем правил Гирр. Милла, женщина Юма, подарила роду сына и дочь, которые стали юношей и девушкой. Милла долго молчала, но теперь все чаще спрашивала своего мужчину, усмехаясь:

- Когда тебе подарят власть вождя?

Юм молчал.

- Скоро старость согнет тебя, как это дерево, - зло шептала Милла.

Ноздри Юма расширялись, он тяжело дышал, но упорно отмалчивался.

- Старейшие матери рода говорили, - продолжала Милла, - что в давние времена власть вождя лесного племени завоевывали в поединке...

Юм вскакивал, ждал, что еще скажет эта несносная женщина. Женщина умолкала. И все же однажды она не сдержалась и бросила в лицо своему мужчине:

- Неужели ты боишься старика Гирра, трусливый шакал?

Юм схватил ее за волосы, швырнул под ноги и ушел на берег Синей реки, подальше от людей. Он долго сидел в уединении и думал, что, конечно, вождем племени давно должен быть младший брат Гирра, что Гирр состарился и не сможет победить Юма в состязаниях охотников. Юм много раз побеждал родичей и один раз мужчин из племени Чистой реки. "Моя женщина права, - заключил он. - Гирр не устоит против меня в поединке и должен уступить место вождя. Сын Агу только однажды и очень давно выиграл состязание охотников. Было это в первый год его возвращения из южного племени..."

Тяжелые заботы терзали сердце Гирра, лютая зависть грызла сердце Юма.

А ранняя дружная весна на глазах творила чудеса. Луга окутала зеленая дымка, зеленой шкурой подернулись леса, светлела

вода в Синей реке, добрел ее нрав, и шумела она теперь только в пороге. Птицы садились на гнезда, на Кабаньем болоте до одури орала лягушка. Мужчины лесного племени подолгу задерживали жадные взгляды на женщинах, те, перехватив такой взгляд, лукаво дразнили их глазами и позой или скромно опускали ресницы. Племя, как обычно, готовилось к большому празднику в честь Солнца, его богов и духов, готовилось к танцам и состязаниям. Грун с замиранием сердца ждал праздника, он впервые будет участвовать в танцах мужчин, в состязаниях охотников, и великий вождь скрепит его союз с женщиной.

Для праздника Гирр велел убить годовалого тура и с отрядом охотников собрался на Кабанье болото за добычей.

- Юм! - позвал великий вождь.

Охотник вышел из толпы, остановился в нескольких шагах от Гирра, но не склонил головы перед вождем. Его вид говорил о дерзости и неповиновении.

- Юм останется охранять поселение и богатства племени, - приказал Гирр.

- Я много раз охранял детей-несмышленишек и немощных старух. Я пойду на охоту, - возразил младший брат.

Впервые мужчина племени отказался выполнять волю великого вождя. Гирр поборол вспыхнувший гнев, сказал спокойно:

- Хорошо. Ты поведешь охотников на Кабанье болото. Но женщины и дети – главное богатство племени. Ты не смог это понять и больше охранять его не будешь.

Слова вождя больно ударили Юма. Не только Юму, но и родичам стало ясно, что мудрость Гирра выше мудрости Юма.

- Не сердись, великий вождь, что случайно обидел тебя, не обладая твоей мудростью, - примирительно сказал брат, хотя глаза его горели злобой.

- Не сержусь. - Гирр словно не замечал негодования Юма. - Я не должен обижаться на ошибки родичей. Великий вождь лесного племени обязан знать и видеть больше, чем охотник Юм.

И Гирр и Юм понимали, что теперь великий вождь как бы провел черту между собой и младшим братом. У Юма остался только один путь стать вождем – победить Гирра в поединке.

Сын Агу сам расставил охрану, сказал где его найти, если будет нужно, и отправился к Круглому озеру, захватив с собой

Груна и еще семерых юношей, не знавших женщин. Неповиновение Юма не удивило великого вождя, он еще раньше заметил возрастающую заносчивость младшего брата. Гирр решил приблизить к себе молодых мужчин и обучить их навыкам охотника и следопыта, чтобы можно было опереться на них самому, а может быть, и Груну, когда явится нужда. Благодарные юноши скоро привязались к великому вождю и охотно перенимали его уроки.

И на этот раз сын Агу повел юношей для обучения. Удалившись от поселения, Гирр остановился и сказал:

- Четверо из вас должны потерять свои следы. Обманув преследователей, скрыться в лесу, а на рассвете прийти на эту поляну. Остальные пусть найдут беглецов и пленят их.

Не в первый раз Гирр устраивал такие игры, которые обычно заканчивались состязаниями в стрельбе из лука и метании копья. Часто устраивались и поединки, только вместо топоров юноши вооружались палками, обернув их концы шкурой. При этом синяки и шишки за обиду не принимались. Возвращались юноши в поселение возбужденными и довольными. А великий вождь незаметно, но внимательно приглядывался к каждому. Грун легко побеждал сверстников и в поединках, и в стрельбе, что радовало Гирра. Лучше других мог найти след человека и зверя Аз.

Подождав столько времени, чтобы Аз и его товарищи успели пробежать расстояние, равное длине Длинного озера, Гирр вскрикнул чибисом, извещающая Аза, что выступает погоня. Великий вождь прислушался. Тишина.

- Пошли, - сказал он.

Вдруг раздался крик ночной птицы. Через некоторое время он повторился три раза с равными промежутками. Это сигнал тревоги охотников лесного племени. Сигнал, видимо, подал Аз.

- Приготовить оружие, - приказал вождь, - за мной!

Гирр бежал быстро, но бесшумно. Он вдруг остановился, вскрикнул чибисом. Тотчас ответил крик ночной птицы. Великий вождь двинулся шагом. Из-за куста вынырнул Аз.

- На берегу реки четверо чужих мужчин. Они низкорослы, кривоноги, темнокожи, как людоеды, что съели Манга, - сообщил Аз. - Я оставил охрану и пошел навстречу.

Запах тухлого мяса резанул по ноздрям. Сомнений не было, это людоеды. Они обычно ели мясо сырым. Трое темнокожих спали: двое в лодке, один на берегу между камней. Четвертый сидел, подвернув под себя пятки. Он время от времени вытягивал шею, прислушиваясь, и даже привставал, опираясь на копье. По всему видно, что их родичей поблизости нет. Гирр распределил цели так, чтобы каждому людоеду досталось по две стрелы. Свою он оставил про запас. Подползли близко, и стрелы свистнули разом. Только один из людоедов попытался бежать, но и его добила стрела Гирра.

- Осмотреть, нет ли каких следов. Аз и Фрут по правому берегу реки, - распорядился сын Агу. - Грун и Солл – по левому берегу.

Никаких следов темнокожие не оставили, значит, они приплыли ночью, на берег не выходили и гонцов в свое племя не послали. Это хорошо. Юноши, по указанию Гирра, привязали камни к ногам трупов и спустили их в воду на середине реки, лодку врагов спрятали в кустарниках Большого острова.

Великий вождь приказал немедленно возвращаться в поселение, а Груна и Аза послал на Кабанье болото за отрядом Юма. Он пояснил:

- Людоеды не ходят малым числом. Это была разведка. Войны не избежать, а победить темнокожих можно только истребив всех. Чем-то мы прогневили духов...

Сын Агу знал о нравах и обычаях людоедов из рассказов Кри. Они низкорослы, но упорны, бесстрашны и злобны, нападают напролом, без уловок и хитростей, побеждают большим числом в ближнем бою. Обнаружив чужое племя, не отступают от него, пока не истребят полностью. Бегают темнокожие медленно, но неутомимо. Полет их стрел и копий почти вдвое короче, чем у охотников лесного племени.

Едва наметился рассвет, когда у кострища собрались родичи. Великий вождь поднялся с плоского камня.

- Люди лесного племени, победившие туров! - заговорил он.
- В наши владения пришли людоеды. Война с ними будет трудной. - Гирр сделал паузу и сразу стал давать распоряжения:

- Аз – быстрый, как олень, и хитрый, как лиса, - возьмет с собой троих юношей, будет следить за темнокожими и сообщать

мне.

- Будет, как ты велишь! - отозвался Аз и вскоре увел разведчиков.

Затем сын Агу разделил всех охотников племени на три группы. Две из них под водительством Юма и Груна должны встретить врагов. Неожиданными налетами увлекать людоедов в погоню, уводить подальше от поселения и в ущельях, оврагах, болотах устраивать засады, истреблять издали, избегая ближнего боя. Отрываться от погони и снова заманивать в засады. Гирр особенно надеялся на Груна, хотя не сказал об этом. С ним были только юноши быстроногие и выносливые, многие из них обучены самим вождем.

- Лучший охотник Юм, - продолжал Гирр, - повторит хитрость мудрого Кри. Юм заведет темнокожих на тропу гибели среди топей и подожжет тростники с двух сторон.

- Будет так! - воскликнул польщенный Юм.

- Я с остальными охотниками останусь в поселении, - закончил сын Агу.

Впервые за много лет Юм подумал о старшем брате, как в годы прошедшей юности: "Великий вождь рассудил так мудро, как не смог бы никто другой". Но сразу же Юм усмотрел ошибку, что в разведку посланы юноши, не имеющие опыта. Младший брат Гирра порадовался, что великий вождь остается в поселении, а честь победы над людоедами и уважение родичей отдавал ему, Юму. Груна с его юнцами он не принимал всерьез.

Прошли три тревожные ночи и три томительных дня. Наконец примчался посланец Аза и растревожил все поселение. У родового костра собрались родичи.

- Говори, - приказал сын Агу.

- Великий вождь, темнокожих больше, чем мужчин лесного племени, в четыре раза. Они остановились ниже Скалистого берега у илистого залива. У них столько лодок, сколько пальцев у меня на руках и ногах. Я все сказал.

Гирр доволен. До Скалистого берега два дня быстрого хода, а юноши путь в оба конца уложили в три дня. Это оценили и родичи. Они воспряли духом: хотя опасность велика, но людоеды не нападут неожиданно. Посланец Аза сразу же отбыл в обратный путь.

- Отец, - тихо позвал Грун, - ты велел убивать молодых ту-
ров...

- Да. Нужен запас вяленого мяса, для охоты будет мало вре-
мени.

- Мне нужны их шкуры.

- Для чего? - удивился Гирр.

- Делать щиты. - Грун подал отцу черемуховый обруч, обтя-
нутый толстой кожей. - Его не пробьют стрелы темнокожих.

Гирр сразу же опробовал выдумку сына. Стрелы, пущенные
издали, а также попадавшие в щит под углом, отскакивали от су-
хой прочной кожи.

Так у лесного племени появилось первое оружие, предна-
значенное не для охоты, а для войны.

Вечером в низовья Синей реки ушла группа Юма, ночью –
группа Груна.

4

Аз разместил наблюдателей в расщелине Скалы, отвесно
поднимающейся из прибрежных кустарников. С высоты стоянка
темнокожих видна как на ладони, далеко видны и окрестные про-
сторы, вплоть до синеющих гор на горизонте. Костры людоеды
не жгли, они, видимо, не умели добывать огонь из камня. Не раз-
водили костра и разведчики. Они видели, как в утреннем тумане,
будто тени, прошли цепочкой воины лесного племени во главе с
Юмом.

Через несколько часов туман рассеялся. Солнце поднялось
над лесом. Вокруг тишина и покой... Вдруг стоянка темнокожих
зашевелилась, как растревоженный муравейник. Одни людоеды
кинулись в обход залива, другие метнулись к лодкам и, отталки-
ваясь шестами, отплыли от берега. Разведчики видели, как то
один, то другой темнокожий, взмахнув руками, падал в воду. Ви-
димо, их обстреливали охотники из отряда Юма. Аз забеспокоил-
ся – вдруг те, что пошли в обход, отрежут путь к отступлению.
Однако Юм разгадал замысел врага и вовремя отступил в лес. За
охотниками Юма ушло не менее четырех десятков темнокожих.

Весь день в лагере людоедов было спокойно. Они бродили

по берегу залива, иногда останавливались и подолгу оставались без движения, будто вслушиваясь и чего-то ожидая. Может, ждали добычи – человечины? Наступила теплая, тихая ночь. Разведчики поели вяленого мяса (охотиться Аз запретил, чтобы не выдать себя) и улеглись спать. Бодрствовал только Виль.

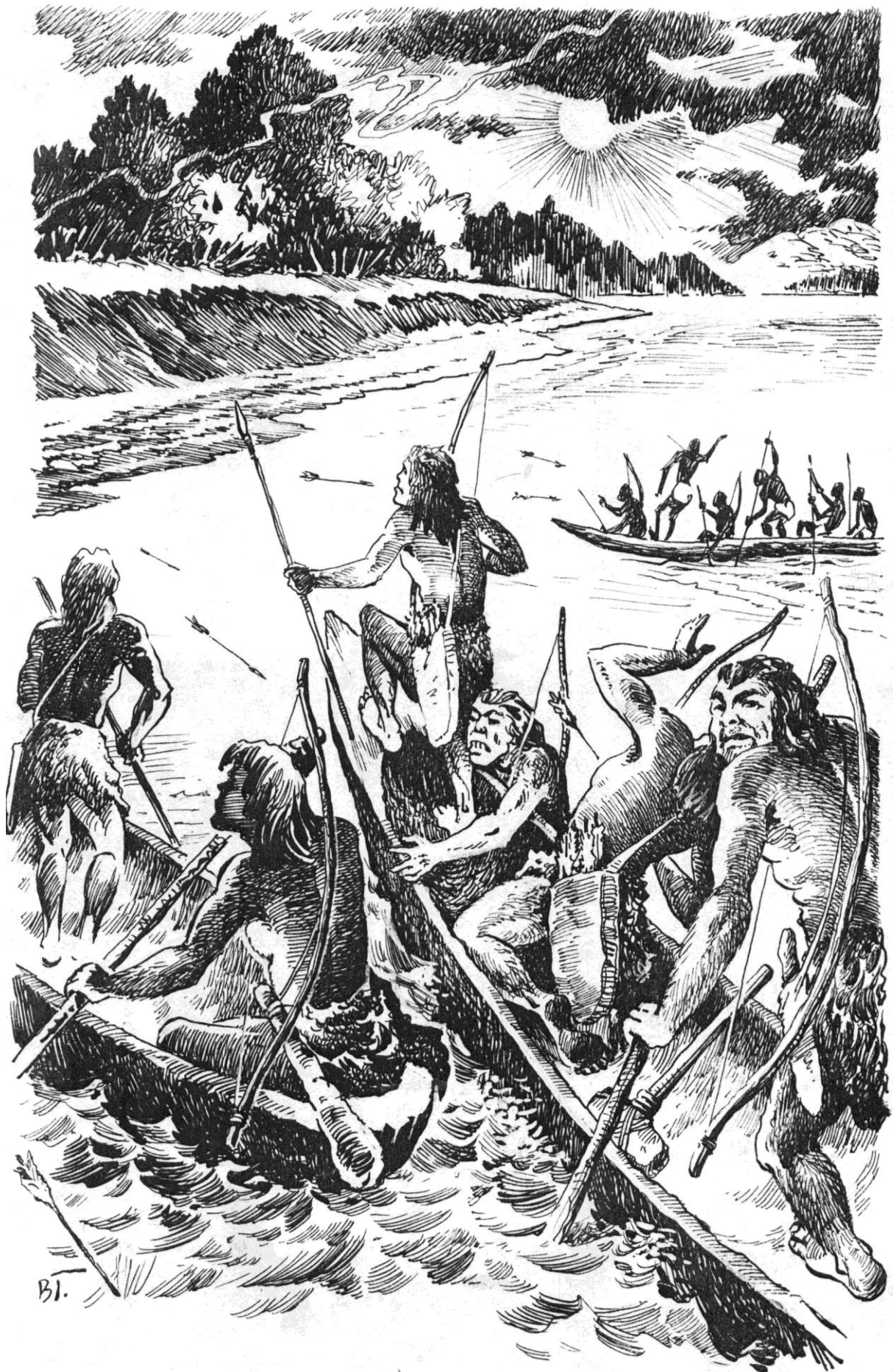
Под утро у Илистого залива снова поднялась паника, до Скалы отчетливо доносились крики, визг, рев и предсмертные стоны. Виль тронул за плечо Аза, тот мгновенно проснулся.

- Узнать, что случилось? - спросил Виль.

- Нет, - запретил Аз. Он больше спать не ложился, дожидаясь рассвета.

А ночью произошло следующее. Грун с двумя юношами переплыл Синюю реку против Черной горы и, захватив лодку, припрятанную накануне на Большом острове, двинулся вниз. Нужно было только прижиматься к береговым кустам, а лодку несло течение. С верховий темнокожие не ожидали нападения: туда ушла их разведка. Грун подобрался к спящим людоедам очень близко, его товарищи захватили еще две небольшие лодки врагов, что были на отшибе и, отплыв от табора на середину Илистого залива, пустили в караульных несколько стрел. Затем налегли на шесты, направляя быстроходные долбленки к правому берегу Синей реки, где ждала засада, посланная Груном. Такая дерзость привела людоедов в бешенство. Кроме того, добыча (врагов всего трое!) сама давалась в руки. Темнокожие попрыгали в лодки и ринулись в погоню.

Ночная богиня неба, не дающая тепла, помогала воинам лесного племени: она освещала реку, лодки и нападающих людоедов, но укрывала людей Груна тенью деревьев. Меткие стрелы охотников непрерывно рассекали воздух и разили темнокожих. Не только убитые, но и раненые враги вываливались из лодок, и их поглощала река. До берега добралось меньше половины преследователей. Едва лодки коснулись берега, темнокожие проворно выпрыгнули из них и устремились по следу. Грун, пробежав двойную длину Длинного озера, развернул охотников цепью на опушке леса.

Враги бежали беспорядочно растянутой толпой, по-звериному оскалив зубы. Начинало светать, и Грун хорошо разглядел людоедов, особенно переднего. На несколько шагов впереди остальных бежал, слегка пригнувшись к земле и нюхая воздух, темнокожий волосатый человек. Его руки свисали ниже коленей. Бежал он не очень быстро, раскачиваясь из стороны в сторону в такт перемещения коротких ног.

Грун подал знак юношам и выстрелил, его стрела коротко свистнула и глубоко вошла в волосатую грудь переднего врага. Он замедлил бег и неловко ткнулся лицом в траву. Ни одна стрела не ушла мимо цели. Однако темнокожие после короткого замешательства с удвоенной яростью бросились вперед. Пора отступать, но Грун увлекся... Вдруг темнокожие разом упали на колени и выпустили веер стрел. Юноши едва успели укрыться за деревьями и щитами. Людоеды стреляли почти не целясь, но достаточно метко.

- Щиты за спину! - крикнул Грун.

Юноши перекинули щиты, закрепленные на сыромятных ремнях, с груди на спину и поспешно отступили. Вокруг них свистели стрелы темнокожих, выбивали барабанную дробь на щитах и отскакивали. Молодые охотники Груна легко ушли от погони, но трое были ранены, один из них тяжело. "Великий вождь не похвалил бы меня", - подумал Грун. Он велел двоим юношам доставить раненых в поселение, а остальных повел навстречу людоедам по своему же следу. Нужно было упредить темнокожих, пока они не учуяли кровь раненых и не пустили за ними погоню. У Груна осталось столько воинов, сколько пальцев на трех руках, а преследователей втрое больше. На этот раз, свернув немного в сторону, сын Гирра развернул юношей за оврагом. Темнокожие будут пробегать мимо, подставив себя под удар, а чтобы добраться до людей Груна на расстояние полета стрелы, им нужно преодолеть заболоченный овраг. Уловка удалась.

Преследователей осталось всего девять человек, и все же юноши отступили. Грун не хотел больше рисковать. А людоеды, потеряв рассудок от злобы, продолжали упорно наступать. Это упрямство и погубило их. Юноши расстреляли их издали. Грун велел собрать стрелы свои и врагов. Отряд вернулся к берегу реки и на виду у людоедов развел большой костер, давая понять

врагам, что их родичи побеждены.

- Костер! - воскликнул Аз. - Это отряд Груна.

Темнокожие сразу увидели костер и белых великанов около него. Людоеды без суеты, обстоятельно расселись в лодки, выплыли из залива, построились широким полукругом и погнали к берегу, где вызывающе пылал костер.

- Одна, две... четыре... восемь, - загибал пальцы и считал Аз.
- Восемь лодок!

- Людоедов почти столько, сколько пальцев на руках и ногах у четырех человек! - изумился Виль. - Нелегко будет Груну.

- Да... теперь все ясно, - сказал Аз. - Ночью нападал тоже Грун и, истребив погоню, пришел снова. Виль, беги в поселение, все расскажи великому вождю. Еще скажи, что одна лодка ушла вниз, может, за подкреплением. Скажи, что стоянку темнокожие не бросили, ее охраняют.

5

События сложились, как и предвидел великий вождь. Юм умело обманул преследователей на болоте и уничтожил их огнем, не понеся потерь. Затем напал на охрану, оставленную людоедами в лагере у Илистого залива, и перебил ее в рукопашной схватке. Здесь, правда, погибли два охотника из лесного племени. Но основную массу врагов истребили юноши под предводительством Груна. Сын Гирра и юноши показали отвагу и умение, как умудренные опытом охотники. С первой группой людоедов они расправились быстро, но трое юношей были ранены. Грун стал осторожнее. Три дня и три ночи он водил за собой вторую группу темнокожих, придумал немало хитростей и уловок, пока юноши не побили всех врагов, не потеряв ни одного воина.

Великий вождь выслушал рассказы Юма, Груна и Аза, сидя на плоском камне у родового кострища рядом со старейшей матерью матерей мудрой Аввой. Победы Юма вызвали меньше восторга: он только повторил хитрую выдумку мудрого Кри. Зато на Груна и его товарищей родичи глядели с большим уважением.

Гирр поднялся с плоского камня, вскинул руку и крикнул:

- Хвала Юму и его воинам!

- Хвала воинам Юма! - отозвались родичи.

- Хвала Груну и юношам! - продолжал Гирр.
- Хвала Груну!
- Хвала юношам!
- Хвала! Хвала! - кричали люди племени.
- Хвала Азу и его разведчикам! - торжественно объявил великий вождь.

- Хвала Азу! Хвала разведчикам! - охотно повторяли родичи.

- Хвала могучему лесному племени! - во всю мочь прокричал Гирр.

Кажется, земля дрогнула от рева родичей:

- Хвала!..

Выполнив обычный ритуал почестей и восхвалений, Гирр, к удивлению людей племени, не назначил праздничного пира. Он снова отправил разведчиков к Скалистому берегу. Мужчинам и юношам племени велел делать щиты, готовить стрелы и наконечники к ним. Великий вождь считал, что темнокожие скоро придут снова, и в еще большем числе.

- Вождь перепугался даже сидя в хижине, - проворчал Юм так, чтобы услышала только его женщина Милла.

Но расслышала его и Лань.

... Виль, посланец Аза, прибежал ночью и взбудоражил все поселение. Родичи собрались возле родового кострища, старейшая мать развела костер.

- Говори, - приказал сын Агу.

- Великий вождь, людоеды идут темной тучей по обеим берегам Синей реки, сверх того плывут на многих лодках.

- Далеко ли они?

Виль что-то прикинул про себя и сказал:

- Завтра будут у прежней стоянки. Однако лодки в залив не поместятся.

- Возвращайся, Виль. Скажи Азу, гонцов жду каждый день.

- Гирр говорил спокойно, не поднимаясь с плоского камня. - Жог!

Вперед выступил седобородый старик.

- Жог слушает, - сказал он и склонил голову. Гирр поднялся с камня.

- Мудрый Жог, знавший юношей мудрого Кри, возьми троих воинов, беги скоро, как только можешь, в северное племя,

проси помощи у Мара.

- Сделаю, как велишь, великий вождь.

- Пусть помогут тебе боги и духи, - тихо сказал великий вождь.

Затем Гирр обвел строгим взглядом молчаливую толпу родичей и медленно заговорил:

- Люди лесного племени! Враг, пожирающий побежденных, теперь знает, что где-то здесь поселение белотелых великанов, и будет искать, и найдет его, если не преградить дорогу... Сегодня мы уйдем навстречу врагу, уйдем все: юноши, мужчины и старики. Пусть нам помогут духи умерших отцов и матерей!

- ... Помогут духи... отцов и матерей, - глухо, как заклинание, повторили родичи.

Сын Агу обратился к старейшей матери рода:

- Мудрая Авва.

Мать матерей поднялась с плоского камня, Гирр опустился перед ней на колени и тихо сказал:

- Мудрая мать матерей, мужчины племени должны уйти навстречу врагу и оставить поселение без защиты. Если ты убережешь детей и женщин, племя возродится.

Старуха молча коснулась сухими губами лба великого вождя.

- Мудрая из мудрых, послушай совет вождя и воина.

Старуха кивнула.

- Если допустят боги и духи и придется оставить поселение, чтобы темнокожие потеряли ваш след, уходите на лодках через Теплый ручей в Длинное озеро. Лодки загрузите камнями и утопите в камышах. После торите тропу в северное племя. Заранее убейте туров в пятом загоне и заготовьте вяленого мяса... В последний момент откройте все загоны и выпустите туров, чтобы они не достались врагу... Может, наши внуки их загонят снова. Я все сказал.

- Великий сын Агу, - заговорила Авва неожиданно звонким голосом, - мудрость твоя выше мудрости всех людей, что видели мои глаза за долгую жизнь. Одолей врага! Силой или хитростью, но одолей!

Гирр вскочил с колен, вскинул копье острием вверх, воскликнул:

- Клянусь тебе, Авва, клянусь духом Агу и Кри, клянусь победить или умереть!

- Клянемся победить или умереть! - вскинули копья мужчины племени.

В поселении царило тревожное оживление. Не только мужчины и юноши, но и старики, женщины и девушки проверяли крепость топоров, остроту копий и стрел, точили ножи, перетягивали луки, обжигали на огне древки и палицы, делали щиты. Племя готовилось к жестокой войне, готовилось грудью защитить свои владения и поселение. С наступлением сумерек поселение будто вымерло. Известно, что злые духи творят свои темные дела главным образом ночью. Не нужно привлекать их внимание, пусть они думают, что люди лесного племени спокойно спят в хижинах.

Ночью в полной тишине великий вождь лесного племени увел всех мужчин в сторону Круглого озера. Женщины и дети не спали, но не вышли из хижин. Только старейшая мать рода Авва стояла на коленях возле священного дерева и, склонив седую голову, шептала заклинания.

Ночь и день без отдыха воинство лесного племени двигалось ускоренным шагом в низовье Синей реки. Люди устали и хотели есть, но ни жалоб, ни протеста. В сумерки сын Агу велел сделать остановку до середины ночи, но костров не разводить. Здесь к великому вождю прибежал гонец от Аза. Темнокожие остановились снова у Илистого залива, но, кроме того, расставили вокруг малые отряды по левому и правому берегам Синей реки и во все стороны разослали разведчиков. Гирр позвал к себе Груна.

- Грун слушает, - сын предстал перед отцом.

- Сын, нужно занять Скалу, пока ее не заняли людоеды. Юношам и тебе не придется отдыхать... Надо спешить, - великий вождь не приказывал, он просил.

- Мы будем на Скале раньше, чем солнце взойдет до середины неба, - заверил Грун.

В голову великого вождя запали слова Аввы: "Силой или хитростью, но одолей!" Гирр много думал и повторял время от времени про себя: "Хитростью..." Отправляясь в поход, он велел Фруту и Соллу захватить с собой две корзины черных камней.

Когда воинство лесного племени пришло к Скалистому бе-

регу, Гирра встретил Грун. Отец и сын молча обменялись приветствиями, слегка кивнув головой. В этом месте горный кряж близко подступал к Синей реке и заканчивался отвесными обрывами. Со стороны реки скалы неприступны, а промежуток между ними и рекой был меньше, чем полет стрелы. Имелись два узких прохода, по которым можно подняться на Скалу, но их трудно найти не знающим местность. И все же великий вождь поставил возле них охрану. Сын Агу решил вести войну со Скалы и время от времени неожиданно нападать на людоедов. Отряду Груна вождь лесного племени сохранил свободу действий, как в прошлый раз, чтобы держать темнокожих в постоянном напряжении и не допустить их продвижения в сторону поселения.

Люди Гирра покинут Скалу, если враги двинутся к Круглому озеру и отряд Груна не сможет их задержать. Но едва ли они оставят за спиной белотелых великанов. Охотники лесного племени поднимались на Скалу и спускались с нее с помощью волосяных веревок.

Темнокожие давно заметили белотелых великанов в отдалении. Поведение людоедов озадачило Гирра. Пожиратели человечины обычно бросались в бой не раздумывая. Великий вождь тоже велел пока не трогать темнокожих. Гирр и его люди не знали, что людоеды обследовали все места недавних сражений, всех своих людей нашли мертвыми. Отыскивали и обгорелых товарищей на болоте. Но не нашли ни одного трупа белотелых людей, не нашли их захоронений, не нашли признаков потерянной ими крови. Темнокожие сумели разобраться, что белотелых людей было совсем мало. Пожиратели человечины не знали страха в бою, но они знали суеверный страх. Их вождь колебался, больше склонялся признать поражение и уйти. Разведчики ему сообщили, что на Скалу может залететь только птица. Как же туда залетели белотелые?

Любознательный Фрут внимательно наблюдал, как великий вождь целый день возился у костра, что-то вырезал из сырой шкуры костяным ножом, затем высушивал вырезанный лоскут на раскаленных камнях. Наконец он понял: великий вождь сделал щит, который, закрывая грудь и живот, плотно облегал тело. Этот щит Гирр привязал к перекинутым через плечи сыромятным ремням, а поверх щита набросил мягкую шкуру козы. Затем великий

вождь терпеливо объяснял сыну задуманное предприятие. Грун не поверил в успех, но заверил, что сделает все, как требует отец.

С вечера Грун, Фрут и Солл спустились со Скалы и ушли в лес, а ночью приволокли троих пленных людоедов, подняв их на веревках, и бросили к ногам великого вождя. Гирр указал на одного из пленных и приказал:

- Солл, развяжи его.

"Неужели сын Агу знает язык людоедов?" - удивился Солл. Он выдернул изо рта врага кусок старой шкуры, развязал ему ноги и руки. В тот же миг людоед выхватил нож из-за пояса Гирра и ударил великого вождя в грудь. Нож сломался, не причинив вреда белотелому вождю. Грун, стоявший рядом, скрутил ремнем руки темнокожего. Пленный что-то сказал товарищам, и с этого момента людоеды не спускали глаз с Гирра. В их взглядах таился не то страх, не то удивление.

Сын Агу на виду у пленных вынул из-под набедренной шкуры два плоских камня, выбил искру и разжег костер. Людоеды в ужасе округлили глаза, сквозь смуглую кожу на их лицах проступила бледность. Обезумев от страха перед белотелым великаном, которого не берет нож и который достает огонь из камня, пленники дрожали всем телом и жались друг к другу.

Грун недалеко от людоедов насыпал кучу черных камней и перенес в кучу горящие угли из костра, что развел Гирр. Через малое время людоеды увидели, что камни начали гореть, испуская сильный жар. Ужас настолько пронял темнокожих, что под ними образовались лужицы.

Гирр с отвращением взглянул на пленников и сказал, выразительно махнув рукой:

- Убрать со Скалы и отпустить.

Этот жест понятен людям всех племен. Пленные ждали чего-то более страшного, чем смерть, и обреченно размякли, когда им завязывали глаза и куда-то волокли. Им показалось даже, что они летели по воздуху. Опомнились пленники в лесу, совершенно свободные от веревок, наглазных повязок и кляпов. Перед ними стояли трое белотелых. Один из них, сжигающий камни, указал темнокожим, что они могут уйти, и белотелые исчезли в ночной темноте, будто их и не было. Людоеды стояли не двигаясь, затем стали ощупывать друг друга, не веря глазам, что остались

невредимы. Только богов не поражает нож в руках темнокожего, только боги могут доставать огонь из камня, сжигать камни, летать по воздуху и дарить свободу побежденным врагам. Только боги не боятся темнокожих. Они могут снова взять их в плен и убить...

Сын Агу до рассвета простоял на Скале, прислушиваясь к ночным звукам. Рядом стояли Грун, Фрут и Солл. Всем не терпелось узнать, как поведут себя людоеды. Наконец взошло солнце, но речную пойму окутывал молочный туман. На Скалу прибежал Аз.

- Великий вождь! - воскликнул он. - Затемно людоеды ушли вниз по Синей реке с большой поспешностью, но бесшумно.

Легкий ветерок между тем вымел туман из речной долины, и все увидели, что в Илистом заливе не было ни одной лодки, ни одного человека. Лагерь людоедов опустел.

- Полная победа! Темнокожие никогда не придут в наши владения! - великий вождь могучего лесного племени упал на колени, протянул руки к солнцу. - Слава тебе, бог богов! Слава!

Солл – сильный и расторопный юноша, но думающий медленно, позднее, чем Фрут, Аз и другие воины, понял, почему ушли людоеды. Но он недоуменно спросил Груна:

- Почему сломался нож, не ранив великого вождя?

- Людоеду подставили надломленный нож, - ответил Грун, - а под козьей шкурой на груди вождя был спрятан щит.

Гирр хотел показать людоедам превосходство в мудрости и силе, чтобы они отступили без боя. Но великий вождь так и не узнал, что темнокожие приняли белотелых за богов и бежали в суеверном страхе.

ГЛАВА VII. БРАТЬЯ

1

оллюски, прячущие свое нежное тело в двустворчатые костяные домики, в южном племени почитались как лакомство. Их доставали со дна озера, варили в глиняных посудилах, и сторки ракушек раскрывались. Люди лесного племени такой пищи не знали, в их владениях ракушки встречались редко. Нуг, сын Гирра и Лани, часто слушал рассказы матери о жизни людей южного племени. Она тосковала о родине, а никому, кроме маленького Нуга, признаться в этом не могла. Сын не по возрасту внимательно слушал рассказы матери, в которых Лань упоминала и о наваре, и сочном мясе моллюсков.

Став юношей, сын Гирра и Лани облазил все заливы Синей реки и Длинного озера в поисках моллюсков, а попал на них неожиданно в Круглом озере на песчаном дне, возле обрывистого берега. Набрав ракушек, Нуг принес их матери, чем очень ее порадовал. В тот же раз, ныряя за ракушками, Нуг обнаружил у самого дна широкую нору между камней. Он вынырнул, набрал побольше воздуха и, опустившись на дно, через нору проник в просторную пещеру, заполненную водой не до потолка. Юноше сделалось страшно. "Хижина водяных духов", - подумал он. Но нужно было передохнуть, прежде чем нырять обратно. Нуг притаился, выставив из воды только голову. Прислушался. Тихо. Внутрь пещеры через нору проникал слабый свет. Сын Гирра и Лани пригляделся, но ничего похожего на жилище не увидел. В пещере не было расстеленных шкур, где бы отдыхали духи, не было кострища и глиняной посуды, не было оружия и обглодан-

ных костей. Юноша вышел из воды, по уступам и площадкам обошел пещеру кругом и убедился, что в ней никто не живет. С тех пор он часто уединялся в подводном гроте, иногда и ночевал в нем. О своем открытии Нуг никому не сказал. Это стало его тайной.

Лесное племя готовилось развести, наконец, большой родовой костер в честь Солнца, его богов и духов и устроить праздник и пир в честь победы над темнокожими. На вертелы надели целые туши тура и кабана, и старейшие матери рода разводили под ними огонь. Нуг еще днем убежал на Круглое озеро, чтобы снова угостить мать моллюсками. Ракушек было мало, но упрямый юноша нырял и нырял, обшаривая каждый метр дна и складывая найденных моллюсков в своем убежище. Наступили сумерки. Юноша нырнул в пещеру, сложил ракушки в кожаный мешок и вынырнул наружу. Вдруг совсем рядом услышал он женский голос:

- Я слышала это много раз!

Голос долетел откуда-то сверху, было уже слишком темно, чтобы разглядеть, кому он принадлежал.

- Мужчина не должен бросать слова, как ветер швыряет пыль, - сказал тот же голос.

- Нашествие темнокожих отодвинуло праздник и состязания охотников. Я не мог...

- И теперь не сможешь, - женщина зло засмеялась, - ты не вождь, ты трус.

- Замолчи! - вскрикнул мужчина, и Нуг узнал в нем Юма. - Завтра я вызову Гирра на поединок, убью его и стану вождем, - спокойно закончил Юм.

- Не вызовешь, испугаешься! Он победил темнокожих!

- Разве это победа? - хохотнул Юм. - Гирр обманул их, как грудных детей. Темнокожих победил я. Я разбил их главный лагерь. Конечно, помог и Грун. Поэтому во второй раз они побоялись нападать. В чем же заслуга Гирра?

Услышанное оглушило юношу, будто на него рухнули камни обрыва и похоронили на дне озера. Он не мог понять, почему Юм и Милла так не любили его отца, что хотели убить. Нуг не стал слушать разговор дальше, он осторожнее выдры, без шороха и всплеска ушел под воду и вынырнул далеко в камышах. При-

мчался в поселение, разыскал старшего брата и рассказал ему подслушанный разговор. Грун выслушал Нуга, попросил повторить сначала и сразу пошел к отцу.

- Имею важные слова к великому вождю, - сказал он.

Гирр, зная, что Грун никогда не тревожил его зря, всех удалил из хижины и велел:

- Говори.

- Позови Нуга, пусть говорит он.

Нуга не пришлось искать, и он повторил все, что слышал у Круглого озера.

- Спасибо вам, - сказал Гирр, обнимая сыновей, - ваш отец знает, что делать. Не беспокойтесь.

Оставшись один, великий вождь прикрыл глаза и задумался. Значит, вражду Юма к Гирру разжигает Милла, а слабовольный и болезненно завистливый Юм попал под ее влияние. Сын Агу вспомнил, как очень давно, когда Грун только начал торить тропу жизни своими ногами, Милла хотела ласки Гирра. Не раз и не два она караулила его, обвивала руками, шептала жаркие слова.

- Ты принадлежишь только Юму, - строго говорил сын Агу.
- Я скрепил ваш союз, могу ли я его нарушить, глупая женщина?

Милла падала перед ним на колени, умоляла, плакала, кусала губы... И вот теперь она разжигала вражду между братьями. Слова Миллы, как капли яда, падали на открытую рану зависти Юма.

Гирр был уверен, что в поединке победит младшего брата, хотя это и нелегко. Но кто бы ни победил, для племени заметный урон. Родичам нужны опыт и мудрость Гирра, что показала война с темнокожими, но племени нужен и Юм — отважный охотник и воин. Юм наделен и смекалкой, но сейчас зависть и злая женщина туманили его рассудок. Великий вождь хотел предотвратить поединок, не показавшись трусом, но не знал как. Могла ли Агу, мудрейшая из женщин лесного племени, предположить, что открытая ею тайна родства Гирра и Юма приведет их к вражде? Не знай Юм, что он сын Кри и брат Гирра, у него вряд ли зародилась бы мысль стать вождем племени.

"Отчего Манг, - думал великий вождь, - сын мудрой Агу, оказался заносчивым и вздорным? Почему Юм, сын мудрого Кри, не обладает мудростью отца? Манг надеялся только на силу, глупо погиб сам и погубил Вага и Рума. Юм, видимо, тоже пред-

почитает силу, потому и не признает заслуг брата в победе над темнокожими. Но разве люди лесного племени силой победили туров, загнав их в ловушку-загон? Разве только силой победили северное племя? Разве силой победил людоедов сам Юм, повторив хитрость Кри? Теперь Юм хочет силой захватить власть вождя. Юму нельзя быть вождем, он может погубить все племя.

2

Перед рассветом люди лесного племени собрались у родового кострища и разместились на шкурах. Великий вождь и мать матерей уселись на плоский камень. Восточный край неба светлел на глазах, в лесах проснулись птицы, на болоте дергач приветствовал утро скрипучей песней. Гирр подал знак, и несколько мужчин принялись рубить туши на куски. Дети и женщины, юноши и охотники не спускали с мяса жадных глаз и сглатывали слюну. Одна из старейших матерей рода передала Авве жирный кусок грудины. Авва бросила кусочек в костер и, опустившись на колени, протянула руки в сторону восхода. Опустился на колени Гирр, за ним все люди лесного племени.

- Бог богов, бог неба, духов и огня! - звонким голосом начала Авва. - Бог, дающий тепло лесам и травам, дающий жизнь птицам, зверям и рыбам, дающий тепло и жизнь людям лесного племени! Мы благодарим тебя и твоих духов за победу над жестокими людоедами. Твои духи одарили мудростью великого вождя, сына мудрой Агу, и он победил пожирателей трупов.

Из-за леса показалось солнце в сиявшей короне лучей, рваные клочья тумана на Синей реке порозовели, сумерки и духи ночи кинулись прятаться в овраги, камыши и заросли кустарников. Птицы приумолкли, чтобы в следующее мгновение слаженным хором приветствовать радостное утро.

- Великий бог неба! - продолжала Авва. - Сегодня у лесного племени много еды. Иди к нам, ешь с нами сочное мясо, полюбуйся танцами наших женщин и искусством охотников...

... Как обычно, женщины танцевали усердно и долго. В этот раз танцевала и дочь великого вождя Кит. Она не посрамила Гирра и Лань. Затем были танцы мужчин и состязания охотников. Перед этим Гирр сказал короткое слово:

- Люди лесного племени! Сегодня будут состязаться и юноши, не знавшие женщин: Грун, Аз, Фрут, Солл и Виль. Они показали себя умелыми и смелыми в войне с темнокожими, будут состязаться и я, хотя сила вождя не в крепости ног, не в твердости рук, сила вождя в мудрости и крепости духа...

Грун внимательно слушал отца и решил, что он пытался поставить Юма на путь благоразумия. Грун не верил Юму. "Я вызову его на поединок раньше, чем он вызовет отца", - решил сын Гирра.

Сначала охотники метали копья, по три раза каждый. Не промахнулись ни разу Гирр, Юм и Грун. Затем стреляли из лука. Три стрелы, пущенные Гирром, глубоко вошли в ствол дерева в центре мишени. Родичи приветствовали великого вождя возгласами одобрения. Одна стрела Юма не попала в мишень, а вонзилась в край дерева. У Груна сорвалась рука, он тоже выпустил стрелу мимо мишени. Остальные охотники имели только по одному попаданию, и то не все.

- Гирр – лучший охотник племени!

- Сын Агу – лучший охотник! - кричали возбужденные родичи.

Гирр поднял руку, крики утихли.

- Вождь не должен быть лучшим охотником, - сказал он. - Пусть Юм и Грун стреляют еще по два раза, чтобы узнать, кто из них лучший охотник.

- Будет так! - согласились родичи.

Вперед выступил Юм. Он спросил:

- Великий вождь не заметил, что моя стрела попала в дерево возле мишени, а юнца Груна пролетела мимо?

- Великий вождь! - воскликнул Грун. - Юм назвал меня юнцом, разреши проломить ему пустую голову и вырвать глупый язык.

Юм побледнел, метнулся к Груну, но его перехватили родичи. Драки в племени строго наказывались лишением доли у родового костра, убийство каралось смертью. Поединки случались редко и проводились под наблюдением вождя или старейшего из отцов рода. Гирр не ожидал такого оборота событий и сначала растерялся. Он боялся рисковать жизнью Груна, так как видел в нем будущего вождя, а Юм – опасный противник. Сын Агу

вспомнил, как не допустил его поединка с Мангом мудрый Кри и решительно шагнул вперед. Он воткнул между Юмом и Руном скрещенные копья и объявил:

- Поединок запрещаю! Во время войны с людоедами Юм показал себя мудрым и смелым. Грун отличился не меньше Юма...

- Больше! - крикнули из толпы родичей.

- ...Юм не прав, называя Груна юнцом, - продолжал Гирр, - не прав и Грун, считая Юма глупым. Поединок запрещаю. Для племени нужны и Юм, и Грун.

- Будет так! - одобрили родичи решение вождя.

Сын Агу вздохнул с облегчением, считая ссору улаженной. Он улыбнулся и объявил:

- Состязания окончены! Пусть у нас будет два лучших охотника, Юм и Грун.

- Два лучших охотника! Будет так! - ликовали родичи. Их давно манил аппетитный запах жареного мяса.

Юм остался доволен решением вождя, рисковать ему не хотелось. Он хорошо видел, что Грун промахнулся случайно. Но Юм встретился взглядом с Миллой и прочитал в ее глазах такое презрение, что крикнул, не успев осмыслить слов:

- Щенка выгораживаешь! Щенка, что выкормила сука Пи! Сразу наступила тишина.

- Пусть нас рассудит оружие, - спокойно сказал Гирр. - Кто будет наблюдать за поединком?

- Позвольте мне, - вперед вышел Жог. Он уже вернулся из племени Чистой реки известить великого вождя, что помощь от Мара в пути.

- Пусть будет Жог, - согласились люди лесного племени.

С плоского камня поднялась мать матерей Авва. Она заговорила резко:

- Опомнитесь, люди лесного племени! Сын мудрой Агу – великий вождь, какого не знали наши родичи. Он принес нам огонь, ловушки для рыб, теплые печи в хижины... Он победил туров, северное племя и людоедов, он берег лесное племя, не жалея своей жизни! Неужели вы позволите Юму поднять оружие на своего вождя? - Она вскинула сухие руки к небу и закончила с угрозой: - Боги и духи покарают вас!

Будто по команде, вокруг Гирра встали юноши и приготовили оружие, чтобы защитить вождя. Среди них Грун, Аз, Фрут, Солл, Виль.

- Изгоняю Юма из племени! Пусть отвернутся от него добрые духи! - крикнула Авва.

Мать матерей лесного племени могла изгнать любого охотника, и никто не смел помогать, укрывать и даже сочувствовать изгнаннику. Изгнание считалось таким позорным наказанием, что люди племени его боялись больше, чем смерти. Родичи отпрянули от Юма, будто от прокаженного. Гирр опустился перед Аввой на колени, склонил голову и попросил:

- Мудрая мать матерей, дозвожь сказать.

- Говори, мудрейший из вождей.

- Позорное изгнание Юма ляжет позором и на меня. Я и Юм братья, сыновья мудрого Кри. Разгневанный дух Кри пошлет несчастья, - великий вождь сделал паузу, чтобы родичи и Авва хорошо поняли сказанное, и продолжил: - Юм заслужил твой гнев. Пусть он искупит вину честной кровью.

Иногда в поединках победитель прощал раненому противнику обиду, и наступало примирение, великий вождь давал Юму шанс искупить позор и остаться в племени. Авва поняла его и сказала:

- Ты великодушен, как великий из великих. Пусть будет по твоему.

Для поединка Жог отмерил расстояние шагами, и противники встали на указанные Жогом рубежи. У них по пять стрел, по копьё, каменному топору, костяному ножу и щиту. Перед поединком Гирр обнял Груна и тихо сказал:

- Если победит он, будешь драться ты.

- Не беспокойся, отец, власть вождя Юму не отдадим... Победи его, отец.

3

Братья стояли друг против друга на расстоянии, большем, чем полет стрелы, и вроде не собирались сходиться. Вдруг Гирр сделал стремительную пробежку вперед и улучшил свою позицию. Он укрылся за толстым деревом. Юм прозевал важный мо-

мент. Впереди него тоже росли деревья, но бежать к ним теперь придется под обстрелом. Юм сделал обманное движение, будто готовясь к перебежке, но остался на месте. Гирр не шелохнулся. Тогда младший брат бросился вперед зигзагами. Стрела великого вождя пробила щит и ранила Юма в плечо. Юм укрылся за деревом, выдернул стрелу из раны и отшвырнул в сторону.

- Юм хочет продолжать поединок? - громко спросил Гирр.

- У Юма пять стрел, - последовал ответ.

Деревья не полностью закрывали противников. Улучив момент, Юм пустил стрелу, но великий вождь отбил ее боковым ударом щита. Противники сэкономили стрелы: слишком велико преимущество того, кто выманит их у врага, а сам сохранит. Однако Жог, наблюдавший за поединком, не допускал, чтобы кто-то отсиделся за деревом. Жог имел право наказывать любого, лишив одной, а то и двух стрел. Гирр выпрыгнул на поляну, его примеру последовал Юм. Только теперь начался настоящий поединок – нужно было поразить противника и увернуться самому или отбить стрелу. Юм не спускал глаз со старшего брата и пружинисто раскачивался из стороны в сторону, готовый в любой миг сделать прыжок. Сын Агу стоял неподвижно и медленно поднимал лук. Только вздувшиеся мышцы ног выдавали чуткую собранность его тела. Он знал свое преимущество в стрельбе и не был настолько же уверен в победе, если дело дойдет до ближнего боя. Противник много моложе Гирра и, возможно, выносливее. Юм не выдержал напряжения, быстро вскинул лук, почти не целясь, пустил стрелу, чтобы опередить сына Агу. Великий вождь успел уклониться и снова стал медленно поднимать лук и натягивать тетиву. Он видел, что невыпущенная стрела, направленная в грудь, заставляла торопиться слабовольного Юма и допускать ошибки. Одно дело – стрелять в мишень, и совсем другое, когда сам становишься мишенью. Здесь все решает сила воли. Юм снова выстрелил, потом еще, но сын Агу каждый раз успевал сделать спасательные полшага в ту или другую сторону. Правда, одна стрела царапнула ему щеку пониже уха.

Родичи молча следили за поединком, им показалось, что исход предрешен – у Юма осталась одна стрела, у Гирра четыре.

- Юм! - не выдержав, крикнула Милла. - Покайся! Признай победу великого вождя!..

Сын Агу опустил лук, ожидая, что Юм последует призыву своей женщины, но Юм воспользовался заминкой, бросился вперед, чтобы укрыться за деревом, отрезать Гирра от леса на открытой поляне и наверняка использовать последний выстрел. Стрела Гирра с такой силой ударила его в то же плечо, что Юм дернулся назад и выронил лук. Из раны потекла кровь.

Грун еще раньше заметил, что отец щадил Юма, и получил тому подтверждение – обе стрелы попали почти в одну точку. Отец давно мог кончить брата.

- Юм хочет продолжать поединок? - снова спросил Гирр. Юм стоял молча, опираясь на копье и покачиваясь. Рана была тяжелой. Сын Агу отбросил лук, подошел к брату, чтобы помочь ему. Неожиданно Юм, собрав всю силу, ударил великого вождя копьем. Гирр едва успел подставить щит и слегка отвести его в сторону. Копье прошло сквозь сухую кожу щита и распорол бок Гирра. В тот же миг на череп Юма рухнул каменный топор вождя...

... Юм лежал на траве с открытыми глазами, выражение злобы ушло с его лица. Великий вождь склонил голову.

- Прости, брат, - сказал он. - Ты много помогал мне, но тебе нельзя было быть вождем, - Гирр надолго замолчал. - Я не виновен перед памятью мудрого Кри. Скажи отцу в мире духов, что ты сам искал со мной вражды.

Великий вождь кивнул Авве и ушел не оглядываясь. Мать матерей проведет погребение Юма по обычаям лесного племени.

Люди того времени часто подвергались смертельной опасности, часто погибали на охоте и в войнах между племенами, поэтому гибель Юма в поединке не омрачила их, лишь укрепила величие вождя и несколько отодвинула праздничный пир.

4

Лань и одна из старейших женщин промыли рану великого вождя отваром из целебных трав, смазали салом медведя, обложили листьями подорожника, сверху покрыли лоскутом тонкой кожи и обвязали сухожилиями. Хотя от пережитых волнений, довольно тяжелой раны и потери крови у Гирра слегка кружилась голова, он сам объявил начало пира.

- Люди могучего лесного племени! Боги и добрые духи помогли нам одолеть людоедов, что пришли в наши края черной тучей. Слава воинам лесного племени!

- Слава воинам племени! - дружно откликнулись родичи.

Затем великий вождь обвел вокруг кострища Груна и Рунь, черноволосую, как Лань, и скрепил их союз:

- Грун – мужчина Руни, Рунь – женщина Груна!

- Будет так! - гаркнули люди племени.

Точно так же Гирр скрепил союз Аза, Фрута и Виля с избранными девушками. Лучший следопыт и разведчик Аз избрал себе женщиной Кит – дочь Гирра и Лани. Скрепив брачные союзы, сын Агу обратился к Авве:

- Мудрейшая из матерей рода, одели мясом всех по заслугам и обычаям предков.

Скоро смолкли все разговоры, люди двигали могучими челюстями, рвали мясо крепкими зубами и глотали, почти не разжевывая. Их руки, губы и даже щеки лоснились от жира, за их спинами ждали подачек собаки. Сидя на плоском камне рядом с Аввой, Гирр съел поджаренное на углях сердце тура, о чем-то тихо переговорил со старейшей матерью матерей и направился в хижину. Лань тотчас вскочила и последовала за своим мужчиной. Авва поднялась с плоского камня, вскинула руку. Люди перестали жевать, ждали, что она скажет.

- Великий вождь лесного племени, сын мудрой Агу, должен лежать, набираться сил и одолеть рану, - чеканя слова, говорила Авва. - По воле Гирра вождем пока будет лучший охотник племени, молодой тигр Грун...

Гирр входил в хижину, слышал слова мудрой Аввы, улыбался. "Пускай привыкает, тигренок", - думал он. На душе великого вождя чисто и безоблачно, как в осеннем небе. Великий вождь Гирр – сын Агу – был спокоен за судьбу племени, за судьбу туров, он знал, что начатое им дело будет продолжено.

- Слава духам, - прошептал он.

ГЛАВА VIII. БОЛЬШОЙ ОГОНЬ

1

ето, вначале мозглое и холодное, перевалив середину, стало сухим и жарким. С утра до позднего вечера добела раскаленное солнце неторопливо плыло по голубому простору неба и давало палящий зной. Вода в Синей реке заметно убыла и сделалась теплой, будто ее нагрели в большой глиняной посудине на родовом кострище. Ручьи обмелели, и Гирр думал, как поить туров, если они высохнут совсем. А жара с каждым днем все сильнее сушила землю, к полудню накаляя ее до того, что она обжигала подошвы ног. Когда бог огня, бог богов и духов проходил половину дневного пути, он каждый раз, казалось, останавливался над поселением лесного племени и долго стоял на одном месте, выдыхая лавину раскаленного воздуха. Все живое замирало вокруг под обжигающим дыханием великого бога, не смея шелохнуться. Деревья и травы покорно склоняли головы, звери и птицы припадали к земле или стволам деревьев, мелкие зверушки забирались в норы, рыбы опускались в омуты, к истокам холодных донных ключей.

Люди лесного племени сначала радовались долгожданному теплу, а теперь прятались в тени хижин и прибрежных зарослей или ложились на отмелях в воду, пережидая особо жаркие часы. Только кузнечики азартно пилили ножками жесткие крылья и сверлили воздух скрипучей музыкой, прославляя бога богов, да змеи и ящерицы выползали на каменные плиты и валежины понежить холодное тело в жаркой истоме.

Короткое облегчение наступало только перед рассветом, когда от Синей реки, подернутой редким туманом, наносило едва уловимую прохладу. В этот предрассветный час выходили хищники на кровавый промысел, покидая логова, норы и укрытия. Время от времени на Кабаньем болоте, у Длинного озера или у излучины Синей реки, куда стремилась всякая живность утолить жажду, раздавался предсмертный стон очередной жертвы. А в заливах будто кто-то непрерывно расшвыривал горстями галечник: то рыба мелочь разлеталась серебряным градом от зубастых щук и горбатоспинных окуней. Совершенно бесшумно, как тени или духи, скользили на мягких крыльях почти невидимые в обманчивом свете луны совы и филины. Схваченные ими мелкие грызуны коротко вскрикивали, а зайцы долго, с надрывом плакали.

В это время часть мужчин лесного племени, свободных от охраны поселения и туров, уходила на охоту, а остальные под руководством великого вождя строили запруды на ручьях пониже загонов, чтобы образовался запас воды, пока ручьи не пересохли окончательно.

В одну из летних душных ночей Аз и Виль были у подножия Черной горы со стороны Круглого озера. Близился рассвет, в лицо пахло освежающей прохладой.

- Скоро упадет роса, - сказал Виль.

Аз приподнял голову и через ноздри втянул воздух.

- Дым? - тихо спросил он.

Виль несколько раз понюхал воздух, но отрицательно покачал головой. Через какое-то время Аз снова уловил запах дыма. В этот раз Виль подтвердил:

- Дым.

- Где-то большой огонь, - помедлив, высказал опасение Аз.

Большой огонь (лесной пожар) Аз и Виль никогда не видели, но слышали о нем от старейшин рода.

- Оставайся здесь. Я скоро вернусь, - сказал Аз.

- Идешь к великому вождю?... - спросил Виль. - Почему ты думаешь, что это большой огонь, а не костер?

- Дым от костра без ветра не идет далеко. Запах от костра свежий. Это дым большого огня, - уверенно закончил Аз и исчез за деревьями.

Виль не стал возражать. Он знал, насколько высоко ценил

Аза великий вождь, знал, что после ухода Груна в южное племя Аз стал помощником Гирра. И не напрасно. Аз мог прочитать запутанные следы как никто из родичей. Мог подобраться к добыче, как ящерица, он видел и слышал то, чего не видели и не слышали другие.

Аз разыскал Гирра у готовой запруды. Великий вождь наблюдал, как на глазах копилась вода. "Выход найден", - думал сын Агу, улыбаясь. Аз остановился в нескольких шагах и сказал:

- Имею слово к великому вождю.

- Говори, - разрешил Гирр, не отрывая глаз от запруды.

- Великий вождь, - отчеканил Аз, - в низовье Синей реки большой огонь.

Сын Агу резко обернулся. Большой огонь может уничтожить все, чем живет племя: загоны, туров, хижины, посевы, охотничьи угодья и людей. Может пригнать стаи хищников и даже чужие, враждебные племена.

- Говори все, - приказал встревоженный Гирр.

- Дым, - коротко пояснил Аз.

Гирр несколько раз втянул воздух. Его примеру последовали многие охотники, что были рядом. Некоторые из них подтвердили:

- Дым.

- Дым, но очень далеко.

- В такую жару большой огонь летает птицей, - сказал великий вождь.

Как и при нашествии темнокожих, он сразу отправил Аза и его товарищей в разведку. Будто стрела, пущенная сильной рукой, во главе разведчиков Аз помчался в низовье Синей реки, как он считал, навстречу большому огню.

2

Грун, Солл, Фрут и еще трое молодых охотников лесного племени возвращались в родное поселение, на берега Синей реки. Вместе с Соллом шла темноволосая и темнокожая женщина. Союз Солла с этой женщиной скрепил Сил (сын Слона), который стал вождем южного племени после того, как сын Барса потерял руку в схватке с пустынным львом. Рядом с Груном шел его

старший брат по отцу, Лат. Лат выпросил разрешение у сына Слона навсегда переселиться в лесное племя вместе со своей женщиной Злу и двумя сыновьями. Будучи юношей, не знавшим женщин, Лат посетил южное племя, и с тех пор на родину отца влекла его сила, которой он не мог противиться. Всегда хмурый Лат, по мере приближения к владениям лесного племени, светлел лицом...

...Посланцев Гирра гостеприимно встретили люди южного племени. Сын Барса, совершенно седой, однорукий и немощный старик, пользующийся уважением родичей, обнимал гостей и не вытирал слез. Особенно обрадовался он приходу Груна. Неотрывно глядел сияющими глазами и не мог наглядеться на богатырскую фигуру внука.

- Могуч, как отец, - шептал он сквозь слезы, - настоящий тигр. Все-таки повидал тебя, прежде чем уйти в мир теней.

Грун передал подарки от лесного племени и от его вождя Гирра – связки соболиных и куньих шкур, а также двух домашних собак (кобеля и суку), которые были много крупнее и сильнее собак южного племени. Подарки хозяевам понравились. Охотники восторженно рассматривали собак, а женщины – красивые шкурки невиданных зверьков. Женщины тут же разрезали несколько шкур на лоскуточки и приладили к своим ожерельям, чтобы каждой иметь подарок от самого Гирра – непобедимого охотника южного и лесного племен.

Гостили всего несколько дней. Грун торопился в родное поселение, чтобы готовиться к зиме. Но и за это короткое время ему показали стада домашних туров и свиней, новые секреты изготовления оружия, лодок и ловушек для рыб, искусство охотников и танцы женщин. В состязаниях мужчин Грун не уронил славы отца. Он превзошел даже Нира (Носорога) в дальности и меткости метания копья и стрельбы из лука. Всем, кто помнил Гирра, казалось, что не его сын, а он сам вернулся в южное племя таким же молодым и могучим, как много лет назад.

На прощание хозяева устроили большой пир, на котором вождь южного племени Сил сказал:

- Люди южного племени всегда будут помнить северных друзей, добрую Зуну и непобедимого охотника Гирра. Хвала великому вождю Гирру!

- Хвала Гирру! - одним дыханием откликнулись родичи.
- Больших удач лесному племени! - продолжал сын Слона.
- Удач лесному племени! - охотно вторили хозяева.
- В подарок Гирру, - закончил Сил, - даем двух туров и трех туриц из домашнего стада.

От такого щедрого подарка у Груна загорелись глаза. Он сдержал себя, подошел к вождю, опустился на одно колено и склонил голову, приложив руку к груди. Все это сын Гирра проделал с искренним уважением, но одновременно с таким особенным достоинством, что Сил подумал: "Это будущий вождь лесного племени". Он вдруг крикнул:

- Слава Груну!
- Слава сыну Гирра! - подхватили люди южного племени.

...Близился конец долгого пути, осталось два дневных перехода до Скалистых берегов, откуда начинались владения лесного племени, а Грун, шагая по уже знакомой дороге, все думал о южном племени, о гостеприимстве его людей и о юной Зри. Как он сожалел, что Гирр скрепил его союз с другой женщиной, с женщиной лесного племени! Черные, как южная ночь, глаза Зри, ее по-змеиному гибкое тело, ее жаркие, неутомимые ласки и шепот: "Возьми с собой, северный тигр! Возьми!.. Если уйдешь один, отдам себя во власть духов воды..." - сводили с ума горячего по натуре полусеверянина. "Пусть отец разорвет союз с Рунью, - думал Грун. - Я все равно приведу Зри из южного племени! Или уйду сам..." - сын Гирра останавливал свою мысль будто на краю скалы. Он знал, что не сможет бросить родное племя, не сможет нарушить данное отцу обещание продолжить его дело.

Вспомнив об отце, Грун подумал о нем с благодарностью. Посылая его в южное племя, Гирр больше всего хотел, чтобы сын своими глазами увидел домашние стада и еще сильнее уверовал в дело всей его жизни. Он напутствовал Груна:

- Скоро будешь вождем. Сила вождя в его мудрости. Ты должен знать больше других. Иди, учись у людей южного племени, чему не успел научиться я.

Длительный поход по незнакомым лесам, степям и болотам, встреча с людьми другого племени, знакомство с их обычаями и жизнью обогатили Груна. "Слава тебе, отец, великий вождь, - прошептал он. - Слава духам, что проторили тропу моей жизни в

южное племя".

Весь день нещадно палило солнце. В воздухе висел такой изнуряющий зной, какого люди Груна не видели даже в землях южного племени. К вечеру за дальним хребтом скопилась туча и, медленно разрастаясь, плыла к Синей реке. Над хребтами извивались молнии и урчал гром, а жара и духота становились все невыносимее.

Для ночлега путники остановились на обрывистом берегу. Здесь было все-таки посвежее и меньше комаров, чем в низинах. Развели костер, поставили разваривать сушеное мясо в глиняной посудине. Грун сидел у края обрыва и глядел, как в прозрачной воде резво плавали серебристые рыбины, как они хватали насекомых. Сверкнула ослепительная молния, треснуло небо над самой головой Груна, и неподалеку мгновенно снизу доверху вспыхнуло дерево, затем второе, третье... И уже клубился лесной пожар.

Грун вскочил, не зная, что делать. Можно переплыть реку, но сын Гирра не может бросить туров. Он скорее погибнет сам вместе с ними.

Из леса выбежала Зри.

- Ведите туров к реке! - кричала она. Грун смотрел на нее и не верил своим глазам. Неужели все дни она шла по их следу?

- Сын севера плохо знает большой огонь! - Зри сердито сверкнула глазами, схватила веревку и бегом повела тура к спуску.

Люди Груна последовали за ней. Сын Гирра покачал головой, дивясь покорности домашних туров.

Когда охотники лесного племени и их спутники вступили на отмель противоположного берега Синей реки и оглянулись, у них перехватило дыхание от ужаса. Где они только что были, бесновалось и бурлило сплошное пламя, выбрасывая красные языки до самого неба. Целые деревья, будто хворостинки, вспыхивали и падали, падали в ненасытную пасть огня, поднимая столбы искр. Огонь ревел и выл, как голодный многоголосый зверь, и пожирал деревья, кустарники, траву и, похоже, саму землю с поразительной жадностью. Зри тронула Груна за руку:

- Тигр, далеко до твоего поселения?

- Четыре дня пути, - ответил он.

- Надо остановить огонь.
- Как? - удивился Грун.
- В южное племя часто приходят пожары...
- Говори, что делать? - перебил встревоженный Грун.
- Надо обогнать огонь, найти поляны, где нет леса, и сжечь траву. Через воду и сожженные места огонь не ходит даже большой.

К рассвету отряд Груна, идя противоположным берегом Синей реки, обогнал большой огонь. Видимо, предрассветная роса замедлила движение пожара. Остановить его сын Гирра решил перед горным кряжем и Скалистым берегом, у начала владений лесного племени. Он хорошо изучил эту местность во время войны с темнокожими. Знал целую цепь больших и малых озер, соединенных рукавами и речушкой, которая впадала в длинный и широкий залив Синей реки. Вполне можно, считал Грун, сжечь траву и тростники по берегам этих озер и речушки вплоть до залива и преградить дорогу большому огню. По мере того как люди все больше обгоняли лесной пожар, дым становился реже и легче дышалось. Грун никого не торопил, все торопились сами. И туры не были помехой, они, похоже, чуяли опасность, их приходилось даже сдерживать.

До намеченного места измученные люди шли ночь, день и еще ночь с одним коротким отдыхом. Сын Гирра благодарил духов, что они не подняли ветер, и просил их обрушить ливень на большой огонь.

Не было ни ветра, ни дождя.

Охотники легко переплыли реку и сразу начали выжигать траву. Однако она, смоченная росой, гореть не хотела.

- Может, большой огонь здесь остановится? - спросил Грун у Зри.

Та отрицательно покачала головой.

- Ты видел, как он пожирает сырые деревья? - спросила она.

- Трава тоже пища для огня, но трава горит не так сильно, как лес. Если бы было много людей, здесь можно остановить самый большой огонь...

- Фрут и... ты, - Грун указал пальцем на молодого охотника, выносливость которого заметил еще раньше, - бегите в поселение за помощью быстрее береговой птички.

- Будет, как ты велишь, - ответил Фрут.

У людей лесного племени от поселения до Скалистого берега Синеи реки была единственная тропа. Тропа не проторенная, но люди всегда ходили одним путем. Это правило пришло от предков, благодаря чему родичи не могли разминуться в дороге. Поэтому в конце второго дня после ухода из поселения разведчики Аза встретили Фрута и его товарищей.

- Фрут! - удивился Аз. - Где Грун, Солл и остальные?..

- Останавливают большой огонь за Скалистым берегом! Нужна помощь... нужно много людей!

- Виль! - обернулся Аз. - Нет тебе равных в беге...

- Я понял! - крикнул Виль уже издали.

Аз хотел остановить его, чтобы послать с ним еще кого-нибудь, но махнул рукой и подумал: "Виль много раз ходил этим путем и один". Фрут с товарищем и Аз с разведчиками поспешили на помощь Груну.

Виль сознавал, что от того, как скоро он прибежит в лесное племя и как скоро будет отправлена помощь, зависело очень многое, что каждый миг промедления увеличивал опасность для родичей и поселения. Виль пытался и не мог представить, как Грун и его товарищи смогут задержать большой огонь, о котором он слышал так много страшного. Гонец Аза не позволял себе остановок даже для еды, он мчался и мчался хорошо знакомой тропой на север берегом Синеи реки, спрямляя ее изгибы. Часто рядом с ним и в ту же сторону бежали стада диких коз и оленей. Виль почти не отставал от них. Охотничья добыча была рядом, но гонец не мог тратить дорогое время, ему нужно спешить, насколько хватит сил. Однажды перед его глазами через поляну тенями промелькнули и исчезли волки. Но Виль был уверен, что хищникам тоже не до охоты, и, не сбавляя шага, без опаски летел на север.

Если бежать до поселения непрерывно без отдыха, потребуется день, ночь и еще половина дня. Однако Виль знал из своего опыта, что короткий отдых прибавляет силы и экономит время, поэтому решил перед рассветом поесть сухой рыбы и уснуть.

Для этого он остановился под нависшей скалой, где имелась

неглубокая пещера. Виль отдыхал в ней много раз во время войны с людоедами. Пещера удобна тем, что звери могут нападать только с одной стороны, лицом в лицо, а это особенно важно, если нападает целая стая. Однажды Виль отбилась здесь сразу от пяти волков, от целого семейства. Охотник завалил в костерок сырую коряжину, чтобы она медленно тлела, и с удовольствием растянулся на прохладной каменной плите, положив оружие рядом с собой. Спать можно было спокойно: дым от костра для зверей, напуганных лесным пожаром, – надежная защита.

Распадок, где отдыхал охотник, затянуло туманом, сквозь пелену которого иногда мелькали силуэты пробегающих животных. Волчья стая вдруг замедлила бег и замерла недалеко от пещеры. Вожак постоял минуту и повернул в сторону, обходя опасное место.

Виль проснулся мгновенно. Прежде чем увидел медведя, определил его близость по запаху и, похватав оружие, успел выскочить из пещеры. Встреча с таким зверем на узком пространстве нежелательна, нужна свобода действий. Матерый медведь с поседелой гривой, видимо, имел встречи с людьми. Его не испугало двуногое безволосое существо, не испугал дым от костра. Это сразу отметил охотник и приготовился к нелегкому поединку. Бежать бесполезно – хозяин леса догонит, достанет и на дереве, и на скале, и в воде. Только поединок. Зверь и человек встретились глазами, и зверь выдержал взгляд человека. В его маленьких глазках отразилась не растерянность, а неукротимая ярость. "Почему медведь не отвел глаза?" – удивился охотник. Откуда мог знать Виль, какую беду обрушили люди на мохнатого бродягу, убив его подругу, детей и ранив его самого? С тех пор одинокий зверь уже не заводил семьи, но мстил людям, став людоедом. Дым большого огня прогнал его из родных лесов, а нюх привел к пещере, занятой человеком.

Искушенный зверь-людоед и опытный охотник Виль стояли друг против друга. Их разделял обломок скалы, из-за которого человек видел только лобастую голову зверя с горящими угольками глаз и когти передних лап. Виль ловил момент, когда откроется грудь врага, чтобы вогнать стрелу. А медведь стерег каждое движение голотелого, пахнущего дымом, боясь даже на миг потерять его из виду и стараясь перелезть замшелую глыбу, но его

лапы срывались, не находя опоры. Медведь все больше свирепел, теряя терпение, его глаза наливались кровью. Тут его задняя лапа нащупала уступ в глыбе, и медведь с поразительной легкостью вскинул грузное тело на обломок скалы. Теперь куда бы ни кинулся человек, зверь сомнет его в прыжке. Однако страшная боль (уже знакомая медведю боль, какую делают только люди) полыхнула в груди и на какой-то миг парализовала зверя. Он махнул лапой, обломил стрелу и с ревом прыгнул на человека. Виль был готов к этому. Он подставил прочное копье, уперев древко в скалу и выскользнул в сторону. Медведь напоролся с полного маха.

Зверь больше не страшен гонцу Аза. Охотнику можно спешить в поселение за помощью. Зверь умрет. Такая мысль мелькнула в голове Виля, но захотелось ему добить врага, что уже не представляло большого труда, и подарить в ожерелье своей женщине когти и клыки редкой величины. Медведь поднялся на задние лапы и медленно двинулся к голотелому. Виль вогнал в него еще стрелу. Зверь даже не вздрогнул и упорно шел к человеку. Охотник приготовил топор и ждал. После первого удара по черепу могучий зверюга устоял. Во второй удар Виль вложил всю силу. Медведь покачнулся, начал оседать на слабеющих ногах и все же неожиданно прыгнул вперед, достал когтистой лапой пахнущего дымом, развалил ему живот и упал замертво.

Из страшной раны сначала не текла кровь и были видны внутренности охотника. Виль сразу понял, что такая рана отправит его в мир духов, если он не успеет дойти до поселения. Оставалось полдня пути здоровому человеку. А сколько теперь? Охотник не знал. Он снял набедренную шкуру, обернул ею живот, положив на рану листья травы, а поверху обвязал себя сырым тряпным ремнем. Через плечо перекинул лук и кожаный чехол со стрелами, подобрал палку и, опираясь на нее, медленно двинулся к поселению лесного племени.

От стихийных бедствий звери обычно уходят заблаговременно, особым чутьем угадывая опасность. Птицы бросают гнездовья, звери покидают обжитые логова, дупла, норы – все живое устремляется прочь, переплывая реки, озера, одолевая болота, го-

ры.

Поселение лесного племени располагалось в излучине Сине́й реки, имеющей в этом месте высокие, отвесные берега. Поэтому мигрирующие животные двигались мимо поселения, их не сразу заметили люди.

В то время как Гирр послал Аза и его товарищей в разведку к Скалистому берегу, охотники лесного племени подходили к Кабаньему болоту и дивились подозрительной тишине. Здесь всегда было много уток, гусей, лебедей, журавлей и других мелких и крупных птиц. И днем и ночью в камышах не утихали возня, криканье, хлопанье крыльев и вдруг... тишина. Да еще в середине лета, когда молодь не поднялась на крыло и не могла улететь. Жог немедленно послал гонца, чтобы сказать великому вождю о странном явлении, какое бывает только перед бедствием. Когда же старик увидел скопление белок, бегущих по земле, и выводки водоплавающих, по сухопутью покидающих болото, тревога его усилилась.

- Возвращаемся в поселение, - распорядился он.

К середине дня начался поголовный бег зверья. Мимо поселения, не обращая внимания на людей, бежали зайцы, хорьки, белки, куницы, лисы, косули, волки, сохатые, рыси... Бежали группами и в одиночку, иногда вперемешку хищники и их обычная добыча вместе. Видимо, большой огонь размахнулся широко. Более всего тревожила Гирра и его родичей неизвестность. Где пожар? Когда его ждать? Грозит ли он и чем лесному племени? Что предпринять?

Сначала охотники били копьями и стрелами пробегающих оленей и коз, запасая мясо впрок. Затем великий вождь запретил охоту и велел развести костры вокруг поселения и возле загонов, чтобы отпугивать животных. Он разослал во все стороны наблюдателей. Приказал им забраться на высокие деревья и следить за появлением большого огня. Остальных мужчин расставил для охраны поселения и туров от хищников. Туры находились в двух первых загонах, которые с трех сторон охвачены Сине́й рекой и для зверей недоступны из-за высоких скалистых берегов. Туры тоже чуяли лесной пожар и заметно беспокоились. Великого вождя мучила мысль, что их придется выпустить на волю, если большой огонь подойдет близко, бросить посе́вы, хижины и заго-

ны, а людей переправить на левый берег реки, где у Теплого ручья уже приготовлены шалаши, чтобы укрыть детей и женщин. Людоеды могли уничтожить туров, но, вероятно, не повредили бы загонов. Лесной пожар уничтожит все загоны, вчистую сметет многолетние труды всего племени.

В напряженном ожидании люди ни днем, ни ночью не смыкали глаз, не выпускали из рук оружия. На третий день, без прежней паники, изредка пробегали табунки коз, а увидев людей, стрелой улетали в подлесок. Дальней опушкой неторопливо прошли два медведя, видимо, самец и самка. Медведица (она поменьше ростом) остановилась, понюхала воздух, обернувшись в сторону поселения. Но самец шел не останавливаясь, и она последовала за ним. Гирр полагал, что огонь замедлил бег, а опасность нападения хищных зверей возросла.

После того как люди лесного племени бросили Султа в реку, у них не было шамана. В его хижине жила старейшая мать рода Авва, она же говорила с богами и духами у священного дерева, выпрашивала удачи лесному племени. Принимая важные решения, великий вождь заходил к ней за мудрым советом. Зашел и на этот раз. Мать матерей стояла возле дерева-святыни, склонив голову и шепча заклинания. Ее седые космы никогда не чесанных волос свисали до коленей, закрывая лицо. Сын Агу остановился в отдалении, но Авва услышала его шаги, обернулась и сама приблизилась к Гирру.

- Говори, - тихо сказала она.

- Мудрейшая мать матерей, - медленно заговорил великий вождь, старательно подбирая слова, - боги и духи гnevаются на людей лесного племени и посылают им беды и неудачи. Бог богов и неба высушил землю и послал большой огонь, который пригнал в наши леса много хищных зверей. Аз с разведчиками ушел к Скалистому берегу и не шлет гонца. Мы не знаем, где большой огонь. Я посылаю в низовье Синей реки по тропе Аза много охотников. Проси у богов и духов им удачи. Авва долго молчала.

- Старейшие матери, - сказала она, - положили богатые приношения богам и духам у священного дерева – жареную рыбу, вареное и сырое мясо, мягкие шкуры коз. Боги пошлют удачу великому вождю и охотникам лесного племени. Я буду просить их

об этом. Посылай охотников тропой Аза, мудрейший из вождей.

Большой отряд охотников, не дожидаясь ночи, ушел в низовье Синей реки, а к вечеру двое вернулись и принесли раненного Виля. Он был еще жив и сказал великому вождю:

- Грун, Аз... задерживают большой огонь... за Скалистым берегом... посылай помощь...

Вскоре дух Виля оставил его мертвое тело и улетел в мир теней. Гирр стоял возле посланца Аза, склонив голову. Подошла Авва для выполнения ритуала погребения. Жог тихо сказал Гирру:

- Великий вождь, возле первого загона появились тигры.

- Иди, - кивнула Гирру мать матерей.

Сын Агу, Жог и еще трое мужчин подросли вовремя. Юный охотник, держа в обеих руках пылающие головешки и размахивая ими, бесстрашно наступал на самца-тигра. Тот грозно рычал, но медленно пятился, неохотно отступая. Тигрица, припав к земле и подобрав лапы, готовилась сделать прыжок на другого охотника. Свистнули стрелы. Стрела Гирра угодила самцу под локоть, но, видимо, не задела сердце. Зверь взревел так, что земля дрогнула, и махнул в кусты. Тигрица бросилась следом со стрелой в бок. Охотники пустились в погоню, но великий вождь властно остановил их:

- Назад! Только обороняться!

Едва отогнали тигров, прибежал охотник от второго загона. Там напали волки.

- Сколько зверей? - спросил великий вождь.

- Столько же, как пальцев у меня на руках и ногах.

Ночь была трудной. Мужчины ушли на помощь Груну и Азу, в поселении осталось мало охотников, а звери, оголодавшие в дни бегства, нападали, не зная страха. За ночь погибли три охотника и двое были тяжело ранены...

... Людям Груна с большим трудом удавалось выжигать траву. Делать это научили Лат и Зри. Они резали сухой тростник, раскладывали его кучками, поджигали. Тростник горел быстро и жарко, трава возле огня подсыхала и тоже горела. Огонь двигался

в обе стороны от горящего тростника, постепенно слабел и умирал. Но выгорала полоса шириной шага в четыре. Нужно было снова резать тростник. Зато огонь уже не пройдет и там, где срезаны тростники.

А дым медленно сгущался. Приближался большой огонь.

Люди Груна не отдыхали третьи сутки и валялись с ног. Когда возвратился Фрут и прибежал Аз со своими разведчикам, сын Гирра позволил себе и своим людям короткий отдых.

Днем солнце высушило росу, дело пошло быстрее. Грун с минуту смотрел, как слаженно работал Лат: сыновья по пояс в воде резали тростник. Лат охапками выносил его на берег, а женщина Лата Злу раскладывала кучками, брала головешку из костра и поджигала. Грун сразу же поставил мужчин резать и выносить тростник, а женщин выжигать траву.

- Младший брат, вели сначала жечь узкие поляны, - посоветовал Лат. – Широкий огонь не пройдет с ходу. На них можно его задержать.

- Будет так, - согласился Грун.

Из леса то и дело вылетали табунки коз и оленей. Миновав открытое место, они снова исчезали в лесу. Высунув языки и поведя впалыми боками, выскакивали волки и с маху переплывали озерины. Красношубая лисица выскочила на поляну, сунулась туда-сюда в поисках брода, вынуждена была вплавь одолеть речушку. Переправившись, встряхнула шкурой и юркнула в лес. Огромный медведь с ревом выкатился на поляну и бултыхнулся в воду. Видимо, хозяина леса подпалило огнем. Это означало, что лесной пожар совсем близко.

Люди работали и работали без роздыха. Они на большой площади срезали тростник, выжгли траву на всех узких полянах и выжигали на широких, когда большой огонь вышел на опушку.

А помощь из лесного племени все не приходила.

Зри оказалась права: большой огонь распространял вокруг такую жару, что трава на полянах скручивалась, быстро высыхала, и в ее заросли сразу в нескольких местах врезались красные клинья. Возникла угроза, что огонь перейдет поляну, ворвется в лес горного кряжа, и его не задержит никакая сила. Он дойдет до поселения лесного племени.

Люди южного племени, искушенные в борьбе с огнем, пока-

зали пример умения и бесстрашия. Они обвязали травой головы, плечи и бедра, вооружились пучками-вениками из больших веток, с головой окунались в озерины и смело бросались на красного зверя. Они били его мокрыми ветками, зверь шипел и останавливался, но вклинивался в другом месте. Грун расставил людей на всех опасных участках, а сам вместе с Азом и Фрутом старался успеть везде, где положение становилось угрожающим.

Вскоре большой огонь вышел на окраину леса по всей долине. Перед напором страшной жары и удушливого дыма, которые надвигались вместе со стеной ураганного огня, цепочка людей казалась слабой, не способной даже замедлить движение жуткой неудержимой стихии. Казалось, она испепелит двуногих, как горстку сухой травы. Но люди, с воспаленными от дыма глазами, с потрескавшимися губами, в волдырях от ожогов на руках и ногах, с фантастическим упорством и отчаянной решимостью бросались на лавину огня. И он отступал! На время, но отступал. Слепая стихия и разумный человек встретились и сцепились насмерть. И людям, и большому огню отступить некуда. Можно только или победить, или умереть.

В полдень, когда союзником огня стало палящее солнце, наступил критический момент. Уже дважды пламя прорывалось через поляну и достигало леса на горном кряже, а люди наваливались на него и тушили. Первый раз Фрут махнул в середину огня и хлестал огромной охапкой мокрых кустов в вихрях дыма и искр. К нему на помощь примчался Солл, и они утомили огонь. Сами отделались ожогами. Сильно пострадал Аз. Когда огонь снова перешел поляну, Аз кинулся в пекло, сбивая жадные языки, но вдруг оступился и упал. Подоспевшие разведчики отняли его у озверевшего огня. Теперь Аз лежал в тени и стискивал зубы, чтобы не стонать. А два юных охотника из лесного племени, изгрызенные огнем, отдали себя во власть духов.

Сын Гирра видел, что люди выдыхаются, теряют веру в победу, что они скоро будут сломлены. Грун вспомнил слова отца после поединка с Юмом. Отец тогда сказал: "Побеждают воля и вера". Грун считал, что надо продержаться, и не так уж долго!

- Люди лесного племени! - крикнул он. - Огонь слабеет. Он так жадно пожирает свою пищу, что скоро умрет без нее.

Но заметно слабеет огонь начал только к вечеру, и все равно

его нужно было стеречь, а люди уже не могли двигаться. В это время прибежал гонец от Гирра и сказал, что помощь близка.

- Хвала духам! - заорал Грун. - Мы победили!

Аза, одного из сыновей Лата и двух разведчиков сын Гирра отправил в поселение. Их унесли на носилках. Грун и люди лесного племени еще несколько дней и ночей стерегли большой огонь и тушили его, если он где-то оживал. В поселение победители большого огня пришли утром, когда из-за лесистого хребта вышел великий бог неба. Ночью прошел дождь, и над поселением вспыхнула полная радуга, опираясь концами на Кабанье болото и Длинное озеро.

Бог неба сулил людям лесного племени удачу.

ГЛАВА IX. РУБЛЕВ ИЗ НЕОЛИТА

1

верху сыпались земля, какой-то мусор, мелкие камни. Виктор отполз в сторону, к его ногам с глухим вздохом ухнула увесистая глыба. "Замешкайся малость и — как мышонка..." - подумал Грачев. Пока он летел, за что-то цепляясь, оборвалась одна лямка, и рюкзак съехал набок. Грачев сбросил его с плеча и осторожно ощупал ушибленное колено. "Пустяки, - махнул он рукой. - Однако куда меня угораздило? Поглядим". Виктор вынул фонарик и огляделся. Его глазам предстала пещера, каких немало в скалистых берегах рек. Ширина пещеры метров десять, глубина около тридцати. Довольно ровные боковые стены слегка наклонно сходились к середине, подпирая потолок. Задняя стена образована ребрами почти вертикально поставленных плит. Видимо, мягкие породы между гранитными монолитами когда-то вымыла река, а потом русло углубилось и отступило. В сторону реки был и выход, но теперь он засыпан обвалом. Обвал случился давно — камни покрыты лишайником.

Как раз в том месте, где должны сойтись продолжения боковых стен, в потолке зиял пролом. Виктор подошел к нему и вскинул голову. Над ним голубел клочок неба, как в глубоком колодце. Только этот колодец соединял каменный склеп с внешним миром, но до него метра четыре, если не больше. "Только бы добраться до потолка... Но как?.." - раздумывал Грачев.

- Задача! - сказал он, осознавая свое положение.

- Ачка, ачка, ачка... - эхом откликнулись своды пещеры, как в пустой квартире.

- Без паники! - приказал себе Виктор и начал последовательно обдумывать варианты спасения.

Вариантов три: ожидать помощь, разобрать заваленный выход, добраться до пролома в потолке. Надежды на помощь равны нулю. Ребята завтра уплывут на плоту, оставив ему лодку. А случайные люди сотню раз пройдут мимо и не узнают, что где-то в подземелье Витька Грачев ждет их помощи. Были бы дрова, можно развести костер, дым, может, и привлек бы чье-то внимание. Значит, разбирать заваленный выход и складывать пирамиду против колодца, одновременно решая оба варианта.

В распоряжении Виктора топор, складешок, две коробки спичек, фонарик, котелок, кружка, ложка, на два дня продуктов и не нужные здесь рыболовные принадлежности. Нет дров и нет воды. Грачев решил растянуть продукты на пять-шесть дней и работать в темноте. Спички и батарейку фонарика беречь на крайний случай. Приняв решение, он обошел пещеру в поисках подходящего угла для "спальни" и сделал неожиданное открытие, которое его окрылило. Из расщелины задней стены сочилась вода, капала на пол, и в углублении скопилась лужица. Сюда он немедленно подставил котелок и подумал: "Еще бы найти дровишек, мешок сухарей да ящик тушенки, и можно жить". Но сразу одернул себя: "Не до шуток! Время работает не на меня!"

С ночного неба через дыру в потолке глядели в пещеру холодные далекие звезды, когда Виктор забрался в спальный мешок. Он спокоен. Камни завала разбирались легко, и под колодцем выросла стена-пирамида высотой ему по грудь.

Весь следующий день работал он, как говорят, не разгибая спины. Основание пирамиды пришлось расширить для устойчивости, из камней соорудить лестницу, чтобы взбираться на пирамиду, и камни из завала выворачивать с трудом, сначала выбирая мелкие осколки между ними обухом топора. И все же сооружение поднялось еще почти на метр. Никаких причин для уныния не предвиделось. Завтра, максимум послезавтра Виктор достигнет потолка и по уступам колодца легко выберется наверх.

Перед сном он съел два сухаря, обмакивая в воду и прикусывая сахар. Уснул сразу. Снилось Грачеву, что благополучно

вылез он из пещеры, рюкзак вытащил на шнуре для перемета, разыскал оставленную ребятами лодку, вытолкнув из затона, поплыл вниз. Неожиданно налетел ветер, согнул прибрежные тальники, измял гладь реки. Сначала где-то далеко, затем совсем близко гроыхнул гром. Черная туча выплыла из-за перевала, заслонила все небо и обрушила на Виктора лавину дождя, а ветер, все усиливаясь, катил и катил темно-синие волны с пенистой гривой. Виктор изо всех сил гнал лодку к берегу, но река несла его на гряде камней у входа в пещеру, где клокотала и пенилась вода, швыряя в лицо Грачева холодные брызги. Он уже слышал, как перекачиваются и гремят сдвинутые водой камни, но ничего не мог предпринять, лодка не слушалась его. Еще минута и...

Виктор проснулся и порывисто сел. "Сон!" - вздохнул он с облегчением. Но где-то рядом бушевала вода, а над пещерой гремел гром, частые отблески молний на миг освещали пролом в потолке. Грачев быстро нашарил и включил фонарик. Сверху на сложенную им пирамиду хлестал мутный дождевой поток, пол в пещере заливало водой, из нее выступала только площадка, на которой он спал, но и сюда долетали брызги. А хуже всего – вода продолжала прибывать и словно подкрадывалась к его постели со всех сторон сантиметр за сантиметром. Грачев выпрыгнул из спальника, проворно собрал вещи в рюкзак. "Не вымочить одежду и спальный мешок, - подумал он. - Иначе гибель!" Шлепая по воде, прошел он к уступу на задней стене, где сложены продукты, и приспособил туда рюкзак, затем нащупал затопленный котелок и тоже убрал на уступ.

Прежде чем что-то предпринять, Грачев имел обыкновение обдумать ситуацию, насколько позволяло время. Ливень грозовой, он, видимо, скоро кончится, а из пещеры должен быть сток. Дождь-то за лето не первый, а пещеру он захватил сухой. Не было пролома в потолке? Но провалился он в западине, в которую собирались дождевые потоки со всей горы и обязательно проникали в пещеру. Может, меньше, но проникали. Следовательно, вода из пещеры уйдет. Грачев в деталях представил место провала и вспомнил, как он влип в эту историю.

Летние каникулы подходили к концу, студенты зооинженерного факультета Виктор Грачев и Сергей Соломин, как и в прошлом году, управились с покосами и собрались в поход проверенным маршрутом. Сначала на поезде, затем на автобусе до леспромхоза и, наконец, на лесовозах до самого перевала. На это уходили сутки. После ночевки в вагончике лесорубов, если выйти пораньше, к исходу дня можно одолеть перевал и выйти к речке Тихой. Речка действительно тихая, омутистая, а главное – рыбная. Есть на ней перекаты и шивера, но они неопасны, почти каждый легко перебрести в сапогах-болотниках. По правому берегу имеются охотничьи избушки, а в лесах поймы уйма грибов и ягод. Так что продуктами можно себя не перегружать. Сухари, соль, сахар, крупа, немного картошки и обязательно сало плюс таежные богатства.

Вернуться проще тем же маршрутом в обратном порядке. Но интереснее связать плот и плыть вниз. Места красивейшие, рыбалка баснословная. Рыба в речке всякая, от пескаря и гольяна до ленка и тайменя. Исключая остановки для рыбалки и отдыха, за пять ходовых дней воды речки Тихой вынесут плот в большую реку. Дальше дорога известна до самой деревни.

Можно ли придумать лучший отдых перед занятиями в институте, чем этот поход?

К походу все было готово. Приехал к Сергею и однокурсник Петр Камышиков – Петух, как прозвали его ребята за то, что он постоянно хорохорился и вертелся возле студенток. Камышиков договорился с Соломиным составить компанию в походе. Грачев не возражал, хотя не очень уважал Петуха. Но втроем надежнее и веселее, тем более, что Сергей – молчун. И вдруг Соломины получили телеграмму, что едет в гости аж из самой Москвы двоюродный брат Сергея Валерий, тоже студент. Решили и его уговорить в поход. Пускай, мол, столичный неженка покормит комарье и понюхает таежный асфальт.

Валерий, такой же льноволосый и голубоглазый крепыш, как все Соломины, с восторгом принял предложение:

- Вот это да! И мечтать не смел! Когда выезжаем?

Ему подобрали подходящую одежду, прочее снаряжение, и

компания с рюкзаками, навьюченными выше головы, отбыла вечерним поездом. Без приключений прибыли в лесосеку к подножию перевала. В лесосеке на ночь оставался только сторож, Михайлыч. Он указал ребятам свободный вагончик и предупредил:

- За печкой приглядите. Долго ли до беды?

- Не беспокойся, Михайлыч, - за всех ответил Грачев, - приглядим. Утром уйдем рано, но огонь в печке зальем и вагончик прикроем. Спи спокойно.

- Не для того приставлен. Днем отосплюсь, - возразил сторож. Он лизнул клочок газеты, склеил самокрутку и спросил, доставая спички:

- Опять на Тихую?

- На Тихую, - подтвердил Виктор.

- Тады сами спите. Нынче тропа на перевал чижолая. Снег, однако, не везде стоял.

Само собой выходило, что Грачева ребята признавали за старшего и в институте, и в общежитии, и в походах. Конечно, он и спортсмен, и в армии отслужил, да еще в погранвойсках. Но Валерий не знал об этом, а за любым советом – к Грачеву. Подкупала ребят его надежная рассудительность. И советы он давал спокойно и толково, без бахвальства. За ужином Сергей сказал, как о решенном:

- Командиром нашего отряда будет Виктор. В тайге дисциплина требуется строгая, чтобы без его слова...

- Понятно, - перебил Камышиков.

В окошко вагончика заглянул белесый рассвет, когда Грачев разбудил ребят:

- Подъем! Умываться – к ручью, чтобы дрему согнало.

- Куда такая спешка? - проворчал Петр, но поднялся вместе со всеми.

До первого привала шли часа четыре. Хотя в лесу еще держалась утренняя прохлада, по лицам ребят катился пот. Грачев шел впереди небыстрым шагом, оберегая силы столичного гостя. В прошлом году вдвоем с Сергеем этот путь они прошли скорее.

Сняв рюкзак, Виктор спросил:

- Как самочувствие, орлы?

- Есть еще порох в пороховницах, батенько! - весело откликнулся Валерий.

Камышикову, похоже, было не до веселья.

- Куда такая спешка? - снова проворчал он, тяжело опускаясь на валежину.

- Привал на час, - объявил Грачев, не обращая внимания на недовольство Петра. - Советую разуться, пусть отдохнут ноги. В тайге они ценятся наравне с головой... Следующий переход будет круче и труднее, правда, комаров поубавится.

- Жаль! - покрутил головой Валерий. - Скучно будет. Я собираюсь сотню-другую с собой в московскую квартиру захватить.

Видно, что устал, а скрывает. «Молодец» - подумал Грачев. Сергей уже разводил костер. Он взглянул на Виктора, явно гордясь братом. Хотел что-то сказать, но промолчал. После завтрака Грачев отвязал спальный мешок Камышикова и приторочил к своему рюкзаку. Петр отшутился:

- Сам бы унес, но ты командир, перечить не смею.

К избушке у Тихой пришли затемно. Часть тропы на перевале тянулась по распадку, а в распадке лежал рыхлый и довольно глубокий снег. Пришлось его обходить, продираясь без тропы через завалы бурелома и сплетение цепкого подлеска. Устали, конечно, здорово, и все же Виктор и Сергей ухитрились поймать рыбу на уху. Пока она варилась на костре, в избушке протопили печку при открытых дверях, чтобы выветрилась прель и подсохла сырость, на нары настелили лапника.

- Теперь отдыхать можно, - улыбался Грачев, с наслаждением вдыхая пихтовый аромат. - А спешили, Петр, потому что в тайге гастрономов нет, продукты беречь надо. В пути их не сэкономишь, а здесь и ягоды, и грибы, а главное – рыба.

Когда проснулся Валерий, Виктора и Сергея в избушке не было, только Петр спал, раскинув руки. Через полуоткрытую дверь слышались тихий говор и потрескивание горящих дров. Аппетитно пахло жареной рыбой. Валерий оделся и ушел к речке умываться, не взглянув на брата и Грачева. Сергей проводил гостя недоуменным взглядом. Зевая и потягиваясь, из избушки вышел Петр, сел у костра, отвернув лицо от дыма. Возвращался Валерий, на ходу растирая мокрые плечи и грудь. Он слышал, как Сергей обратился к Виктору:

- Плотно бы связать загодя. Вдруг задожжит.

- Так же думаю, - согласился Грачев, - после завтрака начнем. Я и сухостоины приглядел. А ваша задача, мальчики, приготовить обед. Налегайте на подножный корм, пока позволяет погода.

Камышиков согласно кивнул, а Валерий неожиданно взорвался:

- Ни мальчиков, ни девочек здесь нет. Тебя командиром выбрали, так командуй, а не норови все сам да сам. Благодетель нашелся! Чего не умеем, научи...

- Понял, - улыбнулся Виктор.

- Нет уж, все скажу, - продолжал Валерий. - Я, к примеру, кроме пескарей на удочку ничего не ловил, плот не вязал, в грибах не смыслю, а смыслить хочу. Учусь-то на археолога. В экспедициях все пригодится. И выносливость мне нужна, может, больше, чем любому из вас. Потому поблажек мне не надо. А кто надеется, что его постельник будет носить дядя и нос ему вытирать, оставался бы дома.

- Во дает! - ухмыльнулся Петр.

- Ты командир, а не служанка, - не унимался Валерий. - Есть дело – поднимай всех, нет дела – спи вместе со всеми. Неладно получается: мы спим, а нам и рыбку поймали, и поджарили, извольте кушать. Зачем унижать наше достоинство? Еду добывать и готовить надо по очереди или вместе.

- Все сказал? - спросил Виктор.

-Все.

- Предлагаю толковое выступление представителя из Москвы одобрить, - без тени улыбки заявил Грачев. - Есть возражения? Нет. Принято единогласно, на сегодня дежурным по пищеблоку назначаю... Серегу. Желательно к обеду нажарить грибов.

- Хорошо, - кивнул Сергей.

3

На одной из ночевок Сергей наткнулся в черемушнике на лодку и позвал Виктора.

- Ничейная. Видать, половодьем принесло, ишь на кустах зависла, - пояснил он. - Забрать бы.

Лодка оказалась добротной, только рассохлась. Ее погрузи-

ли на плот вверх дном, а под нее сложили вещи на случай дождя и двинулись дальше.

Перекаты сменялись длинными плесами, на которых то и дело плескалась рыба. Но лишь Валерий не выпускал из рук спиннинга, упражняясь в точности заброса блесны, и выловил-таки изрядную щуку.

Сегодня утром, пускаясь в плавание, решили сделать остановку для основательной рыбалки у последней избушки. Со слов Виктора и Сергея, там ямины глубже, рыба крупнее и больше ее, да и дом близко: рыба не пересолет. А малосольная рыбка с картошкой – чудо!

- После обеда пройдем у Красного камня, к вечеру пристанем у избушки на целый день, а то и на два, - подвел итог Виктор.

С утра нещадно палило солнце, прижигая спину сквозь рубашку. Задолго до полудня небо затянули облака, на востоке уплотнялась туча. Нависла гнетущая тишина. Сразу озверевшие комары накинулись на ребят, звенели и звенели на тонюсеньких струнах свою несносную мелодию.

- Как думаешь, Серега, под камнем успеем проскочить? - спросил Грачев.

Тот сначала поглядел на восток, затем огляделся кругом, что-то взвешивая, и отрицательно крутанул головой.

- Едва ли. Думаю, что нет, - ответил он.

- Палатку будем ставить?

- Да.

- Друзья, план такой, - Виктор поднял руку, требуя внимания. - Быстро выгружаем лодку и вещи. Пока Серега и Петр ставят палатку, мы с Валерием загоним плот в залив и закрепим его. Затем всем ловить рыбу в запас. Ливень будет. Ясно?

Захватив полнеба, грозовая туча клубилась и ширилась, стремительно надвигаясь. Словно торопилась застать туристов раньше, чем они растянут палатку и уберут в нее вещи. Порыв ветра пригнул береговые кусты, упали первые картечины дождя.

- Опоздал, - улыбнулся Валерий, намереваясь укрыться в палатке.

Виктор придержал его за локоть:

- Всем ловить рыбу и солить впрок.

- Не понял, - опешил Валерий.

Хлынул дождь, плотный, ядреный.

- Командир сдурел, - пояснил Камышиков и шагнул к палатке. Грачев преградил ему дорогу.

- Туча с востока идет, по руслу, - последнее слово Виктор произнес с особым значением, почти по слогам. - К вечеру река выйдет из берегов и покажет, какая она тихая. На плоту в нее не сунешься. Сколько тут простоим, сказать можешь?

- Не один черт, где дурака валять? Сколько надо, столько и простоим, - огрызнулся Петр.

- Первым заскулишь, когда брюхо подведет. Рыбу-то брать не будем, а без нее продуктов максимум на четыре дня, - Виктор взял спиннинг, торбу и пошел к плесу.

- Теперь дошло, - развел руками Валерий, схватил удочку и бросился догонять Виктора.

- О чем раньше думал? - крикнул вслед Грачеву Камышиков. - Командир называется!

- А ты подсказал бы, умник, - не выдержал Сергей. - Только кукарекать мастер. Петух.

Атака дождя была яростной, но короткой, вроде разведки боем. От земли, не успевшей остыть, заструилась банная испарина, по реке плыли сбитые листья, с кустов падали в воду тяжелые капли, плесы кипели от всплесков, рыба хватала насекомых, сбитых дождем. И снова тишина. Ни ветерочка, ни птичьего писка. Однако на востоке, будто передвигая горы, с глухой угрозой ворочался гром. Готовилось генеральное наступление...

Сергей попробовал рыбачить на верховую мушку-обманку. Рыба брала по-дурному, с первого заброса, но в основном ельцы и мелкие харьюзки. Тогда перестроил он удочку на мормышку с грузилом и поплавком. На втором забросе поплавок резко ушел под воду... Сергей вывел на косу ленка, убрал в торбу. Подошел Камышиков. Он успел переодеться в сухое.

- Паникеры! Река выйдет из берегов! Подохнем с голоду! - с издевкой ворчал Петр.

Сергей молча ловил рыбу.

Камышиков сел на камень.

- Отдохни, - предложил он, - или Грача боишься?

- Иди ты к... - Сергей не договорил, подтянул болотники и перебрел на другую сторону. Ниже переката темнела яма, в ней

сквозь воду виднелось затопленное дерево. Сергей укрепился на береговой кромке, закинул мормышку так, чтобы она прошла возле топляка. Рывок последовал немедленно. "На подъем не брать, - подумал Сергей. - Куда же выводить? Только вверх". Он медленно пятился, не допуская слабину лески и гибким удилищем смягчая удары. Сильная рыба не хотела выходить из ямы, но метр за метром уступала рыбаку. Наконец покорилась и сама пошла вверх. Покорилась? Нет. Сергей знал этот маневр. Она бросится в струю, обманув бдительность рыбака, и к ее силе добавится сила воды. Соломин сделал несколько быстрых шагов и, когда рыба метнулась к перекату, почти без усилий изменил ее направление. Краснопёрый таймень вылетел на мелководье. Сергей руками выбросил его на берег. И тут он заметил, что вода мутнела и поднималась на глазах. Клев прекратился.

С востока надвигалась грязно-фиолетовая темень, ее рассекали ломаные зигзаги молний. Гром, казалось, зарождался под землей и, все нарастая, раскатывался чугунным обвалом, переходя в грохот и треск, будто неведомые силы смаху рвали полотнище брезента. Река топила галечниковые отмели, заливы, косы, устремилась в прибрежные заросли, а дождь лил и лил такой плотный и ярый, словно намерился утопить всю тайгу вместе с лесами, горами, скалами и обитателями, как в библейский всемирный потоп.

Виктор, Валерий и Сергей долго возились прямо под ливнем, пока выпотрошили и посолили рыбу. При этом тщательно выбирали желтоватый жир в отдельную посуду. Стемнело раньше обычного. Ребята переоделись в сухое и с удовольствием натянули спальные мешки, а когда пригрелись, вылазить наружу и затевать ужин не захотелось. Камышиков промочил и запасную одежду. Он до прихода ребят убрался в спальник. Так и уснули без обычных шуток и без ужина.

Валерию не спалось. Он слушал шум дождя, раскаты грома, плеск и тяжелую возню на реке, будто купались в ней доисторические ящеры. "Бурелом тащит", - подумал он. Камышиков бормотал во сне и жался спиной к Валерию. Соломин-второй, как окрестил Валерия Петр, снова вспомнил минувший инцидент. Пока ловили рыбу – нитки сухой не осталось, продрогли. А этот гад отлежался в палатке, и торба его оказалась пустой, и рыбу со-

лить не помог... "А как же плот?" - вдруг встревожился Валерий. Он сбросил спальник, накиннул полиэтиленовую пленку, осторожно выбрался наружу. Дождь заметно ослабел, а на реке творилось что-то невообразимое. Треск, грохот, даже стон. Темень и завеса дождя мешали разглядеть реку и что на ней происходит. Сделалось жутковато. Валерий увидел, наконец, плывущее дерево со вскинутыми корнями и сучьями. Оно ткнулось в берег в нескольких метрах от палатки и, медленно разворачиваясь, ломало тальники и черемушники.

- Вот это да! - поразился Валерий. - Силища!

Понимая бесполезность затеи, все-таки пошел он к заливу. Но дорогу преградил бурный поток. Перемахнув перешеек и затопив левобережную луговину, в которую вклинивался залив, во всю ширь катилась река. Залива вообще не было. Блеснул клинок молнии, на долю секунды осветив местность. В этот короткий миг глаза Валерия ухватили страшную картину: вся пойма реки залита водой, из нее выступают вершины деревьев и остров, на котором стоит палатка. "Значит, вода обошла нас и с тыла", подумал Валерий. Он вернулся к палатке, сел на опрокинутую лодку. Дождь утихал. "Скоро ли утро?" - поежился Соломин и решил разбудить Виктора.

- Командир, - зашептал он, - слышь, командир... Плот унесло.

- Черт с ним. Утром поглядим.

- До утра и палатку смоем.

Виктор промолчал, повернулся на другой бок.

- Обиделся?.. Знаю, обидели. Но обидели несмышлениши, которым без тебя отсюда не выбраться. Ждешь, чтобы шапку поломали? Чтобы в ножки поклонились?..

Грачев сел.

- Спи ты, беспокойная душа, - чувствовалось, что Виктор улыбается. - Плот другой свяжем. Времени теперь хватит. До палатки вода не поднимется. Серега знал, где ее ставить. - Он промолчал и заговорил снова: - Несмышлениши, говоришь? Дело не в этом. С тобой не только в тайгу, хоть куда пойду... С сачком этим — в первый и последний раз. Хороший ты парень. Жаль, далеко живешь... Спи. Приказываю спать.

Валерий забрался в спальник.

Сначала вода быстро пошла на убыль и посветлела. Затем несколько дней держалась на одном уровне, даже немного прибывала: где-то вверху шли дожди. По небу плыли облака, перегоняя друг друга, над хребтами висели тучи. Тянулись однообразные мозглые дни. Грибы и соленая рыба скоро надоели. Картошка кончилась, сала осталось немного. Сухари и сахар расходовали по скудной норме. Изредка варили рисовую кашу, тоже с соленой рыбой. Свежей поймать не удавалось. Две банки тушенки берегли на самый крайний случай. Сергей сплел из прутьев мордушку, опустил ее в затишке. В нее изредка попадали налимы. Завернутые в листья и испеченные в золе, они казались деликатесом.

Виктор учил Валерия таежным премудростям: оборудовать ночлег и разводить костер в ненастье, крутить обманки из подручных средств (из клочка собственных волос, срезанных ножом, и нитки, выдернутой из рубахи или штормовки). Вместе ходили они за грибами.

Камышиков слонялся без дела, обычно палил костер, благо дров сколько угодно. Иногда приставал к Сергею:

- Почему не плывем? Седьмой день тут торчим.
- Не пройти под Красным камнем, - коротко отвечал Сергей.
- Что за Красный камень?
- Увидишь.
- Берегом обойти можно?
- Болота по обе стороны.
- Связался с вами! - психовал Петр. - Соленая рыба кишки просолила!

- За рыбу спасибо скажи, Петух! - закипал Соломин. Сергей несколько раз пытался найти червей, на них рыба брала и в мутной воде. Но все низины залиты водой. Наконец куда-то смотался, принес ручейников и наловил-таки рыбы. Ребята повеселели.

За ночь вода резко упала. Виктор оглядел небо, сказал Сергею:

- Останешься за меня. Можно будет – ловите рыбу. Небо очищается, но мало ли... Постараюсь завтра вернуться.
- Добро.

- Хорошо бы и материал на плот заготовить, если... если задержусь, - досказал Грачев.

- Далеко собрался?

- Не близко. - Виктор положил в рюкзак пару соленых ленков, в нутряной карман – коробок спичек, сунул за пояс топор и ушел.

До самого вечера грело солнце, лишь изредка скрываясь за облака, а утро порадовало ребят пересвистом птиц. Орали до того молчавшие кедровки, дятел молотил сухостоину, в ельнике пересвистывались рябчики. На пронзительно-голубом небе ни облачка до самого горизонта. Вода упала почти на метр, а с обеда начал бить хариус на восковую обманку. Видимо, через пару дней можно будет продолжить путешествие. Камышиков на этот раз безропотно вместе с Сергеем и Валерием довольно умело ловил рыбу. Виктора долго ждали к ужину. Он не вернулся.

- Что-то случилось, - волновался Валерий. - Надо искать.

- Где? - хмыкнул Петр, догрызая сухарь.

- Серега, что делать-то?

- Ждать.

- Куда он ушел? - не отставал Валерий.

Сергей пожал плечами.

- Да бросил он нас, командир этот, - махнул рукой Петр. - Избушку знает с припасом, туда и утянулся.

- Заткнись!.. Петух, кажется? - взорвался Валерий.

- Еще одно такое слово и... в морду схлопочешь, - отрубил Сергей.

- Мне-то что? Ждите, - Камышиков улез в палатку.

И к утру Виктор не вернулся.

- Что же делать, Серега? - с прежним вопросом приступил Валерий.

- Сухостоины валить, ронжи вырубать, вязки и клинья готовить... Виктор в тайге как ты на Арбате.

Раньше других Грачева увидел Валерий и кинулся навстречу.

Виктор шел, опираясь на палку, слегка прихрамывая. Валерий отнял у него рюкзак.

- Тяжелый! Что в нем? - спросил он.

- Мяса добыл. Барсуков у норы подкараулил.

- А нога?

- Хотел одного взять, пока с ним возился, второй позади налетел. Покусал, - доложил Грачев.

Сергей встретил Виктора тоже вопросом:

- В Осиновый лог ходил?

- В Осиновый лог.

- Я так и подумал, - усмехнулся Сергей.

После вынужденной задержки плыли без остановок. Под Красным камнем прошли благополучно. Это отвесная скала. Река с бурного переката бросалась на нее и круто поворачивала вправо. Даже сейчас, в малую воду, зазевайся – и плот по бревнышку.

На устье Тихой сделали короткий привал. Основательно рыбачить времени не осталось. Валерию еще в Москву добираться, а он и родных повидал мельком. Обидятся.

- Извините, ребята, но я задержусь на пару дней, пока Валерий гостует, - сказал Виктор, - рыбы надо поймать к зиме... Отец не может...

Сергей знал, что отец Виктора – инвалид войны и заядлый рыбак, но последнее время выходил только посидеть у завалинки.

- Конечно, конечно, - подхватил Сергей.

- С радостью остался бы, но... - вздохнул Валерий.

- Приезжай в следующий раз.

- Ловлю на слове. Обязательно приеду.

- Договорились. Я тебя еще в гостях застану, - пообещал Виктор и обратился к Сергею: - Серега, лодку оставьте у Глухого затона в тальниках... Вот и хорошо. Остатки сухарей и соли заберу полностью: вам до сельмага плыть не больше трех часов. Обойдетесь, - приговаривал Грачев, перекладывая продукты к себе в рюкзак, - не возражал бы и тушенку забрать...

- Вот почему ты ее зажимал! А я-то думал... - Петр не договорил, опрокинулся на спину.

- Я тебя предупреждал, - спокойно сказал Сергей.

Виктор сначала удивленно глядел то на Камышикова, то на Сергея, затем побледнел, сжал челюсти так, что вздулись желваки. Выговорил тихо:

- Паразит.

Он не оглядываясь пошел в гору.

По тропе, много раз хоженной, отмахал с полчаса, завернул в

низину, под одоньем прошлогоднего стожка накопал червей, вернулся на прежнюю тропу. Возле старой лиственницы с обломанной вершиной остановился полюбоваться поймой реки с высоты скалистого берега. Здесь река расходилась на много рукавов, образуя перекаты, ямины и косы. Виктор много раз стоял на этой скале и с отцом, и один, не в силах оторвать глаз от величественной панорамы. Возвышенные чувства переполняли его сердце в такие минуты. В этот раз оно осталось равнодушным. Грачев окинул взглядом знакомые излучины, прошептал:

- Ну и паразит!

Круто падающей седловиной между уступами начал он спускаться к реке. Грязное подозрение Камышикова терзало Виктора. Ему думалось, что со стороны это подозрение выглядело правдоподобно. На середине спуска у поворота тропинки Грачев остушился, потерял равновесие. На скале было уже не удержаться... В последний момент увидел Виктор западину между каменных глыб правее и ниже тропы. Прыгнул в нее. Опора ушла из-под его ног...

5

Вода в пещере медленно прибывала. Положение становилось катастрофическим. Сидеть без дела и ждать неизвестно чего Грачев не мог. Он включил фонарик, чтобы еще раз осмотреться.

На поверхности воды возле самого завала сгрудился мусор, плавали палки, два сосновых кругляша. "Вот и дрова, - подумал Грачев, - осталось найти мешок сухарей и ящик тушенки... Стоп!". Виктор догадался, что вода вытекает через завал. Не зря сюда приплыл весь мусор. Но раньше дождевые потоки попадали в пещеру через естественный фильтр, а в открытый пролом нанесло всякой дряни. Сток попросту засорился. Задача из школьного учебника с сосудом и двумя трубами. Притекает больше, чем вытекает. За сколько времени сосуд, иными словами пещера, заполнится водой? Видимо, вода из пещеры все-таки уйдет, если прекратится приток. А прекратится ли? А если снова дождь? Не попытаться ли расчистить сток? Рассудив примерно так, Грачев забрел в воду почти до пояса, оттолкнул плавающие чурки и стал ощупывать каждый камень у основания завала, отыскивал сток.

Вскоре почувствовал движение воды и давление на ладонь. Первая часть задачи решена. Сток найден. Тут же нащупал суковатую коряжину, облепленную, похоже, травой. Лежала коряга на самом глубоком месте. Виктор вытащил ее из воды. Сразу где-то ниже пола зашумел поток.

- Порядок! - Грачев так обрадовался, будто нашел выход из пещеры.

Вода уходила скорее, чем копилась. Дождь, видимо, прекратился. Из провала в потолке текла тонкая струя. Грачев собрал в кучу чурки, коряжину и все, что может гореть. Расколол кругляши, надеясь, что они не промокли насквозь. Мелко нащипал лучину, но костер развести не смог. В мокрой одежде его бил озноб, а он все еще берег сухую смену, что хранилась в рюкзаке. Таежники переодеваются в нее только для сна. Не особенно надеясь на успех, Виктор ткнул коряжину топором. Лезвие отскочило, как от камня. "Смолевая листовяжина!" - обрадовался Грачев.

Смолье разгорелось легко. Виктор развел костерок и в первый раз, как ушел от ребят, вскипятит чай. И не чай вовсе, а пустой кипяток. Грачев отхлебывал обжигающую жидкость и блаженно щурился. Его внимание привлекли странные линии на стене. В прямом луче фонаря они малозаметны, да и разглядывать было недосуг. Костер освещал стену снизу, и в углубления легли тени, они выступили рельефнее. "Наскальные рисунки?" - Виктор глазам не верил.

Грачев разжег смолевую головешку, долго стоял у стены, освещая ее то слева, то справа. Сомнений не осталось. Фигурки людей и каких-то животных не могла создать вода или иная неразумная стихия. Сделали это руки человека. Виктор перешел к другой стене. Что-то знакомое чудилось ему в широкой дугообразной линии, а что именно, сообразить не мог. Головешка догорела. Виктор где-то читал, что с наскальных рисунков снимают копии и обнаруживают детали, невидимые при обычном осмотре. Однако для этого нужны профессиональные знания. "Валерия бы сюда", - подумал он.

По расчетам Виктора, Валерий уедет в Москву через два-три дня. Если завтра, в крайнем случае послезавтра выбраться отсюда, можно его захватить. Грачев пожалел, что потерял столько времени из-за наводнения, и принялся разбирать завал. Какая, в

конце концов, разница, днем или ночью работать? Но когда над колодцем нависла ночь, складывать пирамиду в полной темноте оказалось невозможно. Бросать работу тоже не хотелось. Вода размягчила грунт между камнями, они поддавались теперь легче. Поэтому Виктор продолжал разбирать завал, а камни носил и бросал возле пирамиды. Он потерял всякое представление о времени. Исступленно ворочая камни, Грачев видел падающий из колодца свет, затем света не стало. Значит, кончилась ночь, был день, а теперь снова ночь. Нестерпимо хотелось есть, голова кружилась, а он выворачивал камень, нес внутрь пещеры и снова брел к завалу. Ему казалось, что еще усилие, и путь будет открыт. Чудилось даже, что ощущает он ночную прохладу близкой реки. Но двигаться больше не мог. Сознание, что Валерия все равно уже не захватит, успокоило, вернее, опустошило его.

Он вскрыл банку тушенки, жадно проглотил содержимое, вяло переоделся, а как развернул спальный мешок и залез в него, не помнил. Во сне слышал он какой-то грохот. На миг очнулся, подумал, что это снова гроза. "Но почему в пещере?" - мелькнула тревожная мысль. Додумать ее не дал сокрушающий сон...

Проспал Грачев, вероятно, долго. Проснулся бодрым, быстро переоделся в холодную, волглую одежду, попрыгал на месте, взял фонарик, чтобы взглянуть на свою работу. Перелез через груды камней и... зажмурился от яркого дневного света. Выяснилось, что ночью обрушился свод сделанного им туннеля, образовался новый завал, а выше его открылся выход из пещеры. Грачев выполз наружу по осыпи, выпрямился во весь рост. С высоты увидел знакомую панораму поймы, будто уменьшенный макет, широкую ленту реки, дугообразно огибающей подножие скалистого мыса... Неожиданное озарение заставило Виктора вернуться в пещеру. Он подбежал к стене, осветил ее фонариком и перевел дух. Дугообразная линия – это река, точнее, правый берег реки. Догадку подтверждало и то, что на каменной карте нанесена Тихая и безымянный ручей. Были на ней и еще какие-то знаки, фигуры животных, кажется, но Виктор не стал их рассматривать. От осознания того, что в этой пещере жили древние люди и оставили след, как послание из глубины тысячелетий, Виктором овладело совершенно непонятное чувство, будто он в тишине подземелья встретился с теми людьми. Грачев зримо представил пы-

лающий костер, полуобнаженных людей и художника, выбивающего на стене рисунки – послание потомкам.

Виктор уложил вещи и тихо вышел из пещеры, как из храма. С минуту постоял, задумчиво озирая пойму, начал взбираться на гору тем же распадком к знакомой тропе. Около провала остановился, заглянул в него.

- Ви-и-и-ктор! - услышал он из подземелья и отпрянул. "Что за наваждение? - подумал он. - Слуховая галлюцинация?"

- Ви-и-кт-ор! - донеслось со стороны реки. Грачев вышел из-за скалы и просиял: "Помощь пришла!" По береговой кромке шагали Сергей и Валерий. Они остановились, приложили ладони к лицу и прокричали:

- Виктор!

- Ого-го-го! - отозвался Грачев и поспешил навстречу.

С налету облапил обоих и только прошептал:

- Спасибо, друзья!

Ребята глядели на него растерянно. Виктор изменился за эти дни. Осунулся.

- Что случилось? - осторожно спросил Сергей. - Валерка извел всех. Искать, мол, надо, что-то случилось, приплыл бы давно.

- Валера, ты самый настоящий друг! - Виктор сграбастал его, приподнял и начал кружить вокруг себя.

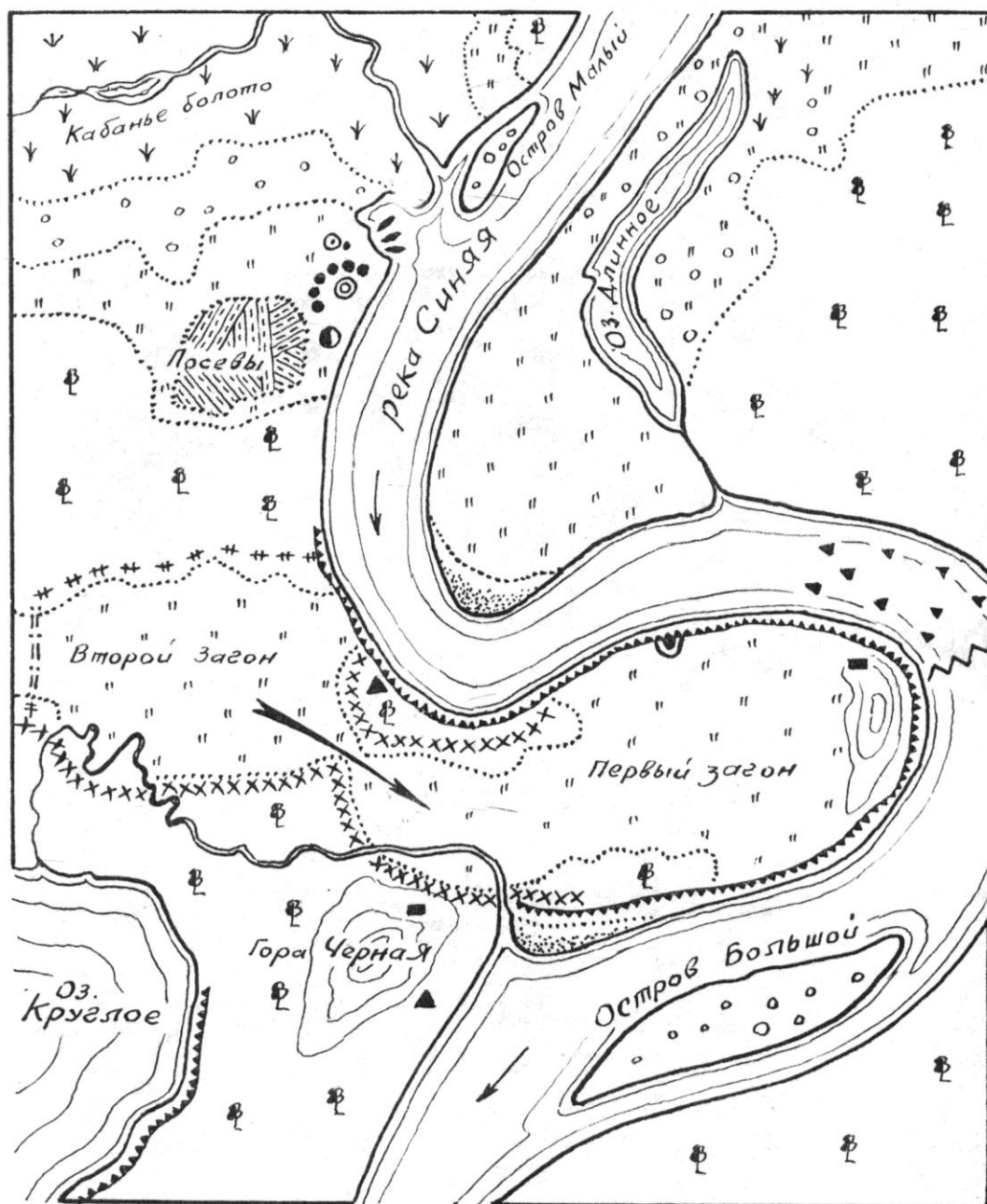
- Свихнулся, что ли? - заулыбался Сергей. - В моторке отец ждет. Валерке на поезд утром.

- На поезд? - переспросил Виктор. - Ах, да! Думаю, Валера задержится.

6

В пещере ребята прожили три дня. Опасаясь нового завала, предварительно подготовили запасной выход, опустив лестницу через пролом в потолке. Все, что разглядели, Валерий перерисовал в тетрадь. Он сразу же запретил касаться рисунков руками.

И Сергей и Валерий согласились с Виктором, что на левой стене изображен план именно этой местности. Этот план Валерий перерисовал особенно тщательно, на отдельный листок. Немного подумал и затушевывал те места, которые углублены на поверхности стены, полагая, что это водоемы. Написал и произвольные

●●● хижиньки.	▲▲ Обрывы и скалы.
◎ родовое кострище.	▲▲ Порог.
○ священное дерево.	▲▲ Скалы в воде.
▲ каменный уголь.	xxx Первый завал.
■ камни на оружии.	++ Второй завал.
○ Тлинка на сосуды	=== Изгородь.
Лодки.	Песчаные косы.
⬤ Пещера.	➔ Путь движения и
⋯ Границы угодий.	Загон дикого стада.
☙ Лес.	
○○ Кустарники.	
" " Луга.	
Y камыши.	

Схема угодий лесного
племени по реконструкции.

названия: Верхний остров, Нижний остров, Овальное озеро, Старица, Тихая. Сходство с поймой реки стало очевидным. Правда, русло изменилось, оно проложило дорогу через Старицу и спрямило излучину. Под правым берегом остался мелководный бурный рукав. Верхний островок соединился с левым берегом, образовав огромный остров, прорезанный многими протоками. Нижний остров переместился далеко вниз. А может, древний художник ошибся. Но линия правого берега точно совпадала с изображением на стене.

Ребята долго колдовали над планом, иногда высказывали невероятные предположения. Единодушно решили, что Овальное озеро заросло, на его месте осталось болото.

- А что за клещ изображен справа сверху? - спросил Виктор.

Валерий так и эдак рассматривал странные линии, местами скрытые наплывами, освещал фонариком, срисовывая их. Вдруг засмеялся:

- Солнце это! Теперь ясно, что за фигуры возле зубцов. Люди поклоняются солнцу.

- Здорово! - удивился Виктор. - И пещера должна быть... Вот здесь.

Действительно, в этом месте оказалось углубление. Остались неразгаданными два крестика, зубцы и пунктирные линии...

- Имею мнение, - сказал Валерий, - что пунктирами очерчены загоны для туров. Не зря они примыкают к естественным преградам: к озеру, к скалистому берегу. Эти скалы в то время наверняка были выше и отвеснее.

Сергей пригляделся, вывернул из земли продолговатый камень с круглым отверстием, подал Валерию и спросил:

- Что это?

- Это кайло! Молоток! - воскликнул Валерий. - Вот что, ребята, нужно уходить. Пещера уникальная. Долго ли что-то нечаянно нарушить. Видимо, Виктор открыл один из очагов одомашнивания животных. Вероятнее всего, одомашнивания тура... Контуры этих зверей повторяются группами много раз на обеих стенах. И вот что интересно. В некоторых группах один тур крупнее других и непременно с одним рогом. Думаю, это не случайно. Ученые считают, что люди того времени умышленно калечили животных, чтобы они стали менее опасны для человека. -

Валерий помолчал и продолжил. - И план, и рисунки особенные. Насколько мне известно, в наскальных рисунках первобытного человека ничего подобного до сих пор обнаружено не было. В фигурах людей и животных столько движения и индивидуальности, что напрашивается мысль: уж не конкретных ли соплеменников изобразил художник? Полагаю, рисунки выбиты большим мастером. Рублевым из неолита. Но это только мое мнение.

Покидая пещеру, ребята заложили камнями вход и тщательно перекрыли провал.

ЭПИЛОГ

Заканчивался второй семестр. Грачев получил телеграмму: «Экспедицию возглавит профессор Николаев ты включен в состав увидимся Валерий».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Большинство домашних животных относится к классу млекопитающих – животных самой высокой степени эволюционного развития. Первые млекопитающие произошли от рептилий (звоящеров) 50-60 млн лет назад. С того времени до наших дней длится ценозойская эра (эра млекопитающих), которая разделяется на пять периодов. Последний из них (плейстоцен, или четвертичный период) охватывает 500-600 тыс. лет и является историей человека разумного. За этот период происходили большие ледниковые передвижения, резкие изменения климата и растительности, гибли многие крупные животные (мамонт, пещерный тигр, шерстистый носорог и др.), изменялся и человек. Но изменения эти касались главным образом постепенного совершенствования орудий труда, накопления знаний, развития речевого общения. Поэтому историю человечества (четвертичный период) делят на эпохи или века, принимая за основу деления совершенство орудий производства.

Исходным этапом четвертичного периода был древнейший каменный век (эолит), длившийся 400 тыс. лет. Весь этот отрезок времени человек жил сообществами, обычно в пещерах, и на охоте пользовался камнем почти без обработки. Затем древнекаменный век (палеолит) занял свыше 150 тыс. лет и закончился 12-14 тыс. лет назад. К тому времени каменные, костяные и деревянные орудия (копья с наконечниками, долота, ножи, скребки, топоры) были уже весьма совершенны. В поздний, или верхний², палеолит одомашнена собака. Следует отличать домашнее животное от прирученного. Труд, затраченный на приручение, ограничивается данной особью. Для этого каждый раз отлавливают дикое животное (даже хищное – тигренок, медвежонок) и выращивают в неволе. В домашней овце, корове или лошади сконцентрирован труд многих сотен человеческих поколений, вкладывавшийся не-

² Историю человечества изучают по раскопкам. Древние находки залегают глубже, в нижних пластах, поздние – в верхних. Отсюда понятие “нижний палеолит” и “верхний палеолит”.

большими порциями в течение многих тысяч лет³, и важно, что изменения, возникшие "под гнетом" одомашнивания, стали наследственными. От домашнего животного рождается домашнее.

Новокаменный век (неолит) продолжался всего 6-8 тыс. лет. Человек неолитической эпохи пользовался огнем, имел глиняную посуду, разнообразные тонко отточенные и отшлифованные каменные и костяные орудия (иголки, гарпуны, рыболовные крючки), плёл волосяные сети и вёл осёдлый образ жизни, строил жилища (полуземлянки), возводил свайные постройки. В эпоху неолита одомашнены все основные виды животных, видимо, в большинстве случаев в такой последовательности: свинья (европейский и азиатский дикие кабаны), овца (муфлон, аргали), коза (безоаровый козел), крупный рогатый скот (разновидности тура) и много позже – лошадь (тарпан, онагр). Впрочем, это зависело и от наличия диких форм.

Ученые единодушны в мнении, что одомашнивание произошло в результате длительного воздействия четырех главнейших факторов. Это, во-первых, ограничение движения при содержании в неволе, что привело к ослаблению, частичной атрофии мощного мышечного аппарата. Во-вторых, изменение питания, обычно в худшую сторону. Животные стали мельче своих диких родичей и получили в науке особое название – торфяниковый скот (скот верхнего неолита). Позднее, в историческую эпоху, в ряде мест применялось обратное скрещивание домашних животных с дикими для укрупнения и повышения их выносливости. В-третьих, защита от хищников, что в корне изменило направление искусственного отбора. Животным стали не нужны орудия защиты (мощные рога, крепкие ноги и кости черепа) и способность к быстрому передвижению. При недостаточном кормлении в неволе выживали как раз более мелкие и слабые. В-четвёртых, искусственный отбор. Чтобы обезопасить себя, человек оставлял для разведения более слабых и спокойных особей,

² Богданов Е.А. Происхождение домашних животных – М., 1959.

а свирепых убивал и съедал. В начальный период одомашнивания (в малочисленных стадах) родственные спаривания животных были нередки, и ослабление потомства, как следствие, устраивало человека (два-три поколения). Затем наступала страшная катастрофа – вырождение стад. Видимо, такое повторялось много раз, пока человек в недрах неолита не извлек необходимые уроки и ненаучился бороться с вырождением путем обмена производителями.

Перечисленные факторы, в основе которых лежат колоссальный труд и поистине первобытное упорство человека, дали в конце концов поразительные результаты – домашних животных⁴. Таковы завоевания неолита.

Каменные эпохи закончились 6-7 тыс. лет назад. За ними около 3000 лет длились медный и бронзовый и 1000-1500 лет – железный век, а с половины первого тысячелетия до нашей эры (около 2500 лет) – историческая эпоха: древняя история с летописями, средняя и новая со всеми изобретениями вплоть до атомной энергии и космических кораблей, на что потребовалось всего несколько сотен лет. В послекаменные века одомашнены только кролик, утка и, вероятно, кошка. Зато несколько видов домашних (или почти домашних) животных утрачены (онагр, ряд антилоп и, предположительно, африканский слон). Кроме того, истреблены многие виды в естественной природе⁵.

Изменения в орудиях производства происходили не одновременно во всех уголках планеты. Северные территории человек заселял позднее, здесь обычно позднее сменялись и эпохи⁶. Это обстоятельство использовано в настоящей повести. События в южном племени развёртываются в конце неолита: завершается одомашнивание свиней и туров, жилища возводятся на сваях, каменные орудия совершенны, применяется мотыжное земледелие,

³ Кисловский Д.А. Из истории животноводства и зоотехнической науки – М., 1965.

⁴ Борисенко Е.Ф. Разведение сельскохозяйственных животных. – М., 1952.

⁵ Еще в XVIII веке некоторые народности Камчатки располагали только каменными орудиями, а в 60-х годах нашего столетия в глухих тропических лесах обнаружено племя, которое жило в каменном веке и не имело домашних животных.

зарождается патриархальная семья. В то же время лесное племя живет в начале новокаменного века и только приступает к приручению животных, используя опыт южан. Южное и лесное племя контактируют между собой, что не противоречит исторической правде и позволяет в рамках повести охватить промежуток в несколько тысячелетий. Союз с северным племенем тоже не выдумка автора. Многие племена объединялись для совместного ведения войн с более сильным противником и, вероятно, для одомашнивания животных (обмен производителями).

В прошлом племена часто воевали из-за охотничьих угодий или с целью грабежа. В древнекаменные века пленных убивали, в некоторых племенах съедали. После одомашнивания животных производительность труда возросла, стало выгодно пленникам сохранять жизнь. Их отдавали в мужья женщинам, потерявшим мужей на войне или охоте, а позднее стали превращать в рабов. Таким образом, автор стремился следовать исторической достоверности во всем, допуская творческий вымысел в эпизодах.

Многие детали в проблеме происхождения и одомашнивания животных пока не ясны. Например, одни ученые считают, что скотоводство Сибири возникло в результате местного одомашнивания⁷, так как туры в послеледниковый период (неолит) были здесь широко распространены⁸.

Другие авторы полагают равно вероятным в разных областях обширных пространств Сибири и местное одомашнивание, и поступление извне в результате войн и переселения народов⁹.

Важно подчеркнуть, что на протяжении одной человеческой жизни серьезные изменения в облике и поведении одомашниваемых животных вряд ли могли произойти, и тем не менее люди продолжали начатое дело из поколения в поколение. Теперь мы знаем это из собственного опыта (одомашнивание продолжается).

⁶ Сосновский Г.П. К истории скотоводства Сибири. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. Т.1. 1940; Колесник Н.Н. Происхождение, эволюция и экологогеографическая дифференциация домашних животных Азии: дис.//ВИЖ. – 1946.

⁷ Громова В.И. Первобытный бык, или тур, в СССР//Ежегодник зоологического журнала. – Л., 1931.

Чернобурых лисиц разводят в клетках (в крайне искусственных условиях) около 100 лет, в неволе сменилось их почти 100 (!) поколений, а домашними они не стали. Появилась только характерная изменчивость (доместикационная), позволяющая вести систематический отбор. А первобытный человек не мог создать столь же искусственных условий, тем более для гигантов-туров, которые достигали в высоту двух, а в длину четырех с половиной метров¹⁰ Их изменения происходили значительно медленнее, да и смена поколений у первобытного быка была растянута на 5-6 лет (у лисиц – ежегодно).

По мнению академика С.Н.Боголюбского¹¹, на превращение тура в домашнее животное людям потребовалось более тысячи лет. Все это время туров нельзя было пасти, а в загонах трава вырождалась. Нужно было строить новые и новые загоны каменными орудиями и силой собственных мускулов (лошадь одомашнена позднее других животных, а ее рабочие качества оценены только в историческую эпоху).

Длительность одомашнивания того или иного вида зависела прежде всего от степени различий содержания в неволе и жизни этих зверей в естественной природе, а также от биологических особенностей животного (многоплодие, сроки смены поколений). Северные олени и туры обычно одноплодны, они подверглись одомашниванию примерно в одно время. Но первые мало изменились по сравнению с дикими (их трудно отличить), а породы крупного рогатого скота по большинству признаков утратили сходство с турами. Без сомнения, одомашнивание северного оленя продолжалось несколько тысячелетий. Например, мелкие животные (овца, коза) одомашнивались за относительно короткое время. Человек мог изолировать их в пещерах, ущельях и подкармливать искусственно, срезая траву и доставляя к стоянке

⁸ Трошин И.П. История развития скотоводства Западной Сибири. – Новосибирск, 1969.

⁹ Туры повсеместно вымерли или уничтожены. Последняя турица пала в одном из заповедников Польши в 1627 году. Значит, о них мы знаем из письменных источников и были: “взрывкал по-туриному”, “буй-тур Всеволод” и т.д.

¹⁰ Боголюбский С.Н. Происхождение и преобразование домашних животных. – М.: Сов. Россия, 1952.

(вроде содержания в клетках пушных зверей в наши дни). Люди неолита имели для этой цели каменные серпы.

Следовательно, человек, сотни тысяч лет охотясь на диких животных, изучил их повадки, оценил достоинства как поставщиков мяса, научился содержать в неволе, некоторых приручил (выбор не был случайным) и одомашнил, проявляя смекалку и непостижимое упорство в труде. К концу неолита он стал довольно умелым животноводом¹².

Одомашнивание животных явилось столь крупным достижением, что имело серьезные социальные последствия. Родовая община постепенно распалась, образовалась патриархальная семья (во главе с мужчиной), которая вполне могла управиться с разведением домашнего скота — главным источником существования. Растениеводство за редким исключением (очень плодородные почвы и возможность орошения в предгорьях) не могло играть экономически важной роли до внедрения плужного земледелия и использования рабочих животных.

В научном плане проблема одомашнивания животных сложна и многообразна, исследователи имеют дело с такой древностью, когда не было письменности. Поэтому к изучению привлекались разные методы: археологический (раскопки древних стоянок человека), палеонтологический (изучение вымерших животных по костным остаткам), этнографический (изучение быта народов, стоящих на разных уровнях развития), краниологический (изучение черепов, как менее изменчивых), сравнительно-зоологический и др. Огромную ценность представляют наскальные рисунки того времени. Для изучения проблемы предпринимались многочисленные экспедиции, в том числе и советскими учеными. К настоящему времени установлены время и место (очаги) одомашнивания, дикие предки животных, прослежено их постепенное изменение в неволе. Все это не только служит пониманию общебиологических законов эволюции животного мира, но и вооружает умением управлять эволюцией наших домаш-

¹¹ Дарвин Ч. Приручение животных. — М., 1978.

них животных в процессе породообразования.

К сожалению, великий коллективный подвиг людей неолита, результатами которого пользуется нынешнее человечество, в полной мере осмыслен и должным образом оценен пока только узким кругом специалистов.

*Кандидат с.-х. наук,
доцент В.А. Головин*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава I. Пришельцы с юга	4
Глава II. Рассказ Гирра.	23
Глава III. Против духов.	45
Глава IV. Терпение и мудрость	67
Глава V. Нежданные гости	87
Глава VI. Темнокожие	103
Глава VII. Братья	122
Глава VIII. Большой огонь	134
Глава IX. Рублев из неолита	151
Эпилог	172
Историческая справка	173

У синей реки

Головин Владимир Андреевич

Рисунки выполнены автором

Составитель Г.Н.Антоник

Редактор Т.М. Мастрич

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 24.49.04.953.П. 000381.09.03
от 25.09.2003 г.

Подписано в печать 17.03.2008. Формат 60х84/16. Бумага тип. № 1

Печать - ризограф. Объем 11,5 п.л. Тираж 50 экз. Заказ № 1445

Издательство Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117